

Изда-Читальна

СБОРНИК СТИХОВ

Лауреаты конкурса
«Пятая стихия»
Международной
литературной премии
имени Игоря Царёва
(2016 год)

СБОРНИК СТИХОВ

лауреатов

Третьего поэтического конкурса «Пятая стихия»

Международной литературной премии

имени Игоря Царёва

(сезон 2016 г.)

2017

Эта книга – третья из серии поэтических сборников, в которую вошли произведения авторов, отмеченных Конкурсной комиссией Международной литературной премии имени Игоря Царёва в 2016 году. Поэтому у тех, кто уже знаком с первыми двумя сборниками стихов «Пятая стихия» (по итогам 2014 и 2015 г.г.), не должны вызвать удивление повторяющиеся в каждом томе тексты «Аннотации» и «Предисловия» – ведь есть и те, кто прочитает их впервые...

Аннотация

«Искусство создавать новые миры с помощью слова, как и умение видеть за словом эти миры, деградирует и отмирает. За ненужностью. <...> Телекартинка, как и лапша быстрого приготовления, действительно облегчает людям жизнь. Но всё это вовсе не означает, что поэзия со временем исчезнет. Поэзия бессмертна. Сам Создатель, на мой взгляд, – поэт. Смена времён года и другие временные циклы – что это, как не рифмы на языке Вечности? Так что поэзия, независимо от конъюнктуры, всегда будет с людьми», - писал Игорь Царёв.

Избыточная информация, которую поглощает современный читатель, порой не позволяет вычленивать из общей массы достойные поэтические произведения. И мы заполняем возникший вакуум именами из прошлого века или именами с голубого экрана, порой даже не подозревая, что в просторах виртуального пространства уже родились новые Поэты...

Эта книга – сборник стихов наших современников. Хочется верить, что среди них есть те, чьи имена когда-нибудь будут стоять в одном ряду с именами своих великих предшественников.

Стихи бывают как листья осоки —
Не прочесть, не искромсав души.
В них корни слов сквозь строки гонят соки,
Суть отделяя от предлогов лжи.

По тонкой грани между тьмой и светом,
Сквозь рифмы, как сквозь рифы корабли,
Проводят нас Верховные Поэты
К божественному краешку земли...

Я не ношу атласные лампасы
И не смотрю на рифмы свысока —
Я рядовой словарного запаса,
Я часовой родного языка.

Неровной строчкой гладь бумаги вышив,
Пишу, еще не ведая о чем,
Но ощущая, будто кто-то свыше
Заглядывает мне через плечо.

Игорь Царёв
«Я рядовой словарного запаса»

ПРЕДИСЛОВИЕ

4 апреля 2013 г. ушел из жизни замечательный русский поэт Игорь Царёв.

Уроженец Приморья, детство и юность проведший в Хабаровске, студенческие годы – в Ленинграде (Санкт-Петербург), свои последние 30 лет он прожил в Москве. Работал в «Московском комсомольце», «Труде», «Российской газете». Член Союза журналистов, член Союза писателей России, автор 12 научно-популярных книг, более 1000 публикаций в СМИ, он писал стихи, которые были высоко оценены мировым литературным сообществом.

Подборки стихов Игоря Царёва публиковались в российских и международных литературных журналах и альманахах, таких, как «Поэзия», «Воскресенье», «Заблудившийся трамвай», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Ковчег», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Каштановый дом», «Чайка», «Окна», «АКМЕ», «Лит-э-лит» и многих других.

Он был лауреатом и призером многих российских и международных поэтических конкурсов. Только за последние пять лет жизни стал победителем конкурсов «Споемте, друзья – 2008», «Серебряный стрелец – 2008», «Заблудившийся трамвай – 2011», премии «Поэт года – 2012», Международного конкурса художественного творчества «По Чехову», Международного конкурса Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина в номинации «Большая поэзия», обладателем Гран-при международного конкурса «45-й калибр», приза президента Союза писателей XXI века, приза литературно-музыкального салона «Дом Берлиных» (Лос-Анджелес) – 2013 год...

Игорь Царёв награжден «Золотой Есенинской медалью», медалью А.С.Грибоедова, дипломами «Золотое перо Московии», «Золотое перо Руси», «За верное служение Русской культуре и литературе», имени В.И.Вернадского, имени Александра Блока и многими другими.

В 2002 году вышла книга его стихов «Море камни не считает». В 2011 году был издан сборник стихов «Соль мажор». В 2013 году в сети выпущен сборник «Переводы с языков пламени». В 2014 году - сборник стихов «Любя и веря вопреки...»

В память о поэте Игоре Царёве, для сохранения его литературного наследия, а также в целях поощрения творчества граждан России и иностранных государств по созданию литературных произведений на русском языке, для сохранения и приумножения традиций русской словесности **11 ноября 2013 года была**

учреждена ежегодная Международная литературная премия «Пятая стихия» имени Игоря Царёва.

Учредителями премии стали: Ирина Борисовна Царёва – жена Игоря Царёва, член СП России, писатель; Вадим Петрович Могила – отец Игоря Царёва, профессор; Марк Григорьевич Розовский – драматург, режиссёр театра «У Никитских ворот»; Людмила Николаевна Мережко – заслуженный работник культуры РФ, председатель Правления Московского литфонда; Международный поэтический альманах «45-я параллель»; Международный литературный журнал «Зарубежные задворки» (Германия); проект «Русское безружье» (США); Южнорусский союз писателей (Украина); Межрегиональная общественная организация - Литературно-общественное объединение «Изба-Читальня».

В качестве информационной поддержки конкурсов Премии имени Игоря Царёва выступили: издание Правительства РФ «Российская газета», Издательский Дом «Книжное обозрение», литературный журнал «Дальний Восток», Международный поэтический альманах «45-я параллель», Международный литературный журнал «Зарубежные задворки», Международный литературный журнал «Сетевая словесность», Международный творческий ресурс соотечественников «Подлинник», творческая гостиная DILIGANS (Украина), литературно-художественный журнал «Гостиная», ОРЛИТА (Объединение Русских ЛИТераторов Америки), радиостанция «Старое радио», сетевые поэтические сайты.

Итоги Первого конкурса Премии имени Игоря Царёва (сезон 2013-2014) были подведены на Торжественной церемонии вручения премии и наград 11 ноября 2014 года – в день рождения Поэта. Финальным аккордом конкурса стал выход в свет в 2015 году сборника стихов лауреатов Первого поэтического конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия».

Второй сборник стихов лауреатов конкурса серии «Пятая стихия» был выпущен в 2016 году по итогам Второго поэтического конкурса имени Игоря Царёва.

11 ноября 2016 года на Торжественной Церемонии вручения наград Премии сезона 2016 года были подведены итоги Третьего поэтического конкурса имени Игоря Царёва, которые представлены в предлагаемом читателю третьем сборнике «Пятая стихия».

Сборники выпускаются совместными усилиями Ирины Царёвой - жены поэта, члена СПР, учредителя Международной литературной премии им. Игоря Царёва, формирующей материал для публикации, и МОО «Изба - Читальня», принявшей на себя труд и затраты по их изданию.

«Имба-Читальня» на сегодня является одним из популярных русскоязычных литературных сайтов. Его фундаментальная основа – творчество, как российских поэтов, так и поэтов других стран, понимающих и принимающих русский язык как родной. Интернет-портал «Имба-Читальня» функционирует в тесном сотрудничестве с региональными писательскими организациями России и различными творческими союзами, предоставляя им возможность заявить о своей деятельности и успехах через сайт, обладающий многотысячной аудиторией читателей.

Валерий Белов,

главный редактор «Имбы-Читальни»

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Третий поэтический конкурс Премии стартовал 11 января 2016 года под девизом: «...по тонкой грани между тьмой и светом» (Игорь Царёв, «Я рядовой словарного запаса»).

К участию в конкурсе были приглашены поэты, музыканты, исполнители авторской песни, а также для участия в номинации «Верность памяти» - критики, филологи, литературоведы, переводчики и коллеги-поэты, изучающие творчество Игоря Царёва и пропагандирующие его.

От участников конкурса в номинации «Поэзия» ждали безупречного владения русским языком, высокой техники стихосложения, благородства и честности личного мироощущения.

Для участия в номинации «Музыкальные произведения» были приглашены авторы песен на стихи Игоря Царёва, сумевшие понять и прочувствовать авторский текст, объединить стихи и музыку в единое целое.

В сборник, прежде всего, вошли стихи финалистов поэтического конкурса.

Победителем этого сезона стал Юрий Бердан - поэт из США, покоровший жюри силой, трагизмом и глубиной своей поэзии. Ему был вручен главный приз: Большой бронзовый колокол и премия 30 тысяч рублей.

Также решением оргкомитета к участию в сборнике «Пятая стихия» были приглашены авторы, боровшиеся за выход в финал, чьи стихи обратили на себя внимание конкурсной комиссии.

Наш конкурс в этом, как и в предыдущих сезонах, сопровождал известный литературный обозреватель - Владимир Гутковский (Киев, Украина). Владимир Гутковский – поэт, прозаик, критик, член Национального союза писателей Украины (НСПУ), лауреат премии Волошинского конкурса, премии НСПУ им Н.Ушакова, премии журнала «Радуга», литературный обозреватель портала Stihi.lv, автор работ по обозрению произведений современной поэзии. Его ремарки, написанные еще до того, как были подведены итоги конкурса, сопровождают конкурсное стихотворение каждого автора. Более детальному анализу подверглись подборки финалистов.

Стихи сборника «Пятая стихия-3», без сомнения, заслуживают внимания читателя. Есть в этом сборнике имена, которым дано прославить русскую поэзию.

Оргкомитет конкурса

ОТ КОНКУРСНОЙ КОМИССИИ

На самом последнем этапе члены жюри должны были оценить по 10-балльной шкале десять конкурсных работ, прошедших в финал, распределив тем самым места финалистов в рейтинговой таблице поэтического конкурса. Причем к этому этапу имена финалистов и адреса страниц с другими их произведениями уже были рассекречены, так что у жюри была возможность учесть в своей оценке творческий потенциал каждого из них.

От членов Жюри:

...За эти дни поняла, что, несмотря на малый объем работы, именно этот этап - самый сложный. Сужу по себе: выучила практически все стихи наизусть, но рука не поднимается ставить кого-то на последние места.

...Как жаль, что финальных мест только 10! Выйти в финал достойны и многие из тех, кто в него не прошел!..

...Такие все хорошие! Ну, не без погрешностей, но все равно хороши! Каждый по-своему...

...Не могу никому выставить низкие баллы. Понимаю, что это не баллы, а лишь указатели занимаемого места в сравнении финальных работ. Но что делать, если я не вижу среди них последних!? Так что распределяю свои предпочтения с 1-го по 5-е место – считайте, что авторы, по моему мнению, делят между собой только верхние строчки рейтинга. Нравятся все!..

...У меня маятник так и качается – то «Сталкер» перемещается каждый день с первого на четвертое место. (((, то Вера Кузьмина на первом месте, то Смирягина на 2-м, да и те, кто по 1-3 балла получили, мне тоже нравятся безотносительно к местам...

... Ломаю себя через коленку, вписывая единицу, двойку, тройку...

...И страшновато мне, что кого-то незаслуженно обхожу высокими баллами, и надеюсь, что всё будет скорректировано в момент подведения итогов...

...В других конкурсах большинство из нашей финальной десятки безоговорочно оказалось бы в призёрах...

От литературного обозревателя

*Приветствую всех участников очередного сезона конкурса «Пятая стихия», посвященного памяти Игоря Царева!
В первую очередь, безусловно, авторов!*

*И, конечно, организаторов, членов Жюри, просто читателей!
(Хочется надеяться, что последних было немало).*

*Думаю, что конкурс задался.
В финал вышли очень разнообразные и равно зрелые произведения.
Читать и перечитывать их было интересно и поучительно.
Еще раз спасибо авторам за их стихи!
До новых встреч!
В.Г.*

ФИНАЛИСТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА 2016 года

Клавдия Смирягина, Санкт-Петербург

Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2016» Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Конкурсное произведение

Слово

Слова произрастали просто так,
высокие и стройные, как свечи.
Порой он их безжалостно калечил,
колол, рубил, топил словами печи
и грелся сам, и грел своих собак.

Слова дождями падали с небес,
несли прохладу, жажду утоляли.
Он в них купался, думая едва ли,
куда они текли, куда впадали,
какой ещё питали дом и лес.

Слова стучались странниками в дверь,
отведав снеди, в путь пускались снова,
он их не помнил, мало ли такого,
не стоящего вздоха или слова,
случается порой среди потерь.

И день пришёл, ударив наповал,
из пустоты, блестя алмазной гранью,
возникло слово, и цветки герани
осыпались навстречу увяданью.
Он принял дар
и крест на плечи взял.

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

Душевный и духовный текст.

Репрезентирующая цитата:

*«...внимали, словно откровению,
... догорающему слову, тающему пению,
незаученной молитве, голосу души».*

Финальный обзор:

Поэту всегда интересно писать о себе. В лучшем случае о себе подобных. Ничего не напишешь раз «Он принял дар и крест на плечи взял....».

Знакомый каждому творческому процесс «Слова произрастали просто так» приобретает прямо эпический характер «Порой он их безжалостно калечил, колол, рубил, топил словами печи и грелся сам, и грел своих собак».

Но жажда творчества неостановима и неумолима:

*«Слова дождями падали с небес,
несли прохладу, жажду утоляли»;*

«Слова стучались странниками в дверь».

А поэт иногда расслаблено и рассеяно пропускает их мимо себя:

«он их не помнил, мало ли такого, не стоящего вздоха или слова, случается порой».

Так случается редко, но случается (говорят).

Ожидание, вознагражденное неоценимым даром:

«...из пустоты, блестя алмазной гранью, возникло слово».

То единственное настоящее слово.

Почаще бы.

В.Г.

Подборка стихотворений Клавдии Смирягиной

Очень простое стихотворение

Всё было весело и странно:
дрожал бревенчатый причал,
и ты вполне серьёзно Анной
рябую Нюрку величал.
Чешуйчато река блестела,
врезались лямки рюкзака,
и на меня ты то и дело
посматривал исподтишка.
В висках стучало: не-у-же-ли?
и сердце бухало: да-да!
Синицы, как свистки из Гжели,
раскачивали провода.
Покачиваясь деловито,
отчалил с нами теплоход.
Всё было весело в забытый,
давным-давно забытый год.

Хурма

Пришла пора светящейся хурмы,
прозрачной до семян, до сердцевины.

Над городом предчувствием зимы
курсируют седые цеппелины.

Курсируют, касаясь куполов,
утюжат неба серую изнанку,
на мелкий дождик снег перемолов,
лениво сеют реденькую манку.

Торговец смуглый, прячась под навес,
ладонью нервно вытирая холку,
дары скупые северных небес
и север проклиная втихомолку.

Зато хурма! Сквозь сумеречный смог,
сквозь осени томительные страхи
она горит, как рыжий огонёк,
как пуговка на порванной рубашке.

Но рви не рви, в прорехах хмурых дней
белеет нежность завтрашнего света.
Чем снег светлей, тем будет холодней.
Чем холодней, тем жарче будет лето.

И где-то там, далёко-далеко,
в кисельных берегах неторопливо
стекает с гор парное молоко,
и пенится в чанах хмельное пиво.

А здесь, сейчас обнявшиеся мы
в промозглом ноябре, как на подложке.
И капли сладкой солнечной хурмы
стекают по озябшим подбородкам.

достоевское

Гороховая в ранний час смурной,
как горное ущелье, молчалива.
В мансарде дремлет утомленный Ной
над «Балтикой» подвального разлива.

На скатерти с кистями – чертежи,
столетник смотрит вниз, на дно колодца.
На лбу у спящей Сонечки дрожит
кудрявой прядки краденое солнце.

Во двор не проникает свет реклам,
и свет дневной не проникает тоже.
И не похож чердак на купола,
но с чердака поближе к небу всё же.

Когда рассвет над городом встает,
молочным утром светится мансарда
и сквозь туман плывет, как утлый плот,
в покой давно приснившегося сада.

На небе, замурованном свинцом,
чадит заря, по-питерски скупая.
И мира Достоевское лицо
дагеротипным снимком проступает.

Шуба

Скорняк был строг и точен, как хирург,
сшивающий края открытой раны.
И мех теплел от сильных чутких рук,
учился греть, спасать и быть желанным.

И был мороз, и в шубе, как в гнезде,
дышало, пело нежное, живое.

Потом был дом, распялка на гвозде,
огонь в печи, безмолвие покоя.

Вот так висеть – больней, чем просто смерть:
ненужной быть и не коснуться даже
того, кого так хочется согреть.
Кого? Кого-нибудь. Обнять. Успеть.
До лета. До последней распродажи.

День дурака

В пятницу с утра в селе Орясино
всё творилось наперекосяк:
солнце угнездилося в кроне ясеня,
солнцу бы на небо надо, ясен пень,
а оно не двигалось никак.
И висело рыжее, лохматое,
спины припекая и дворы.
Мужики попрятались по хатам, и

лишь Иван-дурак застыл, как статуя,
на потеху местной детворы.
Долго-долго вверх смотрел с завалинки,
щурился, наморщив лоб слегка.
А потом сорвался в хату к маменьке
и принес под ясень глечик маленький
теплого парного молока.
Солнце посмотрело вниз, приняхалось,
слезло осторожно по суку.
Ванька угостил его краюхою,
сытое оно и толстобрюхое,
в ноги привалилось к дураку.
Расставались молча, за околицей.
И судачат все, кому не лень,
что за этой блажью солнца кроется.
Ванька ни о чем не беспокоится.
Просто был его, дурацкий, день.

На Волковском

На Волковском – запахи скошенных трав,
дорожки, метённые чисто.
На братских полянах притихли ветра,
купаясь в лучах золотистых.
Вдоль братских, направо и наискосок –
в густые кленовые тени,
где тонко и нежно тревожит висок
комарика тихое пенье.
Вот я и пришла, непутевая дочь,
в корзинке – петуний рассада.
Спросила бы, чем вам сегодня помочь,
а вам ничего и не надо.
С гранитного камня глядите светло,
плечами прижавшись друг к другу.
А время застыло и снова пошло,
вращаясь неспешно по кругу.
Назад, и налево, и наискосок,
туда, где шумит автострада.
И греет лопатки сквозь тонкий платок
тепло материнского взгляда.

Не страшно

Шипя, чертыхаясь, сжимая кистень
и соображая от ужаса плохо,

по углям садов, городов, деревень
ступает босыми ногами эпоха.
Быть может, и нам не сносить головы,
но он уцелел, город сирий и битый,
и серым, не глаженным шарфом Невы
его Петропавловки горло укрыто.
Мне с ним хорошо и тепло, как с тобой.
Мы оба - его повзрослевшие дети.
Повязаны общей Невой и судьбой
и тем, что нам врозь не живётся на свете.
Когда мы летаем, обнявшись во сне,
и ангел со шпиля нам крыльями машет,
свихнувшийся век улыбается мне.
И даже не страшно.

Царь

Царь смеётся, глядя сквозь века:
вновь его народ ломает копья.
Ох, и глубока ты, и крепка,
выучка да выправка холопья!
Яблочко по блюдечку бежит,
круг за кругом резво нарежая.
Кто там показался? Вечный Жид?
Или сарацин залетных стая?
Впрочем, развлекаться недосуг:
снова петушок на спице бьётся,
точит острый меч вчерашний друг,
и опять отравлены колодцы.
Ты же царь, а значит, виноват,
в смутах, воровстве да недородах,
в том, что въехал в ухо брату брат,
ты виновен, ты, отец народа.
Если слишком мягок, если крут,
если на колу сидит предатель,
каждый пряник твой и каждый кнут -
всё припомнят, кстати и некстати.
Царь вздыхает, жестким пальцем вновь
яблочко по кругу запускает.
Что там ждёт у правнуков – любовь
или злоба чёрная людская?
В штофе, словно кровь, горит вино,
яблочко торопится, кружится.
Царь не спит. В окне темным-темно.
Только петушок торчит на спице.

Безумец

Там, где вокруг на сотни верст леса, и небеса свернулись в звёздный кокон,
где белая от холода луна и синий от теней еловых снег,
где до табачной лавки три часа, и триста метров до соседских окон,
отдав и получив долги сполна, хотел бы поселиться я навек.
Какой там царь, какой там век вовне, кто дергает вселенную за нитки,
как матери калечат дочерей, а дети позабыли про отцов,
тревожило бы там меня во сне, но усыплял бы тонкий скрип калитки,
и тихие шаги лесных зверей, и нежный звон небесных бубенцов.

А вот ещё. Туда, где океан до сей поры хранит поморов кочи,
где белый мох на серых валунах и нити спелой клюквы вдоль тропы,
пришёл бы я, не прошен и не зван, ловил бы позывные долгой ночи
и собирал их в зимний альманах посредством строк коротких и скупых.
Толкался бы в ладонь лобастый пёс, в сарае на стене висели сети,
и крепкий запах рыбной чешуи въедался в узелки подживших ран.
И реки так и не пролитых слёз, и всё, за что когда-то был в ответе,
вопросы и сомнения мои унес с отливом белый океан.

Но я всего лишь шарик кровавой, бегущий по сосудам шумных улиц,
одна из сотен маленьких дробин.
Я – рядовой, шагающий не в такт,
я – внук и сын ушибленных войной,
храбрец из тех, на ком клеймо «безумец».

И дремлет над диваном карабин, и близится к финалу третий акт.

Всё хорошо, что хорошо кончается

Зима сопротивляется отчаянно,
цепляясь за ночные холода.
Но зыбкое весеннее молчание
сменяется синичьим звонким «Да!»
Кряхтят деды, одолевая лестницы,
на солнышко выходят посидеть.
И небо в их глазах бесцветных светится,
и в голосе звучит былая медь,
когда на внуков понарошку гаркают,
а те, от солнца ошалев слегка,
хватают талый снег руками жаркими,
и не умеют остывать пока.
И будет лето, и зима-печальница,
и «я» семь раз умножится на семь...
Всё хорошо, что хорошо кончается.
Поскольку не кончается совсем.

Никита Брагин, Москва

Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2016» Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Конкурсное произведение

Апокриф

Проходил селом богатым Спас, а с ним апостолы, —
был в тот день великий праздник, колокольный звон.
Все село тогда молилось, пели алконостами
литургийные стихиры, праздничный канон.

А когда накинул вечер покрывало мглистое,
все сельчане собирались у огней лампад,
и внимали благодати, и молились истово,
и горел закатным золотом тихий листопад.

Но не слушал Спас молитвы, не стоял во храме Он,
а сидел в избушке старой на краю села,
где над маленьким ребенком голубицей раненой
пела песенку сестренка, пела и звала...

И апостолы внимали, словно откровению,
и сложили в красный угол хлеба и гроши
догорающему слову, тающему пению,
незаученной молитве, голосу души.

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

Душевный и духовный текст.

Репрезентирующая цитата:

*«...внимали, словно откровению,
... догорающему слову, тающему пению,
незаученной молитве, голосу души».*

Финальный обзор:

Да. Душевный и духовный текст.

Да что тут размусоливать!

Автор сполна высказал все то, что было у него на душе.

Складно и внятно.

Передав чувство подлинной теплоты и внутренней гармонии.

Новый апокриф:

*«догорающему слову, тающему пению,
незаученной молитве, голосу души».*
В.Г.

Подборка стихотворений Никиты Брагина

* * *

Нынче небо хмуро и хмарно,
слякоть снега, и та сошла,
мостовая грязна, словно карма
в очагах и кавернах зла,
и живёшь ожиданием крушений,
и со страхомходишь в метро,
и на душу надет ошейник,
а в глазах слепяще-пестро.

Ищешь выход, и сердце бьётся,
словно щука хвостом об лёд,
тщетно ловишь со дна колодца
облаков равнодушный полёт.
Статистический потребитель
сублимированных котлет
не расслышал слова «любите»,
и решил, что этого нет.

Нет ни солнца, ни Альтаира,
нет ни лунности, ни синевы,
ни пилотов, ни пассажиров,
нет ни птицы в небе Москвы...
Так зачем ты веришь и видишь
белокрылую высоту,
так зачем ты, хоть стоя, хоть сидя,
всё летишь и летишь по листу?

Всё предчувствуя, всё понимая,
у последнего рубежа
отверзает уста немая,
раскрывает крылья, дрожа,
и поёт, и плачет, нагая,
неприкаянная душа,
а волна гремит, набегаая,
и дробится, смертью дыша.

* * *

Я хочу быть стоном надломленной ели,
дальним звоном колокола в метели,
неутешным плачем у колыбели
на исходе дня,
потому, что в этом снова и снова,
и легко, и чисто, и проще простого
сквозь пустую речь прорастает слово,
и зовет меня.

Но меня не тронут пьяные слезы,
и надрыв, и вопли, и кровь с навозом,
и вообще я не верю в соборность колхоза,
мне другое ближе, —
одинокость креста над речным разливом,
и негромкий, но вольный шелест нивы,
и согбенная скорбь надмогильной ивы —
в ней я родину вижу.

Вижу вал земляной — то в некошенных травах,
то под белым снегом, и в детских забавах, —
вот что вижу я у тебя, держава,
под кольчугой.
И не надо вычурных толкований,
завываний, истерик и целований —
в наше время играть и сорить словами
не заслуга.

Быть Тёрнером

Быть Тёрнером. Быть солнцем в облаках,
текучим, словно огненная пена
в роскошном повечерье Карфагена,
предощущающего кровь и крах.

Быть ледяной пургой над Ганнибалом
и черным дымом над седой водой,
и в темном небе утренней звездой,
и моря переливчатым опалом.

Быть Тёрнером. Быть золотом в снегу,
когда глаза уже не различают
медовость эля и янтарность чая,
когда пора воскликнуть — не могу!

Да, не могу я видеть эту слякоть
и угольный, насквозь прокисший смог,
а счастье мне – с тобой мечтать и плакать,
не вылезая из домов-берлог,

и видеть Божий мир сквозь сотни окон
в узорчатой резьбе тяжелых рам,
как солнца свет, струящийся потоком
из многоцветных витражей во храм!

* * *

Когда коснется одиночество
изломом высохших ветвей,
и отзовется только отчество
из горькой памяти твоей,
тогда ты все увидишь заново,
как в детском радужном стекле,
предутреннее, первозданное,
единственное на земле.

Увидишь, словно не утрачены
в десятках прошуршавших лет,
в быту и беготне горячечной,
в дыму дешевых сигарет
ни муравы прохлады дивная,
ни темных елей тишина,
ни восхищение наивное
смешной девчонкой у окна.

Пляжные размышления джинна

Провалившись на пляже среди брюхоногих существ,
понимаю, что мне не хватает обзора.
Вот бы влезть на высокий, надежный и прочный насест,
и смотреть широко на залив и на горы!

Если жарко и тесно, то хочется снежных вершин,
крепкой плечи Атланта и плеч Гулливера, –
алым дымом взлечу, и прощай, Сулейманов кувшин,
принимай мой полет, атмосфера!

И, по древнему слову, песчинкой предстанет Земля,
засвербит в уголке воспаленного глаза,
и слеза океана зальет города и поля,
и вскипят облака ядовитого газа...

Мне такого не надо! Я лучше спокойно взгляну
сквозь стеклянную линзу на крошку в ладони,
и увижу судьбу, и внезапно пойму глубину,
где застыла Вселенная в тихом поклоне.

Там летят по орбитам лазурные искорки звезд
в нерушимых чертогах алмаза и кварца,
там единой гармонией дышат цветок и погост,
и не плачут во сне ни младенцы, ни старцы.

За решеткой кристалла найти бесконечный покой,
и уснуть? Но зачем, я и так засыпаю...
Между Солнцем и атомом тает беззвучной строкой,
догорает над морем заря золотая.

Дуновение бриза уснувшие глади рябит,
а эстрадные ритмы скользят мимо слуха.
Не имеют значенья размеры светил и орбит
в поле зрения Духа.

Ассирия

Летят золотые павлины
из вечных висячих садов
над пыльной и пепельной глиной,
где нет ни примет, ни следов
ушедшего в полночь Ашшура,
крылатых богов и быков,
где степь, словно львиная шкура,
покрыла скелеты веков.

И видят небесные птицы
сквозь мертвую пыльную твердь
жестокий полёт колесницы,
охоту, сражение, смерть;
ревут исполинские звери,
мечи обнажают цари
над прахом погибших империй
в кровавых просветах зари.

И нет ни ракет-минаретов,
ни черных, ни пестрых знамен,
не смотрит с казённых портретов
на нас воплощённый закон,
и нет ни европ, ни америк,

не пляшут ни доллар, ни brent,
и некому рейтинг измерить
и вычислить нужный процент.

Но есть непосильная слава,
немыслимая красота,
и львиная кровь, словно лава,
течет, первородно чиста,
течет обжигаяще близко,
так близко, что дух опалён,
и падает смертная искра
в бессмертную бездну времён.

У водопадов

Посиделки макак – где попарно, а где и по трое,
все светлее туманы, рождается день за горою,
белоснежные цапли целуются по берегам,
водопады Кавери взывают к бессмертным богам.

Отдохнуть бы в тени, наслаждаясь беседой с друзьями,
наблюдая, как скачет по скалам народ обезьяний,
отряхнуть суету и забыть городские труды
ради таинства ночи, рождения первой звезды.

Знаешь, это не старость, и вряд ли простая усталость.
Это в темной руде загораются грани кристалла,
и в суровую ткань золотая вплетается нить,
и бессмертное хочет в минутном себя воплотить.

Руан

Дышало утро холодом вокзала,
белели окна и бледнел неон,
фантазия свой вензель вырезала –
златой грифон, серебряный сион,
и в синеве готические шпили
я чувствовал за пеленой седой,
и каменные ангелы кропили
брусчатку улиц снеговой водой,
и плыл собор полотнищем узорным,
спадающим из солнечных высот,
где сам Господь разбрасывает зерна
и по лазури облака пасет.

* * *

Солнышко мутовки на сосновом спиле
светом прорастает из ушедшей были.
Чем седее бревна, чем древней венец,
тем светлее золото годовых колец.

Так и мы с тобою сквозь лета и зимы
прорастем любовью, прорастем любимым.
Смолкой золотою в солнечном бору,
для тебя заплачу я, и с тобой умру.

Виктория Кольцевая, г. Ровно, Украина

*Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2016» Международной
литературной премии имени Игоря Царёва.*

Конкурсное произведение

Утиная охота

А кто бы здесь назвал меня по имени —
ни старожилы и ни пришлеца.
Две уточки с подрезанными крыльями,
два вскинувших лорнетки озера.
И душу отразят, и не поморщатся,
и сумрачный не выкажут зрачок.
В реликтовом настенном одиночестве
и звуки, и зрачки — наперечёт.

Так жертвуешь всем этим, будто козырем,
и будто вовсе не игрок уже.
Крошит или раскрашивает озеро
на стёклышки для ложных витражей,
на водоросли, пёрышки и камешки
чужая, не фартовая рука.
Оглянешься на стены и поранишься
о донышко утиного зрачка,
об острое, солёное, гранёное.
О хлебницу и чашку на столе.

Твердеешь и сливаешься с пилонами,
сыреющими заживо в земле.
Но кто бы здесь блаженствовал и нежился,
колени от какого праотца...

Родись ты хоть татаринoм, хоть нежинцем,
хоть уточкой родись у озера.

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

Впечатляющий и запоминающийся текст, наполненный многими выразительными подробностями.

Репрезентирующая цитата:

«...два вскинувших лорнеты озера...».

Финальный обзор:

«Впечатляющий и запоминающийся текст, наполненный многими выразительными подробностями».

Пристальный и тревожный взгляд лирического героя, «ни старожилы и ни пришлеца» и в себя, и вовне.

Окно ли, зеркальце или немудреный настенный сюжетец столько скрывают и столько открывают. Корневые узы, исторические связи, житейские детали.

Они «...душу отразят и не поморщатся...».

Душу, изнывающую «...в реликтовом настенном одиночестве», где «и звуки, и зрачки — наперечёт...».

И прошлое, и окружающее привычно (свучно), но от этого не менее опасно:

«оглянешься на стены и поранишься...».

Картина складывается. Ее ощущаешь, и ей сочувствуешь.

Еще чуть бы выразительнее и техничнее финал.

Название текста наверняка не случайно. В нем еле внятный отзвук той самой «Утиной охоты».

Для меня во всяком случае.

В.Г.

Подборка стихотворений Виктории Кольцевой

Листопадовый чин

Слышишь, время скудеет в часах и плывет в водостоке,
что на западе здесь, что на мной позабытом востоке,
не умеет мерцать, как и твой чароит в волосах,
неподвижно.

Хоть наши настенные в общем итоге
не продвинулись дальше,
чем ваза, тарелка, мускат.

Мы ловили диковинный ход на барочном фронтоне,
будто улица Герцена делает время фартовей,
и судьба,

словно вензель, на стрелке минутной висит.

Мы кружили среди механизмов часов и часовен

и гадали на пальцах: в Дали циферблат нарисован
или это Корнелиус водит руками вблизи?
Мы не знали, что время покоится в мрачной капелле,
отбирающей жизни, покуда они не поспели,
и наперсникам мрака вручает сердца как гранат.
Мне ведь тоже иссохшие губы обрызгало соком,
хорошо, что морковным, с указанной датой и сроком.
Значит, можно гадать наперед,
возвращаясь назад.

* * *

Так треугольник и возник
на обозначенных вершинах.
От рук скрещенных —
напрямик,
вдоль Листопадового чина,
где и древесную кору
свело соленою фактурой
камней, прожженных на юру
за преданность святому Юру.

От вкуса кофе на губах,
воспламененного на крыше —
до связки выскобленных плах,
видавших все
и позабывших.
Но только выдохнешь «мой бог»,
подстережет «бог из машины».
И рвешься вдоль и поперек
до третьей,
зреющей, вершины.

* * *

Не верь настенным и песочным
когда витийствует сверчок,
и распорядок дня и ночи
его бессоннице вручен.
С ночной воздушной кантилены,
с дыханья,
сбитого в форшлаг
от темных очерков колена —
до смужек света на висках
и в тайной линии нагрудной,
и на браслете завитом,

и в пальцах, трогающих губы,
как увертюру — камертон.

* * *

И вдруг зазвучали опять под сурдинку
песчаники или гранит,
божественный ворох цветных фотоснимков
на сизый слетел краевид.
Струятся фонтаны, лучатся витрины,
и мнится, что запах коней
волнует облупленный нос Амфитриты
шафранного духа верней.
Но мне-то известно, что знать не пристало
ни оттискам, ни словарям.
И даже зрачок, оснащенный зеркалом,
чернеет за окнами зря.
По раме скользнет и уйдет по карнизу,
боясь обернуться назад,
когда между серым блуждает и мглистым
почти безоружный твой взгляд.

* * *

Здесь все в клубок: повозки и трамваи,
о край пилон чиркающий эркер,
и в сумеречной влаге созревает
голгофа во дворе армянской церкви —
игрушка, а не жизнь.
Реальной кофе
нет ничего, объекты растворимы:
цукерня, кофемолка, сытый профиль
Тараса на тарелке, пилигримы
с фарфоровыми нежными горбами,
австрийские кирпичные шкатулки,
нарезанные дробными кусками
фасады шоколадных переулков,
позеленевший котелок собора,
блестящий купол кумпеля,
но прежде —
обычная скамейка, на которой
тебя встречаю с утренней пробежки.
...Мы даже онемели до поры,
зайдя на энный уровень игры.

* * *

Уже и новою враждой отколот краешек любви
а ты в облоге долговой со мною рядом поживи,
тебе впервые принимать поочередно яд и мед.
И подоконник, и кровать качнутся в воздухе вот-вот,
и поведет ночная дрожь вдоль черепичного хребта
и торцевых фасадов сплошь —
к парадным путаным кутам.
И за метлахскою чертой, в уме рассчитывая Рим
на третий первый и второй,
ни звука не проговорим.
Уйдем, целуясь невпопад через порог или строку,
пока не сорван листопад по календарному листку —
в оштукатуренный фантом с ложноклассическим окном,
и позабудем, где Адам,
и не узнаем, где Франко.

* * *

Будто Левова доля сорвется с осин —
в гуще запаха, в токе желанного жара
вдруг листок пожелтый уколется,
засим
только воздух не будет закатан в спижарах
в трехлитровую меру, в дубовую прель,
в тридесятую склянку тягучего меда.
Забирай этот воздух с собою и пей
за дымящийся в кокиле слиток свободы,
за поруганный облик осадных мортир
в очертанье и гуле блошиного рынка,
за оставленный временем пыльный пунктир
отшумевших кофейников и грампластинок.
За гремучую доблесть и тонкую лесть,
за удушливый запах акаций и сбруи...
Будто Левовым рыком сорвало с небес
перспелые тучи, и слезы, и струи.

* * *

Теперь и нашей речи за столом
разгул не громче падающих листьев.
Вот-вот и рак на блюде пересвиснет,
и ложка двинет горлом напролом,
и тень забудет стену или дом,
и мнимый свет забудет или присный —
тут что-то, без сомнения, не так.

И гривенник катился, и пятак
под плитус и в расщелины асфальта —
бывают ли надежней якоря...
Мы ставили помногу раз подряд
на красное, блефуя винной картой.
Выигрывали улицу и день,
пока сезон надежд не оскудел,
пока хранили вещи очертанья
и запах, и общиннический дух.
И так легко казалось думать вслух,
что будет вслед за тем,
что было с нами.

Ольга Флярковская, Москва

*Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2016» Международной
литературной премии имени Игоря Царёва.*

Конкурсное произведение

От века...

Игорю Царёву

«От века поэтов корки черствы»*,
Зато не бывают поэты мертвы,
Когда бы и пили мертвецки...
И то, что для Дании просто «слова...»,
В России – поэтова с плеч голова
И кровь на страницах и «рецах»...
Поэт – это выход в гудящий портал,
Быть может, там ангел Господень летал,
А может, насвистывал демон...
Слова для поэта – что к небу ключи,
А может быть, небо стихами звучит
В мерцательном пульсе фонемы.
И всё, что на сердце наносит рубцы,
Что жизнь нанизала на наши венцы,
Вернётся энергией рифмы...
И пусть изречённая мысль не нова,
И тяжко подчас достаются слова,
В приливе толкая на рифы...
Сияет гвоздинными язвами твердь,
А шагом к бессмертью становится смерть,
И слава легонько стучится...

Как нитью, потомков прошила строка,
Сердца человекa связав на века
И высветив судьбы и лица...

_____ 11 ноября 2015 г.,
День рождения Игоря Царева

**Марина Цветаева, «Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!..»*

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

Тяжела, недовоспета доля русского поэта. «И то, что для Дании просто «слова...», в России – поэтова с плеч голова...». Некоторые обороты несколько смущают и не конца обоснованы: «наши венцы»; «гвоздинными язвами».

Репрезентирующая цитата:

«А шагом к бессмертью становится смерть...».

Финальный обзор:

«Тяжела, недовоспета доля русского поэта. «И то, что для Дании просто «слова...», в России – поэтова с плеч голова...».

Этот экспромтный тезис был развит и обыгран в комментариях. Оно и хорошо. Текст представляет достаточно изобретательную интерпретацию истин пусть и довольно очевидных, но от этого не теряющих своей глубины.

А следующие поэтические формулы и наблюдения:

*«Поэт – это выход в гудящий портал,
Быть может, там ангел Господень летал,
А может, насвистывал демон...»;*

«В мерцательном пульсе фонемы...»;

«И всё, что на сердце наносит рубцы...

Вернётся энергией рифмы... »....

заслуживают высокой оценки.

Несколько словесно смущает оборот «Сияет гвоздинными язвами твердь...», хотя выраженная мысль ясна и понятна.

И даже далеко не оригинальное умозаключение «А шагом к бессмертью становится смерть...» тоже может быть развернуто и интерпретировано. Перефразируя известное высказывание, это «такой решительный шаг для поэта и такой незначительный шагжок с точки зрения вечности».

Но время в конечном итоге все покажет.

И всем воздаст.

В.Г.

Подборка стихотворений Ольги Флярковской «Июньский снег»

Напиши мне письмо...

Отцу

Напиши мне письмо на прожилках стареющих листьев,
Я его сохраню до медовых сединок октября.

Не листва опадает — обноски обманчивых истин
под дождём проливным в заполошном полёте рябят.

Синий штемпель, конверт... Мы избрали иные каналы
чтобы знак передать, без нужды нам айфон и айпад.
Прикоснётся к плечу ненароком листок краснопалый,
и обрушенным яблоком встретит родительский сад.

Сквозь ожоги рябин голубою заплатою небо...
Этим горьким родством надышаться б... и это сбылось...
Всеединая связь неразрывна от корня до стебля,
неразрывная связь, наших жизней единая ось.

Безгранична любовь, бескорыстно прощенье земное.
Я за этот предел, может, вслед за тобой загляну...
Но какая бы новь не открылась за входом в иное,
я уверена, ты на пороге не бросишь одну.

Как пронзительны вальсы в озяблой глуши листопада...
Оркестровка точна, выразительно мягко туше.
Лишь бы внуки твои были праведны в жизни, не надо
утешенья иного, чем знание это, душе.

Фотосессию вскоре закончит в садах Коломбина,
Поменяет трико на пальтишко и серый платок.
И дохнёт от земли на прощание погребом винным,
и уляжется снег, словно осени первый итог.

Мы идём с тобою налегке...

Мы идём с тобою налегке
По прохладной утренней реке,
По песку, по плеску камыша,
И от счастья светится душа.
По заре, по утренним словам...
И росистый луг сверкает нам,
И взлетает спугнутый скворец!
Мы вдвоём идём с тобой, отец.
Мы вдвоём... а что бы — наяву?..
В немоту тебя теперь зову.
В черноту холодного креста.
Как немногословна немота...

Снег на Успенском Вражке

Глядите: от края — до края —

Вот наша Москва — голубая!

М. Цветаева

Вот он сыплет, долгожданный,
На садовые диваны,
На парковки у аптек...
К Рождеству на царство званный,
Князь серебряных буранов,
Театральный и органнй,
Лебединый первый снег.
На Успенском снежит тише,
Над «Взысканием погибших»,
Колокольной и крестом...
Гимназически цветаев —
В сквере с веточек слетает,
И весом, и невесом...
— Слышишь, Ася, дай мне руку!
Позабудем дома скуку,
Оживлённо и легко
Окунёмся в мир поющий
Этих странных белых мушек,
Грациозно-белых мушек
В нежном стиле рококо!
...Переулок выйдет к храму.
Старый храм в кирпичных шрамах,
Он сейчас не помнит гроз.
В этом обмороке бальном
Всё становится реальным,
Долгий список поминальный
Изогнулся в белый мост.
Спит Москва в невольном трансе...
Из шарманки льются вальсы...
К храму девочки идут
Рядом, Ася и Марина,
И глядят аквамаринно
Сверху вниз из белых пут...
Этот город им обещан
Был, в трудах отцом завещан
И заботливо вручён...
Только крест подставил плечи,
Русский крест расправил плечи
Под безбожным кумачом.
— Ася, Ася, дай мне руку,

Даже если злая мука
Вышьет рифмами альбом,
Мы споём, певцы живого!
Всё минует, кроме слова,
Ничего нет больше Слова
В хрупком мире голубом.

Обитатели, озёра, тишина...

Обитатели, озёра, тишина...
Белёная сентябрьская прохлада.
Наполнилась прибрежная волна
Медовой желтизной листопада.
На стенах дремлют сырость и покой,
Здесь речи умолкают отчего-то.
Осыпались древесною трухой
Бока на берег вынутого бота.
Короткая возможность просто жить,
День провести у озера и храма,
Безмолвие природы сторожить,
А на молитве первой вспомнить маму.
Горчинкой мха черничный пахнет лес,
У северных широт короче лето.
Старинной паутины лёгкий блеск,
И тихие вопросы... без ответа.

«Псков – Москва»

Эх, Россия... сёла, огоньки,
В сизом небе жёлтые дымки
Изогнулись, что хвосты кошачьи...
Тянутся болота и леса...
Убранное поле, голоса
Стай последних кличут или плачут.
Зов могу я только угадать
Из окна вагона... Снова гать...
Семафор над лентой дорожной...
Станция с окошками в резьбе...
Малая зарубка на судьбе,
Тихий вздрог предчувствия под кожей,
Память крови — это ли не чушь?!.
Но когда едины все пять чувств
В странном узнавании и боли,
Понимаю, потому жива,
Что ломаю сердце на слова,
Словно хлеб октябрьской юдоли...

Псковщина! Родимая тоска,
Ломота у правого виска,
Туч стада и низкое давление.
И внезапным всплеском — белый храм,
Белый конь и снега первый шрам,
И комком в груди — стихотворенье...

Июньский снег

Нынче приснилось... Шумит за окном залив,
Топит плитку и лепёшки кудесит Ба.
Тени трепещут прибрежных эстонских ив,
Раннее утро, невинный восторг. Судьба.
Завязь на вишнях, синички, туманный свет.
— Оля, за третью мель заплывать не смей!
Катятся волны из тех невесомых лет,
Небо над Балтикой к вечеру всё алей.
— Не заплыву! — а сама, пусть немного, но...
Страшно, конечно. Спасателей в шляпках — нет...
Только глаза закрою — опять кино,
Старый мой фильм из прекрасных прожитых лет.
Знаю, оттуда приходят ко мне стихи.
Холмики тины вовне испаряют йод...
Вот и теперь по молитве ль моих святых
Море балтийское властной тоской зовёт.
...В девять пришлёт позывные Мишель Легран,
Ждёт молоко в стакане.
— Ещё, бабуль!
Лучшее средство от свежих душевных ран
Дальний Манчестер, загадочный Ливерпуль.
Вот и теперь жаждой жизни полна душа.
Солнце в палате избавит от грёз и нег.
Крупные чайки над пляжем пустым кружат...
Падает сердце моё на июньский снег,
Пух тополиный —
Легчайший июньский снег...

Там, где волна...

Там, где волна с головой уходила в песок,
Где неумолчен, но тих суровый балтийский шум,
Брызгами сёк по стеклу крупный дождь косой,
Седенький тополь молчал, что старик, угрюм.
Нет, неспроста ввечеру так пылал закат,
Словно всю жизнь наперёд рассказать хотел...
Слово за словом, ложилась в тетрадь строка,

Мокрый флажок над отелем летел, летел...
Жёлтый янтарь-алатырь я прижму к груди.
Я загадаю себе целый короб больших удач.
Я посмеюсь над собой: загадала — жди!
Сливы цветут на участках эстонских дач.
В сетке дождя трепыхнулась моя душа,
Тайная боль сонной рыбой прошла по дну.
Почерк другой оттого, что теперь левша,
Голос другой, чтобы лучше воспеть весну.
Многие годы, как волны, ушли в песок...
Детство моё обдирало коленки здесь...
Теннисный корт, там где прежде синел лесок.
Мокрый балкон, и бессонный балтийский плеск...

Аллюзия

Бабочки пляшут по склонам —
Цветки бессмертья.
Вечность маняща, когда бы не ужас тлена.
Пляшет вакханка под флейту в закатном свете,
Волны роняют на берег седую пену.

Жизнь побеждает смерть. Прочитай иначе!
В час пополудни живое стремится к тени.
Где на руинах мифа Елена плачет,
Тянутся к свету стебли иных растений.

Ветер тягучей, от зноя вино темнее.
Волны лизнут берега и притихнут вскоре.
Жизнь — это то, как её мы прожить сумеем.
Жизнь — это плуг и работник, корабль и море...

Тень винограда от зноя укроет ложе.
Бабочек крылья пыльцу на цветах сметают.
Не опоздай, научи нас бессмертью, Боже,
В час, когда мир на последний твой суд предстанет.

У Словенских ключей...

*Всем участникам фестиваля
«Словенское поле-2016» — с любовью...*

Где ты, где ты, моя Россия,
Край черничный, край аистинный,

Где о скалы гремят ключи,
Естества исполняя чин?..
Дупла беличьи там, куничьи,
Пересвист на опушках птичий,
Лешачиха живёт в лесах,
На ребят нагоняя страх.
Там опять ломают шляпы,
Там застыли в тумане цапли,
Охраняя болот покой,
Хоть потрогай его рукой,
Хоть подол окропи росой
Приозёрных лугов — густою,
Хоть печерский заслышав звон,
Лоб крести —
Всё как сон, как морок —
Этот край... Не пойму, чем дорог,
Тот валун у семи дорог.
Только если забуду даже
Над Изборском пролёт лебяжий,
Переливы полей протяжных,
Сердце будет моё щемить,
И щемить...
И тянуть обратно,
К терпеливым глазам Надвратной
В непроглядной сырой дали,
Где кустарник рассыпал бусы,
Где укрыты от глаз убрусом
Все сединки родной земли.
Там крестами и лапки птичьи...
По зарубкам, следам, отличьям
Я найду тебя. Я найду,
Край черничный, край аистиный,
Нищетою своей низины
Мне написанный на роду...

Сергей Макеев (Дуков), Москва

Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2016» Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Приз симпатии учредителя Премии Ирины Царёвой – «За раскрытие темы конкурса и глубинное понимание образов в произведениях Игоря Царёва».

Конкурсное произведение

Сталкер

Шёл грека через реку...

...идти по низине, по чёрной воде,
где ивы скелет не найти в лебеде...
ни порванной нитки течения...
где жжёной сосёнки торчит булава,
где чувства не могут попасться в слова,
и всё не имеет значения...

где сроки условны, где родины нет,
где был или будет свинцовый рассвет
над стиснутым кряжами полем,
где ворон привязан с далёких годин,
как «змея» за верёвку... внизу – господин –
с сигаркой зажжёванной Голем.

идти и считать, не сбиваясь, до ста,
пока не проглотит того пустота,
ногою почувствовать мягкость
высот поналепленных грубо из глины,
понять наконец: ты остался один.
и плакать, и плакать, и плакать...

не ждать ни пощады, ни вящих чудес,
и волком косить в напоздающий лес
с водой дождевой, – а не талой,
где ветер поймает её на язык
(ах, он – невидимка – как он многолик!)
шершавый, рябиновый, алый.

проделать весь путь, как бы ни был далёк...
присесть у стены и раздуть камелёк,
шепнуть однозначное «грека» –
и пальцами выдавить капли «Лыхны»...
листья принесённые ангелом сны,
в себе сохранив человека.

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

«Жюри высоко оценило этот текст. Не стану с ним полемизировать. Хотя некоторые замечания у меня имеются. Думаю, ещё будет возможность об этом поговорить...»

Финальный обзор:

Говорю. Прямо, как думаю.

Текст показался мне крайне неровным и достаточно принужденно сконструированным.

Начиная с формального эпиграфа.

Не покрывив душой, с определенным энтузиазмом принимаю начала и завершения всех строф (за исключением второй).

«...идти по низине, по чёрной воде» – «и всё не имеет значенья...»;

«...где сроки условны, где родины нет» –

«...идти и считать, не сбиваясь, до ста» – «и плакать, и плакать, и плакать...»;

«...не ждать ни пощады, ни вящих чудес» – «шершавый, рябиновый, алый»;

«...проделать весь путь, как бы ни был далёк...» – «в себе сохранив человека...».

А вот наполнение строф, их сердцевина иногда вызывает противоречивые чувства.

Так в первой строфе определения «ивы скелет» или «жжженная сосенка» по меньшей мере смущают. А вот словосочетание «чувства не могут попасться в слова» при всей его неоднозначности достаточно поэтически интересно.

Дальше «вяще».

С трудом воспринимаю и такой образ:

*«...ворон привязан с далёких годин,
как «змея за верёвку... внизу – господин –
с сигаркой зажжёванной Голем».*

«годин»? Как-то слишком выпендрено. Для данного описания.

И присутствие Голема в тексте мне кажется не более органичным, чем пресловутого «греки».

Так же для меня мало естественным представляется оборот:

«...ногою почувствовать мягкость высот поналепленных грубо из глины...».

Плохо представляю и целесообразность следующего процесса:

«...пальцами выдавить капли «Лыхны»...».

Хотя ... когда вода дойдет до горла...

Но финал безусловен и практически все искупает:

*«листья принесённые ангелом сны,
в себе сохранив человека».*

*Резюмирую: текст оказался для меня слишком трудным. Потому оценивать его и не берусь **

В.Г.

**Примечание от Ирины Царёвой.*

Стихотворение «Сталкер» Сергея Дукова прочно связано с одноименным стихотворением Игоря Царёва и другими его произведениями (в том числе и прозаическими) использованными в нем образами «греки», «Голема», «ворона» и другими. Переосмысливая их и связывая с самой личностью творца, автор показал не только глубокое знание и понимание творчества Игоря Царёва, но и созвучное ему собственное мироощущение.

Подборка стихотворений Сергея Макеева (Дукова)

Перешагивая облака

Я сказал: вы – боги

Псалом 81

*Где в сиреневом центре квадрата,
не искомом на шаре Земном,*

перечёркнутый знак невозврата
заискрился сусальным огнём,
где туманного варева ложка
разлилась на районном плече –
мы с тобою как яркая крошка
на огромном, святом куличе.
Пусть поливочный ЗИЛ нам пока что
обслуживает плащи в кураже...
Мы сегодня – желанное брашно,
поглотившее Бога уже.
Мы и сами – уставшие боги:
не поймали трамвай за бока
и идём по намокшей дороге,
перешагивая облака.
Нас ещё увенчали: беспечность,
посреди этих белых дымов,
и такая доступная вечность
с розовеющей кромкой домов,
где сиреней дворовых дрожанья,
словно ангелов трепетный гимн
для хранителей тайного знания
о любви недоступной другим.

Дождь

Когда осенний дождь, в скоплении планет,
пройдёт по куполам (наверно, раз в четвёртый),
и, кажется, ни Канн, ни Барселоны нет,
а есть продрогший Бог и этот город мёртвый, –
на крышах сизари, как будто на плотах,
 дрейфуют над землёй, где всё одно и то же:
наивные мечты в сиреневых тонах
и тонущий октябрь с шагреновою кожей.

почтовое

Качается фонарь подъездный
и над тобой, и надо мной.
А Мир висит над чёрной бездной
с «каёмочкою голубой».
И всё летит, и всё кружится,
мерцает в высях серебро,
оно в ладони не ложится –
оно потрачено давно.

И всё общипано до нитки,
и даже вечные стихи –
всего лишь блеклые открытки
среди апрельской чепухи.
И беден мир. И мы с ним квиты,
как обезвоженная соль.
И бродит нищенкой, без свиты,
в бордовом плащике Ассоль.
А помнишь, лето в Коктебеле
катили волны кувырком?!

...Качает в жёлтой колыбели
нас под подъездным козырьком,
и неуклюже – словно валик
макали в краску целиком –
на чёрной бездне – там, где смайлик –
размашистое «. com».

Слова

Я не верю словам. Все слова здесь, как снег, невесомы –
прилипают к пальто и касаются женских колен.
Повинуюсь зиме. Мы на нитях повисших пасомы,
на тропинках кривых испытаний и скольжение, и крен.

Повинуюсь зиме без борьбы, без намёка печали,
и кому-то другому спокойно ступаю во след.
И в конце я молчу точно так же, как в самом начале,
мне январскою ёлкой забавно начисленных лет.

Искривились деревья под грузом непрошенной ноши.
Шепелявит снежок, мимолётный вверяя секрет.
Я бреду мимо дней отшумевших, бездарных, хороших, –
там остались слова, а меня, к сожалению, нет.

Чёрно-белый квартал, фонари и, конечно, аптека...
купола на весу – кожура мандариновых снов...
пирамидки домов – детский сад 21-го века,
где ещё ни войны, ни любви, ни раскаянья слов...

Колкий пух измельчал... А над города фетровой шляпой
приоткрыла своё беспощадное око сова
и скребёт по путям дребезжащей, железною лапой,
где над снегом снуют в балахонах дыханья слова.

Старый парк

Только парк без перил и без дюжины ветхих досок
понимает, как время неспешно уходит в песок;
что наивно, планету качая за хрупкий сучок,
зяблик песню поёт о пьянящей любви – дурачок.
«Всё пройдёт, всё пройдёт...», – забубнили шаги. А пока
наблюдайте, как ТЭЦ надувает трубой облака,
как дробя, умножая – как будто решая пример –
пожирает вселенную с рыком песчаный карьер,
как к безлюдному тире приставил бетонный висок
старый парк без перил и без дюжины ветхих досок.

ценное

Вот и титры пошли трёхсерийного лета –
повалила листва...
И, поставив на кон
всё, что нажито им и припрятано где-то,
август шумно ступил в проливной Рубикон
этих средних широт...
В позолоченной схиме –
плащ-палатке сырой – и с корзиной опять
ты бредёшь через лес... к сентябрю... к хиросиме,
где косятся столбы и рябины горят.
Дал пощёчины дождь – лужи корчат гримасы.
И выводят слезу на широкий простор
натянувшие цепь перелётные массы,
наострившие клин за далёкий бугор...
Ты останешься здесь зимовать, тратя время
и две тыщи шагов – до метро, два – до скайп...
Два десятка стихов рассекут тебе темя
и повесят в прихожей ондатровый скальп.
Будет царство теней, укрощение света,
будет оком всевидящим тусклый фонарь,
будет белое, белое, белое это
посыпать конфетти захмелевший январь...
А пока что цени – эту хлябь, эту милость:
это дымный костёр и еловый вигвам,
эту первую строчку... её неотмирность –
это небо, припавшее к самым ногам.

Чужаки

Белая кожа даётся поблекшему стеблю.
Это на время. Со временем время горчит...

Ищет корабль какую-то тайную землю, –
вот и свечами, как будто бортами, трещит.

Падают в ноги, с поспешностью беглых холопов,
снежные хлопья, бросая свою антресоль.
Берег чужой наблюдает глазами циклопов.
В трюме команда глотает небесную соль.

Мрачную гладь разрезают огнями сирены.
Колокол вырвал язык из морозных оков.
Белая мачта во льду городской Ойкумены –
тихо дрейфует корабль земных чужаков.

Посеребрённая млечная мгла океана.
К ней поднимаясь по лестнице, можно попасть,
словно Гвидон превращаясь теперь в таракана,
левиафану в раскрытую жёлтую пасть.

Можно стоять на громаде песка и асбеста.
Можно сойти на холодную марлю воды.
Можно идти, не сдвигаясь ни капельки с места,
дальше идти на маяк отгоревшей звезды.

sos

На клочках субмарин
март дрейфует над гребнем столицы.
В голограммах витрин
появляются постные лица.
Дни рождают мечты...
убивают и снова рождают.
Снег летел с высоты,
а теперь эти снега растают:
в придорожный прибой
угодят, по шоссе заструятся.
В центре лужи рябой
наши души с тобой искривятся
и с парковочных мест
поплывут в край ромашек и лилий,
где судьба – это крест
из зачёркнутых, высохших линий...
Снова встанет вода
и от неба замкнётся к тому же.
А под кромкою льда
будут мёрзнуть ничейные души
и глядеть из прорех –

из-под скользких и хрупких понтонов —
на огромный орех
между облачных, серых фантомов.
Только к окнам ночным,
продлевая рассудка паренье,
как желтеющий дым
приподнимутся душ приведенья:
вехи их коротки —
и юлят, избегая забвенья,
до последней строки
из последнего стихотворенья...

Говори, говори...

В начале было слово (Ин. 1, 1)

Говори, говори на невнятном, на птичьем, на идиш,
потому что — земля, потому что ты в землю отыдешь.
Проскользят по тебе, пробегутся босыми ногами
все косые дожди, притеснённые злыми снегами.
Говори, говори... Пусть дожди эти станут Предтечей
для грядущего в жизнь, для пока незабытых наречий,
для того, что опять повторится на свете неновом,
для бумажных пустот не пронзённых отточенным словом,
для глухих пустырей, на которых прошедшее снится...
Говори, говори, даже если ты чёрная птица.
Даже если ты смерть и всё время вставляешь беруши,
прочитай по губам: Мир рождён для того, чтобы слушать.

Владимир Кетов, Германия

*Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2016» Международной
литературной премии имени Игоря Царёва.*

*Приз симпатии члена жюри конкурса Елены Крадожен-Мазуровой — «За
умение видеть брызги солнца сквозь пыльный луч».*

Конкурсное произведение

Поэт

Повернется нехотя ржавый ключ,
Колыхнется походя скарба хлам,
И сквозь штору душную пыльный луч
Перережет комнату пополам.

Где в разводах масляный потолок
И на кухне капает дряхлый кран,
И зачем-то девушку приволок,
Усадил, пунцовую, на диван.

Разве ей почувствовать, как в ночи
Пальцы подбираются к кадыку
В пике полнолуния, – хоть кричи...
Разве ж это мыслимо – чтоб в строку?!

Но хирург таинственный в две руки
Вдруг раздернет рубище пополам,
Чтобы с кровью вытащить из строки
Душу, неподвластную докторам.

На свободу выпустив этот крик,
Голос окончательно потеряв,
Он сутуло сгорбится, как старик,
Безразличный к формуле «Прав – не прав».

И всего-то выжато десять строк,
А как будто прожито десять лет,
И нелепо пляться в потолок –
Никакой реакции сверху нет...

Он куда-то выскочит по делам,
Чтобы как-то выправить скудный быт,
Позабывши начисто про диван
И про ту, которая там сидит,

Краску потерявшая на щеках,
Трепетно прижавшая локоток,
Ничего не знавшая о стихах,
Да и в полнолуниях не знаток.

Целый мир открывшая в пять минут,
Выйдет неуверенно за порог,
Чтоб пойти, куда её поведут
Эти непонятные десять строк.

А над пыльным городом из-за туч,
Неподвластен времени и упрям,
Снова выйдет солнечный узкий луч
И разрежет комнату пополам.

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

И снова о судьбе поэта. Не так судьбоносно, как в предыдущем тексте, но не менее трагично. Судите сами.

Репрезентирующая цитата:

«И зачем-то девушку приволок...».

Финальный обзор:

«И снова о судьбе поэта. Не так судьбоносно, как в предыдущем тексте, но не менее трагично».

Действительно и в действительности поэту приходится совсем нелегко. И точно не сладко:

*«Повернется нехотя ржавый ключ,
Колыхнется походя скарба хлам...».*

Тем более, когда на творческие муки накладываются проблемы взаимоотношения с Музой. Особенно, если она обретает земные и реальные черты. А поэт живой человек:

«И зачем-то девушку приволок

Усадил, пунцовую, на диван».

Но почему-то именно в этот близкий к интимному момент главная небесная Муза предъявляет свой счет и призывает к выполнению поэтического долга.

(Возможно, из женской ревности тоже).

И сразу «в ночи пальцы подбираются к кадыку». И

«... хирург таинственный в две руки

Вдруг раздернет рубище пополам,

Чтобы с кровью вытащить из строки

Душу, неподвластную докторам».

Мучительная операция и результат ее еще не определен.

«И всего-то выжато десять строк,

А как будто прожито десять лет».

Ясно, после этого все, что остается поэту, так это смыться под благовидным предлогом:

«Он куда-то выскочит по делам,

Чтобы как-то выправить скудный быт,

Позабывши начисто про диван

И про ту, которая там сидит».

А девушка, живая реальная девушка?

«Целый мир открывшая в пять минут,

Выйдет неуверенно за порог,

Чтоб пойти, куда её поведут

Эти непонятные десять строк».

Но что с нее взять? Скорее всего, сделает вывод, что нечего связываться с поэтами.

И правильно сделает.

Но и труд поэта не пропадет втуне. Подан будет ему вещий небесный знак:

«Снова выйдет солнечный узкий луч

И разрежет комнату пополам».

И, значит, Поэзия продолжается.

В.Г.

Подборка стихотворений Владимира Кетова

Памяти Александра Галича

Я живу припеваючи

И судьбе – улыбаюсь.

Но возьму книжку Галича –
И себе – разонравлюсь.
И покажутся мелкими
Все мои притязанья.
И поэмы – заметками,
И капризом – терзанья.

А которые давеча
Так покорно лизали,
Вдруг судьбу свою с Галичем
Беспардонно связали.

«Мол, и мы были стержнями,
И нас впишут в скрижали.
Только он был – несдержанный,
Ну, а мы – удержались.

Что меняться на мелочи,
Разорвавши рубаху...
Много надо ли смелости,
Чтоб за слово – на плаху?..

Нынче руки не связаны.
Мы ребята со стажем.
Что тогда недосказано,
Мы сегодня доскажем.

Будет тон у нас взвешенный,
Заводиться – не станем.
И его, хоть несдержанный,
Где-нибудь упомянем...»

...Но уйдут многоточия,
И расплата настанет.
И огромная очередь
Перед Галичем встанет.

Вот теперь они – спорят,
Вот теперь они – в драку...
Но промолвит История,
Проявившись из мрака,

Как вдова на пожарище,
В черной траурной шали...
– Извините, „товарищи“.
Но вы здесь – не стояли...

Листая толстые и тонкие журналы

На столе лежит тетрадь,
Называется – журнал.
И пока не время спать,
Я б охотно почитал.

Открываю не спеша,
Весь в надежде на успех.
Вот сейчас моя душа
Встретит близкую себе.

На странице 22,
Или, может, 36,
Обнаружу я слова,
Что давно хотел прочесть.

Они будут точными,
Они будут сочными,
Будут от души даны
И, конечно, неожиданны.

Но – листается тетрадь
И – нет заветного листа.
Вот страница 35,
А за нею – пустота.

Порассыпаны слова,
За главой идет глава,
Ни увлечься, ни понять,
Ни – зевоту удержать...

Мысли – сумбурные,
Слова – нецензурные,
Обряжаются, обнажаются,
В общем – самовыражаются.

Я на мир гляжу с тоской,
Я расстроен и устал,
Но упрямою рукой
Я беру другой журнал.

А потом еще журнал,
И еще один журнал,
И назойлив, как зурна,
В голове звенит сигнал.

Видно, время ставить крест.
Небогатый мой улов.
Слишком много общих мест,
Слишком мало точных слов.

Написано под воздействием сильнейшего гриппа

В бреду гриппозном
Душа металась,
И не спалось нам
И не читалось.

Нам не любилось
И не мечталось,
А вьюга злилась,
И повторялось

Все, что случилось
И что осталось.
Скажи на милость,
Какая малость!

Рвалась посуда,
День повторялся
Не в виде чуда,
А в форме фарса.

Была погода
Сырой да липкой,
И в горле сода
Пилила скрипкой.

Ответ был познан
В бреду гриппозном.
Но было поздно.
Но было
поздно.

К Элизе

Была бы бумага, а к ней бы перо да чернила,
Была бы отвага, да зависть чтоб стих не чернила,
По воле каприза, как вечно творила богема,
Была бы Элиза, а к ней написать не проблема.

Но нету бумаги, и кто-то растратил чернила,
А что до отваги, так это когда еще было,
Душевные кризы и вечные тела проблемы,
И нету Элизы и нету божественной темы.

И все-таки если – чернила, бумага да перья,
Какие бы песни задумывать начал теперь я?
Какие б сюрпризы явились ко мне из неверья?..
А вот и Элиза – за этою самою дверью.

Красивые слова

Красивые слова в красивом обрамленьи,
И автор вдохновлен, и взор его горит.
Он истинно красив, и нынче, без сомненья,
Он женские сердца, конечно, покорит.

Гитарный перебор, волнующая нота,
Пленительный мотив, щемящая тоска...
В дыму красивых слов вы вспомните кого-то,
И горькая печаль покажется сладка.

Красивый поцелуй, красивая разлука,
В красивые тона раскрашенная смерть,
И мальчик Купидон, стреляющий из лука,
И гордый Аполлон, свою поднявший плеть.

Рукоплесканий дым красивыми клубами,
У двери ждет его красивое авто,
Красивым взмахом рук прощается он с нами,
Уверенный, что мир спасает красотой.

Еще у нас в душе все приторно и вязко,
Еще в реальный мир не возвратились мы,
Еще имеет он лубочную окраску,
И паутиной слов опутаны умы.

Но пелена падет, рассеются химеры,
Вода пробьет бетон искусственных плотин,
Ведь сахарный сироп глотающим без меры
Всегда в конце концов потребен инсулин.

Придет иной черед, и горькое лекарство
Заменит сладких слов безудержный обман,
Словесной шелухой отравленная паства
Свой сокровенный путь отыщет сквозь туман.

И будет полон путь тревоги и надежды,
Когда ж забрезжит свет – потянется опять
Коварная рука – ну кто ее удержит? –
Красивые слова еще раз написать.

* * *

Как упал рассвет,
Придавил.
Зааконный свет
Стал немил.

Раскололась мгла
На куски.
Не поднять ни глаз,
Ни руки.

Мне хотят помочь
Да отвлечь,
Мол, исчезла ночь –
И груз с плеч.

Но пока что – нет,
Не забыл,
Как упал рассвет.
Придавил.

Как сковал отчаяньем
Мозг.
Как стекал с ворчанием
Воск.

Как смотрели мы
В зеркала.
И стоял камыш,
Как скала.

Как сжигала небо
Любовь.
Ни к чему я не был
Готов.

Мне износа нет,
Я бы жил...
Да упал рассвет.
Придавил.

* * *

Мир не слишком приятен. В нем случается туго.
Там не каждый приятель. Не любая подруга.
Там случайное солнце и стабильные ветры,
И всегда что-то льется с расстояния метра.

Мир не слишком приятен – он вообще не подарок,
Он то слишком прохладен, то безудержно ярок.
То дожди, то туманы. То паденья, то срывы.
То вожди да обманы, нападения да взрывы.

Мир не слишком понятен, в нем все сплошь – антиподы,
Там полно белых пятен и загадок природы.
Ах, неладно с тем миром. И не то в нем читают,
И не тем там кумирам похвалы воссылают.

И возносят моления всё не тем, кому надо,
И встают на колени в ожидание награды,
И нельзя докричаться, даже если все ясно,
И бессмысленно драться. Потому что – напрасно.

И никак не добьешься, чтоб тебя понимали,
Даже если пропьешься до копейки в кармане,
Даже ежели в глотку, чтоб тебя уважали,
Даже ежели в водку чёрт-те что намешали.

И иллюзий не строишь в полумраке квартиры,
И порою завоешь на ночное светило,
И в бессонной тревоге все так вязко и смутно,
И всю ночь – монологи. В потолок. А наутро...

Встанет рыжее солнце и заглянет в окошко,
И на стуле прогнется полусонная кошка.
Недоступен и ясен, новый день наступает...
Мир, конечно, прекрасен. Если кто понимает!..

Певец

А нам и без того тесно,
Нам уже и так тошно.
А тут еще его песни,
Да разве ж это так можно?

А нам и без того гадко,
На душе у нас – пусто.

А лучше б он романс сладко,
Это было б точно искусство.

Про огонь костра да про сосны,
Про ее глаза да про губы,
Или про дымок папиросный
И ему не спеть почему бы?

Или со слезой про амуры,
Да поменьше пауз рекламных,
Что-нибудь навродь Изауры
Или там страстей Марианных.

Чтоб тела – да в сладкой истоме,
А не портить праздника людям.
Ну а что он раньше всех помер –
Так и мы, конечно, там будем.

Что еще нудить, разбираться,
Есть в жизни истина, нет ли...
А мы и не заметили, братцы,
Как нам вновь накинули петлю...

Математическое

Проплывают с запада на восток
Облака, похожие на бином,
И забитый листьями водосток
Тяжело качается над окном.

Сколько над бумагами ни корпи –
Неподвластна времени суета,
И последней циферки числа «пи»
Ни за что не вычислишь, никогда.

Как бы в математике ни горазд,
По ночам не сходится счет слонов,
Что-то не сбывается всякий раз,
А коль вдруг сбывается – не до снов.

А когда закончатся все дела
И само ответится на вопрос –
Будут через черточку два числа
И, конечно, четное число роз.

Сергей Смирнов, Кингисепп

Финалист поэтического конкурса «Пятая стихия-2016» Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Специальный приз литературного портала «Изба-Читальня» - «За неизменность принципов и сохранение верности данному слову».

Приз симпатии учредителя Премии Ирины Царёвой – «За создание поэтического произведения, рождающего гордость за единожды и навсегда избранную жизненную позицию».

Конкурсное произведение

Честное слово

Мы держались на честном слове (а на чём нам ещё держаться?):

мы когда-то его давали – и остались ему верны.

Посмотри, как тревожно тени тёмной сетью на мир ложатся,

посмотри, как плывут туманы с той, неведомой стороны.

Безответные тонут звёзды в этой ночи чернее ваксы.

Мы остались, согласно слову, на границе, на рубеже,

на часах, на посту, в дозоре, на проклятой собачьей вахте,

мы когда-то давали слово и его не вернём уже.

Ну, а там, за границей света, копошились такие звери,

на две трети – создания мрака, и создания мечты – на треть.

Мы в такие шагали дали, мы в такие входили двери,

что ни в сказке сказать словами, а увидеть – и умереть.

Мы такие дымы вдыхали, что нет слаще и нет приятней,

на отеческом пепелище, в изголовье родных гробов.

Мы когда-то давали слово и его не вернём обратно:

встать за веру, хранить надежду и в сердцах сберегать любовь.

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

Непростой по ощущениям и восприятиям текст. Хотя отчасти и дидактичный.

Репрезентирующая цитата:

«Мы когда-то давали слово и его не вернём обратно».

Финальный обзор:

Первое впечатление: «Непростой по ощущениям и восприятиям текст. Хотя отчасти и дидактичный».

По внимательному прочтению. Полно и всесторонне передано ощущение проживаемой жизни со всеми ее тревогами, бедами и обретениями.

Зачин текста сразу определяет многое:

Здесь и несомненное мужское достоинство и верность долгу: «Мы держались на честном слове...».

И чувство некоей обреченности и обделенности «...а на чём нам ещё держаться?».

Попытка вытащить себя за волосы из болота?

Даже не из болота. Акценты расставлены вполне определенно.

«...тревожно тени тёмной сетью на мир ложатся... плывут туманы с той, неведомой стороны...».

Где «...за границей света, копошились такие звери...».

Мир не без иллюзий «создания мечты – на треть».

Но «...на две трети – создания мрака...».

Раз так приходится оставаться «на границе, на рубеже, на часах, на посту, в дозоре, на проклятой собачьей вахте».

Ведь «Мы когда-то давали слово и его не вернём обратно: встать за веру, хранить надежду и в сердцах сберечь любовь».

На том и стоим, там и остаемся.

В.Г.

Подборка стихотворений Сергея Смирнова «В горстях у сказки»

Артефакт

...и нашёл Ваня во поле артефакт,
то ли хрен-разберёшь, то ли чёрт-те-чё,
вроде камень как камень, тяжёл, покат,
вроде чёрен снаружи, снутри – печёт.

Он, согревшись теплом, воротился в дом,
стал тот камень чудной так и сяк вертеть.
Почесавши в затылке, постиг с трудом:
жизнь – внутри у него, а снаружи – смерть.

Он тот камень пытал топором-пилой
(а ему говорили: «Семь раз отмерь!»)
поливал самогоном, крутил юлой.
Жизнь – внутри у него, а снаружи – смерть.

Он потом попытался его продать,
но не греет других, в их руках – как лёд.
Для него предназначен судьбой, видать,
посторонних не трогает, не берёт.

А когда за Ванюшей пришла она,
в балахоне, как водится, и с косой,
он, взяв камешек, выпрыгнул из окна
и поплёлся за ней по росе босой.

Страх ко страху, вестимо, ко праху прах,
что ж теперь голосить, поносить судьбу.
Положили тот камень в его ногах –
так ему и поныне тепло в гробу.

Последняя спичка

Когда-то я ведал все звёзды по именам,
по греческим буквам, по чётким арабским цифрам,
и звёзд доставало с избытком и вам и нам,
и не было смысла в паролях и хитрых шифрах,
и в ссылках внизу (обязательно – мелким шрифтом).

Но годы проходят, пустеет мой каталог,
и с каждой потерей небо моё пустеет,
как будто прожорливый облачный кашалот
глочет добычу, и туша его толстеет.
И взгляд упирается в тёмный простор, как в стену.

В беззвёздном холодном пространстве зажгу маяк,
последнюю спичку свою сгоряча истрачу,
пускай догорит в зените звезда моя,
от страха дрожит и зовёт за собой, и плачет.
А как по-другому? А как, чёрт возьми, иначе?!

Файф-о-клок

Кто мешает в осеннем небе
стаи птичьи и листьев стаи,
крутит тучи тяжёлой ложкой
и стучит о стекло металлом?
У него в расписном стакане
сахарок ранних звёзд растаял –
и в округе вдруг стало тихо,
и в округе темно вдруг стало.

Он сжимает усталой дланью
в подстаканнике роц дубовых
цилиндрический вязкий воздух,
что настоян на терпкой грусти,
он сидит на вершине мира
и взирает на мир с любовью.
Отопъёт – и пройдёт усталость,
отопъёт – и печаль отпустит.

Так он цедит осенний сумрак
и промозглость сквозь зубы цедит,
а вокруг мельтешит природа,
а вокруг суеются тени,
и как будто бы не нарочно,
и как будто без всякой цели
время тянется тонкой струйкой –
это Бог файф-о-клок затеял.

На дне, со дна

На илистом дне древней речи-реки,
где раки зимуют, ютятся сомы,
где сома несомы, но вязнут умы,
где грека утратил две левых руки,
врагу не сдаётся наш гордый варяг,
Олег наказует коварных хазар,
потребно всегда отвечать за базар,
пока не убьёшься о рыбий косяк, –
плыву с аквалангом, как Жак-Ив Кусто,
а ты одиноко глядишь из кустов.

Рассохлось на плёсе корыто твоё,
сломалось весло и дал трещину руль:
не кликнешь на помощь зелёный патруль,
непустишься в путь, не замочишь бельё.
Корыту цена – рупь за центнер коры,
пять рупий индийских, десяток тенге,
но с Пушкиным я на короткой ноге –
добуду тебе сорок новых корыт.
Кораллы добуду тебе, жемчуга,
пока не иссякла дарами река.

45 секунд

Покуда ты молод, и хвост трубой,
покуда тебе не знакома жалость,
сыграем с тобою в «подъём-отбой»,
сыграем с тобою в «упал-отжался».

Ты встроен в устав, словно кость – в сустав,
и даже в уборную ходишь строем,
пополнив собой рядовой состав,
печатаешь шаг и глядишь героем.

Политики пудрят тебе мозги,
взывают о доблести командиры,
и жгут твои пятки сквозь сапоги
«горячие точки» на карте мира.

Палит тебя солнце, дожди секут...
Снаряды иссякли на батарее...
А спичка горит 45 секунд –
солдат погибает порой быстрее.

Небеса джинсовые

Они, набрав в карманы семечек,
в джинсе, в цигейковых шубейках,
рядком сидели на скамеечке,
на школьной старенькой скамейке.
Была зима, что явно следует
из упомянутой одежды,
и ночь плыла, след в след преследуя
Димона, Мишку и Серёжку,
мальчишечью крутую троицу
друзей отличных закадычных,
что в паз любой прекрасно встроится,
вполне уместно и логично.

Везде была обсерватория:
и на площадке баскетбольной,
и на пришкольной территории,
чтоб о заветном балаболить,
смотреть на звёзды, лузгать семечки,
ловить «летучие тарелки»
со школьной старенькой скамеечки
в затишье снежной перестрелки.
А в небе – метеоры, спутники
летели так, без всякой визы,
и ни одной тарелки, супницы,
ни даже чайного сервиза.

Друзьям не в кайф о строе прения,
о политическом режиме –
совсем другие настроения
им буйны головы кружили.
Они мечтали о созвездиях,
о галактическом десанте,
вital площадками, подъездами
джинсовый дух семидесятых.

От пацанов тех убежите ли,
когда потом заговорите,
как сыплют сверху небожители
лузгу своих метеоритов?

Облако без номера

На облаке без номера и имени
по нашим тридевятым небесам,
оторваны от знамени и вымени,
летим, закрыв закрылки и глаза.

Автопилотом напрочь убаюканы,
ремнями накрест-крест закреплены,
летим, хранимы техникой с наукою,
по перекрёсткам солнца и луны.

Проносимся на беспредельной скорости,
и вакуум визжит на вираже,
и рассыпаем безо всякой горести
созвездий и туманностей драже.

Мы божий дар попутали с яичницей,
мы преступили грани естества,
и очень скоро ангелы-гаишники
у нас изымут транспорт и права.

Провидцы из провинции

Провидцы из провинции,
и нищие, и принцы,
несущие повинности,
вы смело шли на принцип –
разящими репризами,
как рыцарской рапирой,
поверженными признаны
банкиры и вампиры.

Провидцы из провинции,
бродяги и пропойцы,
под мемуары винные
три звонких колокольца,
лесами вологодскими,
рязанскими полями
аукались, волохались,
сходились колеями.

Провидцы из провинции,
поэты и пророки,
изысканные витязи,
лелеющие строки:
Жаравин и Трапезников,
Суворов и Вавилов –
друзья мои любезные
такими, помню, были.

В горстях у сказки

В горстях у сказки – вода, вода,
в одной – живая, в другой – не очень.
И если в гости пришла беда,
то кто-то ж это вам напорожил.

А с этой мёртвой - живой воды
на час веселья, на год похмелья.
«Водись со сказкой, с такой водись!» –
старухи шепчут и крылья мельниц.

И всё ж к ней в гости идём-бредём,
кто с частым бреднем, кто с частным бредом,
собрав котомки, покинув дом,
идём-бредём или едем-едем.

А сказка та, хоть проста на вид,
сорвёт в душе вентиля и краны:
водой живою вас оживит,
водою мёртвой залечит раны.

ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА 2016 года

Юрий Бердан, Нью-Йорк, США

Победитель поэтического конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2016 года.

Конкурсное произведение

Фата Моргана

Мираж. Фата Моргана. Круговерть
На скорости двадцать шестого кадра:
Нет ничего - начало только завтра.
Есть только бездна вод, земная твердь...
Ни горя, ни улыбок, ни азарта,
Ни пенья птиц, ни грёз в начале марта,
Нет звёзд и неба – некуда смотреть,
И рассказать про жизнь мою и смерть
Ещё не сможет местная Кассандра.

И я - никто, и звать меня никак...
Платан ещё не вырос возле дома,
И с первенцем, заснувшим на руках,
Не ждёт меня до первых звёзд мадонна.

Ни бомб, ни пуль, не тонут корабли,
Ни жути Холокоста, ни мессии,
Ни звёздных дней, ни чёрных лет России...
Ещё земную твердь не погребли
Ни доллары, ни евро, ни рубли,
Ни пепел «близнецов» и Хиросимы,
И безмятежно молодой и сильный
Ещё не задыхаюсь от любви -
Нечеловеческой, невыносимой.

Все впереди: надежда-правда-ложь,
Мгновение, что сотни жизней длилось -
На белой блузке бабушкина брошь
И девичьего лифчика стыдливость,
И первых губ застенчивая дрожь,
И губ прощальных северная стылость.

Ещё услышать той шальной весной
Звучащие из Домского органа
Бесстрастность дюн и ярость урагана,
И нежность вперемежку с сединой,
И всё, что было-не было со мной,
И всё, чему не быть. Фата Моргана.

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика:

Много чего в этом тексте. Известное самоограничение ему бы не помешало. Но и выразительных поэтических формул хватает.

Репрезентирующая цитата:

«Ещё не задыхаюсь от любви - нечеловеческой, невыносимой».

Финальный обзор:

Продолжаю. Очень интересный автор. Его отважная и размашистая манера письма мне неизменно симпатична. Но далеко не всегда находила понимание у некоторых членов жюри прошлого сезона.

Возможно, на этот раз автор решил несколько сгладить острые углы.

Сгладил. Получилось немного приглаженно (чего отчасти жаль), но и по-прежнему зрело и многопланово.

Текст настолько поэтически последователен и органично увязан, что не возникает желания дробить его на части и выхватывать отдельные цитаты. Хотя глубоких (и эффектных) фрагментов в нем хватает с избытком.

Ограничусь одним:

«Ещё услышать...

Звучащие из Домского органа

Бесстрастность дюн и ярость урагана,

И нежность вперемежку с сединой».

Рад бы был видеть это произведение в числе победителей.

В.Г.

Подборка стихотворений Юрия Бердана

«Чужая любовь. Чужая война»

* * *

Над Гринвич-Вилледж призрак-век горит,
Меж стен и окон мечется багрово...
Чуть-чуть нетрезв, простужен и небрит,
Что я забыл здесь ночью, в полвторого?
Нет для меня здесь ни любви, ни крова...
Играет в баре «Цинк» на третьей стрит
Былую страсть увядших Рио-Рит
И жизнь мою джаз-бэнд Пономарева.

А жизнь моя - глухой опавший лес,
То взвояет выпью, то застонет эхом,
Затопит душу ливнем сладких месс,
Ворвётся в дом обкуранным морпехом
С заклинившим АК наперевес.
А жизнь моя - вызывающий с небес,
Из пропасти зовущий хриплым смехом,
Во мне живущий с детства ангел-бес,
Узлом связавший мой позор с успехом.

А жизнь моя – грызня во мне и торг:
Аннексия? Иль возвращенье Крыма?
Кто мне близнец - идадьго или орк?
Санкт-Петербург, Бердичев и Нью-Йорк
Переплелись во мне непримиримо.
Сцепились, словно псы, злость и восторг,
Джульетта и дряхлеющая прима,
Бордель и храм, родильный дом и морг,
Льды Арктики и знойный плеск Гольфстрима...

У входа бомж. Дерьмом воняет плед.
Пройду и не поморщусь: чай, не баре.
Я в этом баре не был прорву лет,
Как впрочем, ни в Твери, ни в Занзибаре.
За дверью звон и юный хохот – пари...
Остановлюсь на миг и гляну вслед
Чужой любви – целующейся паре:
Блондинка Скарлетт и мулат-атлет.
Ночь в ноябре. Леса уже опали.

* * *

Моя судьба - три места на Земле:
Страна холмов и неба – голос крови...
Закаты там, как Холокост, багровы,
И тени предков в спёкшейся золе.

А где рожден - нет больше той страны...
Ее кланут, по ней грустят и плачут,
И под ее плитой могильной прячут
Ложь вместе с правдой, грусть и злость вины.

В ней был рожден... Наказан? Награжден?..
По ней тоскуют, крепким словом кроют!
Меня не в ней – в другой земле зароят
Под ветром, перемешанным с дождем.
Не заменить ни строчку, ни главу

В том, для меня написанном либретто...
Индийское, по-русски бабье лето,
Гуляет по стране, где я живу.

Познал сполна ее добро и злость,
Гордыню, горе и фармакопею...
Привыкнуть к ней уже я не успею,
А полюбить – вот это удалось.

Три раны, что вовек не залечу,
Три боли, три любви, три горьких счастья...
Душой, расплосованной на части,
За это я всю жизнь свою плачу.

Первая любовь

Запах «Красной Москвы», бретельки
Под ладонью сквозь красный шёлк...
В сельском клубе на дискотеке
Был не медленный танец – шок.

На глаза скользнувшая прядка
Десять жизней тому назад...
В мире юности и упадка
Облетает колхозный сад.

Хоть сто раз застрелись, хоть спейся –
Наваждение, кабала:
Как осколок у кромки сердца,
Она в каждой потом была.

Вспыхнут в памяти – нож по жести:
Над обрывом речным – костры,
Всхлипы, профиль, слова и жесты
Смуглой женщины из Нью-Джерси,
Пальцы бруклинской медсестры,

Снег над городом, электричка,
Шум акации во дворе...
То ль танцовщица, то ль певичка,
Начинающая алкоголичка
Из подвального-кабаре.

Лунный всполох над кромкой леса
И букетик на три цветка...
Рыжий ангел с глазами беса,

Авангардная поэтесса
Из приморского городка...

Осень та все никак не кончится,
Среди рощ поредевших корчится
В закоулке глухом Земли...
Окна – наглухо, стихли песни.
Знать не знаю: с кем, где и есть ли...
Все под богом мы. Мало ли...

Что ж до сей поры снится-бредится?..
Все крошится – гранит и сталь.
Ты не дай мне, Господь, с ней встретиться,
Или душу мою состарь.

* * *

Под лунным звоном – медленным, медовым,
В разгаре необузданной весны
Уставшим жёнам и бедовым вдовам,
Про страсть и нежность снова снятся сны.

От смеха, песен и любовных драм
Стоял в квартирах тесных тарарам.
И были наши бойкие подруги
Доверчивы, податливы, упруги,
И двести грамм спасали по утрам.

Пока тела потели, пили, пели,
Плясали всласть и комкали постели,
Храня себя от лезвий и петель,
Толпились наши души на панели
И незаметно день за днём тускнели
От глупых достижений и потерь.

Сидим вдвоём, сидим-галдим о разном...
А разное накрылось медным тазом,
Я скоро дед, он снова холостой,
И разговор наш пьяный и простой.
Сидим, галдим... Он тенором, я басом,
И смотрит нам в затылки мутным глазом
Другая жизнь под именем «застой».

Костер

Во дворе за сараем сжигаю в костре все, что было:
Уезжаю из этой страны, её “винтик”, “предатель” и быдло.

Все, что будет потом – в голубом заграничном конверте...
Уезжаю – пока! – невозвратно, навечно, до смерти!

Жгу в костре письма, справки, рисунки и старые фото...
Что мне прежняя жизнь!? Сыт по горло! Да ну её, стерву, в болото!

Жгу армейские лычки, ремень и альбом – одноклашек мордашки,
Жгу записки от рыжей Наташки из пятого «Б» на кусках промокашки,

Жгу тетрадки, блокноты, коробочки и амулеты,
Телеграммы, ночные звонки, стоны женщины Светы,

Трель рассветных трамваев, студенческий бал и озёрные ночи,
Жгу касание пальцев и губ под платаном сентябрьского Сочи,

Грешный глянец «Плейбоя» – нездешние бюсты, запретные попки и ляжки,
Кровь погибшего друга на выцветшей рваной тельняшке.

Вечер, как на заказ: звезды, ветер, ни всхлипа, ни скрипа, ни стука...
Ну, на кой ты мне, память? Гори синим пламенем, сука!

Не вопьёшься в кадык, не коснёшься ни тенью, ни краем –
Ты теперё сизый дым над косым деревянным сараем.

Разве это не так?! Разве нет?! Над заросшими свалками лет,
Над распутицей чувств непролазных
Пепел тех ритуальных костров - непогасших, злорадных, напрасных,
Все летит и летит, оседая на крышах и в пыльных кюветах окраин,
Из страны, где рождаемся мы, в страны, где умираем...

Танцы у моря

1.
В Ллорет де Маре в прибрежном баре
Танцуют танго седые пары...

Сентябрь над миром, над морем полночь.
Когда-то был он для нас – ты помнишь? –

Не просто старым красивым танцем,
А звёздной вспышкой – протуберанцем!

Был танцем бунтов и укрощений,
Прощаний наших, твоих прощений...

Был танцем страсти – хмельной, пружинной,
И женской власти твоей вершиной.

Красиво, право, танцуем... Bravo!
Луна в треть неба над Коста Брера!

Но танец этот иного нрава,
Другого рода теперь и ранга:
Танцуем танец ухода – танго.

2.
Дул ветер с моря, медленный и влажный.
Под смех, аплодисменты и прибой
Мы танцевали танец бесшабашный –
Почти забытый, старый... Молодой.

Хмельной оркестр, певец – стальная глотка,
Минуты между счастьем и бедой...
Она – рыжеволосая красотка,
И я – худой, высокий и седой.

Ни времени, ни срочных дел, ни выгод!
Случайный выбор – решка и орел...
Её дебют и мой финальный выход –
Мы танцевали с внучкой рок-н-ролл.

Узнаете, что нет меня, не плачьте,
А вспомните сквозь звездопад недель
Тот рок-н-ролл – девчонку в красном платье,
Меня в костюме белом, как метель.

Смотритель маяка

Я поднимаюсь по крутым ступеням,
Уставший от потерь, надежд, погонь...
Над яростным прибоем белопенным
Я зажигаю в маяке огонь.

И мечется в плену чугунных прутьев
Сгоревшая дотла в который раз
Моя душа – ночное перепутье
Шальных крошечных океанских трасс.

Она горячей чайкой в прутья бьется...
Я в пепел жгу ее который год:

А вдруг сквозь шторм на этот луч прорвется
Судьба моя – полночный теплоход.

Над черным, над бушующим простором
Горит маяк... Я понимаю – зря:
Плавсредства нынче ходят по приборам –
Им свет моих огней до фонаря.

Октябрь в Одессе

Последняя улыбка стюардессы,
И замер Боинг, успокоив дрожь.
Ну что ж, привет, аэропорт Одессы!
Октябрьский день. Конец сезона. Дождь.

Он – не сюрприз: прогнозом был обещан,
И лить ему ещё четыре дня.
О, господи! Полно красивых женщин,
И ни одной, встречающей меня!

Завидно мне, но не подам я виду,
Наброшу плащ и в гулкий город выйду...

Вдруг повезёт и встречу эту пару -
Я и она... Сквозь красный листопад
Идущих по Приморскому бульвару,
Держась за руки, сорок лет назад.

* * *

Не заплакала вслед, провожая
В непонятную жизнь, за моря.
Обняла – ещё не чужая,
Через миг уже не моя.

В стыни северных вьюг, в сини юга,
В городах, изрыгающих смог,
Как мы прожили жизнь друг без друга?
Так и прожили. Каждый, как смог.

Не успеть ни забыть, ни забыться...
В полпланеты волны пережат.
Жизнь моя, перелётная птица,
Улетает в багровый закат.

В окна лунным зрачком, не моргая,

Смотрит полночь, мой друг и палач...
«Дорогая! – кричу – Дорогая!
Что же ты промолчала? Заплачь!»

Чужая война

Развод был, как гражданская война –
Ни страха, ни сочувствия, ни милости...
Была бы баба, ну, а то – страна,
Где догадал Господь родиться-вырасти.

Зачем мне сладкий дым её костров!
На кой её напасти и традиции!
Что до её похмелий и пиров,
И – кто её куда в какой позиции...

Меня там нет. Но странный тип во мне
Который год с коленей поднимается,
Сражается на той, чужой войне.
Сто раз убит и ранен... Дурью мается...

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ имени ИГОРЯ ЦАРЁВА 2016 года ПРИЗЫ СИМПАТИИ (не вышедшим в финал)

Алексей Гушан, Малаховка, Московская область

Приз симпатии члена жюри конкурса Ларисы Морозовой-Цырлиной – «За теплоту и точность интонации, за внимательный и по-царёвски милосердный взгляд на мир и человека».

Конкурсное произведение

Бесснежье

Чистить крышу пора, но не выпали белые снега.
Зря пришёл Парамон и метёлку с собою принёс.
Вон теплынь на дворе, и полезли спросонок побеги,
И совсем по-апрельски шумит на излучине плёс.

Бабка Таня горюет: застряли на почте открытки.
Проторённой дороги в беспутье до города нет.
Это в летнюю пору бодришься и кажешься прытким,
А в такую погоду занюют суставы – привет.

Где ж ты бродишь, зима? Что ж в моё не стучишься жилище?
Отчего не шумишь, чтоб топилась без лености печь?!
По ночам только ветер лихой за околицей рыщет,
Унося второпях, что без снега никак не сберечь.

Утопает декабрь не в сугробах – в грязи придорожной.
Много чёрной земли – мало места белёсым снегам.
Провинились мы что ли пред Небом? Возможно... Возможно...
А возможно ль ещё в согрешеньях раскаяться нам?

От литературного обозревателя

Настроение природной и душевной распутицы, их междувременья и междуумия передано выразительно. Хотя и слегка наивно.

«Проторённой дороги в беспутье до города нет»;

«Много чёрной земли – мало места белёсым снегам».

Репрезентирующая цитата:

«А возможно ль ещё в согрешеньях раскаяться нам?».

В.Г.

Подборка стихотворений Алексея Гушана

* * *

Цветут на окошке герани.
На улице дождь моросит.
Улыбчив юродивый Ваня
На бедных просторах Руси.

День каждый – небесный подарок!
А ночь – благодатный причал.
Свечной догорает огарок,
Который во тьме освещал

Простые библейские строки,
Что бремя Господне легко...
И сыплются хлебные крохи
Для вестников верных Его.

А вестники шумною стаей
Летят высоко-высоко.
Улыбчив юродивый Ваня.
Цветут на окошке герани.
И бремя Господне легко.

На прощёное воскресенье

Весенний свет, густой и золочёный,
По всей округе разливает мёд.
Сегодня день особенный – Прощёный,
И оттого душа моя поёт.

Собрав с утра простое угощение,
Иду себе, улыбчив и открыт,
Испрашивать у ближнего прощенья.
– Прости меня!
– Господь тебя простит.

И ты прости!
– И я, и я прощаю!
– Садись скорей. Обед уже готов.
Сажусь тихонько, сердцем ощущая,
Что полон мир друзей, а не врагов.

Любуясь жизнью, как новорождённый,
Я образ Божий в каждом узнаю.
Как хорошо прощать и быть прощённым.
Наверно, так же хорошо в Раю!

Под рождество

И снова ночь. И снова торжество.
Сверкая, с неба падают снежинки.
В Диканьке... нет, в Малаховке и с жинкой...
Не так. С женой иду под Рождество

Колядовать. Тулуп. Мешок. Айда
Нести веселье в дремлющие массы.
Вдруг вижу, что сидят на теплотрассе
Два брошенных рождественских кота,

А может, кошки. Дело ведь не в том,
Какого рода Божии творенья.

Я положил пред ними угощение
И поделился праздничным теплом.

Как ладно в мире всё заведено.
С небес снежинки падают, сверкая.
Иду с женой, а рядышком шагают
Две кошки... два кота... Не всё ль равно?!

* * *

По земле туман рассветный стелется,
Дым печной струится в небеса,
Осень, как таёжная медведица,
Глубже пробирается в леса.

Впереди дорога угасания.
Как бы ни петлял надежды след,
Северное хриплое дыхание,
Сонного предзимья силуэт

Близятся – уже не за чащобами!
Не с того ли в избах огоньки
Кажутся роднее мне особенно
В эти беспросветные деньки?

Годы, словно листья, осыпаются...
Снова вижу за окном моим –
Утренний туман к земле ласкается
И уходит в поднебесье дым.

Поминальное

Здесь всё, как прежде... Там, где был сельмаг,
Единственный фонарный столб хиреет,
Кренится набок: так ему виднее,
Что дело с освещением – табак.

Мост на реке скрипучий, подвесной
Пока ещё работает исправно,
Соединяя левый берег с правым
В бескрайний холод и в случайный зной.

И всё, как прежде, кажется, но так,
Как прежде было, быть уже не может.
День ото дня настойчивее, строже
Безлюдного зазимья каждый шаг.

Смекнув, что дальше некуда годить,
Дома, амбары, бани, сараюшки
Боками прижимаются друг к дружке,
Не ведая, что будет впереди.

А впереди известная пора,
Но так её ещё не проходили –
Последнюю старуху проводили,
Последнюю избу заколотили
Вчера...

Матери

Хорошо переждать ненастье
В светлом доме да у огня.
В этом доме ржаное счастье
Ты готовила для меня.

Приготовила, песню спела,
Чтоб всё ладилось лет до ста.
– Ты сама-то, родная, ела?
– Я сыта, дорогой, сыта.

Обходили меня напасти,
Ведь сума не была пуста.
Две ковриги ржаного счастья
Я сумел для тебя достать.

Хоть краюху себе взяла ты?
Ни к чему задавать вопрос.
С аппетитом жуют внучата
Те ковриги, что я принёс.

Ты же песню свою запела,
Чтоб всё ладилось лет до ста.
– Что ж ты, милая, не поела?
– Я сыта, дорогой, сыта.

Умирал дед

Дед быстро сдал. Но жизненный уклад
Менялся трудно, всё внутри ломая.
Мутнел его когда-то ясный взгляд,
И дед курил, с постели не вставая.

Он встал бы, только ноги – вот беда –
Не держат. И лежать уже нет мочи.
А так бы походил туда-сюда,
Глядишь, и ночи стали бы короче.

Сражённый новым веком наповал,
Он понимал – свеча вот-вот потухнет...
Дед умирал, а внук его на кухне
Из дерматина куртку примерял.

Чужие яблоки

– Эй, паря, и не стыдно воровать?! –
Услышал и застыл, не понимая,
За что же можно вором называть,
Когда вокруг земля – моя, родная?!

Был вечером тяжёлый разговор.
Я подошёл к подвыпившему деду.
– Малой, не думай даже. Ты не вор.
Запомни только, что и дом, и двор
Теперь не наши – продали соседу.

Жизнь разделило чёрною межой
На до и после. Я смотрел впервые
Туда, где дом чужой и сад чужой,
И яблони, и яблоки чужие.

Вкус счастья

Перемазаны ладошки,
Лобик, правая щека –
Это кушает Серёжка
Ягоды из кузовка.

День дошёл до половины –
А Серёжка у стола!
Дед принёс ему малины
Из медвежьего угла.

После леса ноги шают*.
Чай, не юноша-ходок.
Но как вкусно* уплетает
Сладку* ягоду внучок!

Дед сидит, как будто скинул
Долгой жизни тяжкий груз...
Счастье с ягодой-малиной
Одинаковы на вкус.

*Шают** – устали от долгой ходьбы.

*Скусно** – вкусно (северный диалект).

*Сладку** – сладкую (краткая форма прилагательного принята в разговорной речи северян).

Живая поэзия

Печально упало перо соколиное
На воды реки.
Падение стало невольной причиной
Рожденья строки.

По тихой воде небывалыми ритмами
Скользили слова.
Наивная ива, прохладой увитая,
Качалась едва.

Вечерняя мгла торопливо развесила
Огни вдалеке.
А я всё смотрел, как живая поэзия
Плыла по реке.

Ирина Коротеева, Ростов-на-Дону

*Приз симпатии литературного обозревателя конкурса Владимира Гутковского
– «За щедрую изобразительность текста и полноту чувства единения с
миром».*

Конкурсное произведение

* * *

Ты думаешь: «Зеленая река...»
И вот твоя прозрачная рука
Хватает за хребты крутые волны,
И раколовки пескарями полны,
И берега осокою остры.
Закусывая солнечной галетой,
Ты без остатка выпиваешь лето.

А если через луг, наперерез –
ПолнЫ дубы и сосны до небес.

Дубы полнЫ и сосны до небес:
Заступник твой, твоя обитель – лес.
И ты пойдешь сквозь ельник на осины,
Подумаешь: «Как, Господи, красиво!»
И кто-то с тонкой ветки подтвердит,
Что лучший день: настоящий, осенний.
Октябрь – твой приют, твое спасенье.
И тихо и покойно на душе,
Что все твое – оплачено уже.

Твое давно оплачено уже.
Метет зима холодное драже,
Ты дышишь над коричневою чашкой,
День нынешний как будто бы вчерашний.
А вьюговей январский за окном
С березами танцует по проселкам,
Все норовит пообниматься – к елкам,
И, заматавшись между старых груш,
Намается да и уснет к утру.

...Намаявшись, уснешь и ты к утру.
Как ни крути, а новый день – к добру:
Жердёлы закипают белым цветом,
И сплетничают воробьи об этом.
Ещё про то, что майский день хорош,
Чтобы уйти и чтоб вернуться снова
Осокою, январским ветром, словом
Прозрачным, как зеленая вода.
И ты согласно улыбнешься: «Да...»

От литературного обозревателя

Живописная и выразительная зарисовка.

«Закусывая солнечной галетой, ты без остатка выпиваешь лето...»;

«Октябрь – твой приют, твое спасенье...»;

«А ветродуй январский за окном...».

Репрезентирующая цитата:

«И ты согласно улыбнешься: да...».

И у меня тоже чувство.

(+)

В.Г.

Подборка стихотворений Ирины Коротеевой

* * *

... Я все равно уеду в Монтерей –
Из сырых зим в живительное лето.
Отстукивать ладошкой хорей,
И чистить яйца в старую газету.

Пусть проводник с хроническим «амбре»,
Пускай кромсают тишину соседи,
Титан, что старец чинный в серебре,
Покоя мне горячего нацедит.

И я ко всем терпима и светла,
Дорожные просеиваю байки.
Жизнь полетит чужая у стекла:
Кресты, церквушки, домики, сарайки,

Веселые зеленые сады –
То вырастут, то словно бы усохнут.
И звезды самой первой чистоты
В вагонные заглядывают окна.

Конечно, транспорт выбран сгоряча.
Всего вернее было б самолетом.
И вот уже закат внизу зачах
И рядышком посапывает кто-то.

Меня двукрылый тоже укачал,
Меж облаков проскальзывая ловко,
Чтоб больше не рыдала по ночам
Уставшая несчастная Дюймовка.

И чтоб уже не помнить поутру
Цифирей, завязавшихся узлами.
Неси, неси меня крылатый друг,
Неси скорей к моей любимой маме!

Она, конечно, там. Уже давно.
Печет мне сны про жизнь и про другое.
Я в Монтерей уеду все равно,
Ведь слово-то красивое какое...

* * *

...А теперь-то, наверное, жизнь поглаже.
Без меня – поспокойней. Поверю, что ж...

Я приснюсь тебе в пятницу, если даже
Ты не помнишь, а значит: совсем не ждешь.

Я войду как чужая в твои секреты:
Их так много за тысячу новых лун.
Вот – поездка на Кубу минувшим летом,
Вот – спортивные лыжи стоят в углу.

Золотятся романы твои на полках,
А на дальней – сигарный запас храним.
И футбольные матчи предельно долги,
И коньяк благороден, и сыт камин.

По ранжиру – доспехи. Все так, как раньше:
Для великих сражений и для побед.
И скакун свежей марки – не бит, не крашен.
Он, конечно же, белый – любимый цвет.

До субботы не близко: три сна. Минута,
И уйду я по тоненькой кромке дня.
Позабыл, позабыл ты... Но, почему-то,
Мне шептал этой ночью: «Моя, моя...»

* * *

...И ночь прозрачная светла,
И утро призрачное тонко.
Проснувшись, к окнам льнет ветла,
И липнет древняя клеенка –
Щербатой чашки старый друг.
Под чай пустой – одно из двух:

Длить горечь чайного листа
Под исхудавшим одеялом,
Назад года свои листать,
Дойти до точки за началом,
Свой не дожитый малость век
В дрожащей поддержать руке.

Иль в день, что все-таки пророс,
От стылой спальни - до столовой,
Кляня безжалостный склероз,
Идти опять дорогой новой,
Роняя по пути песок.
Увидеть вдруг наискосок:

То, чем когда-то жил и жив,
То, что держало и лечило:
Томов бесценных – стеллажи,
И слабость, и любовь, и сила,
Соль прадедов, суть праотцов –
Труды великих мертвецов.

Начать считать по «корешкам»
И снова сбиться на девятом,
От счастья млея, не спеша,
Читать, что читано когда-то.
Тихонько отойти ко сну
И ветхий день перелистнуть...

* * *

... Процарапывал небо – смотрел на нее сквозь звезды.
Опускался пониже, луну пеленая в тучи.
В тополях у подъезда тихонько укачивал гнезда:
«Пусть поспит – не шумите!» И даже на всякий случай

На излете июньской удушливой черной ночи
Он плотнее зашторивал окна к рассвету ливнем.
И когда уже больше терпеть не хватало мочи –
То, легонько касаясь ее, замирал – счастливый.

Он решил ей присниться на пятницу. Курам на смех...
Но он все же надумал: на среду присниться снова.
Только нынешним сонникам можно ли верить разве:
Все – сюрпризы да хлопоты, лишь про него ни слова.

Вместе с нею петлял по июлю в широтах южных,
Переплыл через август он с нею легко и лихо.
И хотел стать: пока не любимым – хотя бы нужным:
Вместе с нею молчал, вместе с нею грустил он тихо.

И под топот осенних дождей по железной кровле
Намечтал он себе целый мир из тепла и света:
Чтобы в доме – уютно и чтоб у кровати – коврик,
Чтобы – санки зимой, и, конечно, Анапа – летом.

...Перезревшее, падало солнце за край округи,
И отчаянно ветер держался как мог за кроны,
И в окошко больничное бились на свет пичуги:
«Нерожденный, не плачь! Нерожденный, не плачь! Нерожденный...»

Донское

«...А водицы лучше бы по кромку – юшка вполовину выйдет в пар» –
Красноперок, управляясь ловко, чистил краснощекий рыбовар.

В котелок бросал широкой пястью жменю соли, тайный корешок,
Принимал из стопочки: - «За снасти. За удачу» - добавлял еще.

Провисало небо черным брюхом, разливался над рекою гром –
Было рыбарю тепло и сухо под надежным лодочным горбом.

Разомлел в негладанном уюте, и тогда привиделось ему:
Разольется над Россеей смута – «ахнет», как ведется, на Дону.

На иконах лики станут строже, и застонут враз колокола.
Аль, он встать за Родину не сможет? Даром, что тринадцать мал мала...

Казака война закрутит крепко, да на третий выплюнет годок –
Не отсохнет родовая ветка, но замрет тринадцатый росток.

За мальцом жена погаснет тихо, словно б подгадает – на Покров.
Вот тогда хлебнет казаче лиха: во дому двенадцать сирых ртов.

Да живуче, зная, казачье семя – прорастет сквозь лютые года.
Что же бьется, что стучится в темя? – по хребту дощатому вода...

Надо ж примерещиться такому – грудь казак покрестит не спеша,
Да, собрав улов, пойдет до дому. Лишь заплачет птица в камышах...

* * *

... А через строчку точно будет так:
Сначала — очень громко, после — мутно.
И вот уже, одетый в лучший фрак,
Ты в облаке устроился уютно.

По статусу: нектару до краев
Плеснет тебе кто, все-таки, повыше,
И будет вечность целую готов
Тихонько слушать и, конечно, слышать.

Как там, внизу, сквозь толщу «кучевых»,
Ты был ему, пожалуй что, собратом:
Иконою живою для живых
Единогласно выбранный когда-то.

И через атмосферные слои,
Хоть это удивительно и странно,
Сияют ослепительно твои
Святые лики с голубых экранов.

Расскажешь откровенно в этот час,
Когда еще такое может случиться,
Как бил порой безжалостно Пегас
Копытом – беззащитного паяца.

Про все, что гениально схоронил
Под маскою смеющегося мима,
Про женщину, которую любил,
Но разменял на сотню нелюбимых.

Теперь и ты ей — двадцать пятый кадр.
И ты, конечно, можешь быть покоен.
Но почему же горек так нектар,
Тебе налитый щедрою рукою?

И станет тяжело и горячо,
Вдруг полыхнет на облаке соседнем,
А собеседник тронет за плечо,
И лист назад перевернет последний...

Кормилица

Ветхой шалью годы на плечи, дни пудовые – да тоньше волоса.
Ей бы кашу проливать с печи, иль под солнцем млет зрелым колосом.

Ей бы пить кефир вдоволь сладенький, да чтоб косточки – да на подушечку,
А она в тулупе драном и в валенках тащит на базар моркву, зеленушечку.

Руки, рученьки... Вены синие... А в виски тоска молоточками:
"Ведь была-то я раньше сильною, деток рОстила - сына с дочкою.

Дом плескался наш полной чашею, мужу я была справной жёнушкой.
Что же стало-то с жизнью нашею? Да за что ж нас так, да об донышко?

В дальнем годе, в редкий паводок муж утоп, а я, бестолковая,
Познавала науку: сколько наВолок* может за ночь сгрызть баба вдовая.

А за ним отправился вслед и сБ/ночка: в Чёрной Были сгорел яркой свечкою.
И теперь одна у меня кровиночка: дочка - досточка поперечная.

Горе горькое, счастье талое... Дал Господь её в наказание.
Непутёвая, неудалая. Знала б, будет так, я заранее

От рассвета до поздней ноченьки, на пороге б лежала камешком.
Может быть, посмотрела б доченька? Может быть, пожалела б мамушку?

И от первой хмелящей чарочки отказалась бы ради матери.
Каждый год по внуку в подарочек, стал бы дом самобранкой-скатертью!

Руки, рученьки... Вены синие... Вены синие... Скулы битые...
Ведь была молодой, красивою, а теперь, что петлёй обвитая.

Мне бы с мужем пора увидеться, да с сыночком на райской лавочке..."
И, вздохнув, побрела кормилица, схоронив рубли под булавочку.

Наволока - наволочка*

Предатель

Он полз ужом. Он страх цедил из луж.
Грыз горький ужас с жухлою травой.
А за спиной шесть преданных им душ,
Взмывали ввысь из жаркой топки боя.

По красным листьям, брызнувшем с осин,
По каплям слёз, пролитым небесами,
Он уползал. Он был теперь один.
Предав друзей. Врагам оставив знамя.

Непринятый брезгливо наверху,
Он выжил. Жил. Пил по субботам водку.
Ел в будни щи, по праздникам - уху,
На Первомай с соседями драл глотку.

Но, всё-таки, сбежал под образА,
Когда уже не смог дышать от страха.
Из ночи в ночь – те, шестеро, - в глаза.
И жизнь такая оказалась плахой.

* * *

Любоваться собою – стройной,
Наряжаться – да мало ль дел?
И жилось ей давно покойно –
Самой белой из королев.

Только маятся ветры в мае:
Всё хотят на юга ветра.
И, упругие, раздувают
То, что было золой вчера.

Полыхнет, заскользит по венам,
Завершит свой великий круг.
Что же ахнула королева,
Что меж реберных бьется дуг?

Что же солнечный день так зябок?
И согреть-то кому – одна.
И лапландская плачет баба,
Воет в голос. Весна. Весна...

Александр Соболев, Ростов-на-Дону

Приз симпатии члена жюри конкурса Галины Булатовой – «За одухотворенность и зрелость «белого налива» поэзии».

Конкурсное произведение

* * *

Начнем с заката. Янтарным стеклом
померкли запада створки.
Багровый шар осел за село,
проплавив земную корку.
И стало глуше, прохладней, темней,
и вот со спокойной грацией
выходит ночь из свежих сеней
терновников и акации.
Ее приходом сполна извиняется
весь день с суетой без роздыха,
борьба Земли и Огня сменяется
союзом Воды и Воздуха.
Да будет ночь! Ребятишки усталые
заснули легко и скоро,
и ночь к борщам на столы поставила
любовный плод – rom-i-d'oro.
Она ароматными пахнет травами,
звенит у колодцев ведрами,
привычно ведет ладони шершавые
между грудями и бедрами...

Хоть в этом мало высокой эротики,
но ей ли жалеть и каяться?!
Закрыли мальвы округлые ротыки –
а ночь цветет-распускается!
А ночь беременна «белым наливом»
во благо широкой публики.
В «совхозном» саду, как лани, пугливы,
селянки воруют яблоки.
Не прянет звезда с небесного склона,
не крикнет ночная птица.
У каждой с собой – бутылъ самогона,
чтоб было чем откупиться.
Потом до дому, дорогой длинною
пойдут, и ни с кем не встретятся...
Широким шлейфом пыльца полынная
в зените над ними светится.
Большой тишиной залита понемножку
дневная разноголосица,
и в Ночь уткнуться, как в мамку-кошку
душа заблудшая просится.

От литературного обозревателя

Настоящая и слегка ироническая сельская идиллия. Достаточно словесно изобретательная.

Репрезентирующая цитата:

*«...и ночь к борщам на столы поставила
любовный плод – rom-i-d'oro...»..*

В.Г.

Подборка стихотворений Александра Соболева

* * *

Всплывают из памяти берег рябой,
непешный зябкий рассвет...

Хвалиться погодой, делами, судьбой
как будто бы повода нет –
а дышится славно.
Свежо и серо.
Задонье, канун ноября.
По утренним плавням бежит ветерок,
цепляя тонкую рябь.
На илистой почве – коровьи следы,

кизяк... Наполнен водой,
смирненно становится частью среды
рыбачий дощаник худой.
Утиные клинья стремятся на юг,
стоит в затонах сазан,
и меру разлуки с собой узнаю
по пресным летучим слезам.

И посвист, и шелест, и дольний покой,
тростник шатает волной...
Слоёное небо над сизой рекой
оттенками влаги полно,
и сепией бледной написан по ней
сухих метёлок полёт...
Тридцатую осень навстречу волне
бездонная лодка плывёт.

Баллада об имени

Солдатам и офицерам Плесецка посвящается

Ты можешь словом заковать огонь?..
Хотя – не об этом речь.

Однажды прислали на полигон
летучую Рыбу-меч.
Солдатик-техник, из тех ребят,
ревнующих к небесам –
он имя подруги, её любя,
на корпусе написал.
И вот, дохнув огнём горячо,
светя миллиардом свеч,
ушла в поднебесье крутой свечой
летучая Рыба-меч.

И снова секции головной
нацелили остриё,
и имя «Таня» белело вновь
на корпусе у неё.
И кто-то пришлый, из важных лиц,
настойчивый в мелочах,
на старт явился с проверкой-блиц –
заслушать и замечать.
Он был педант, и он приказал
следить неуклонно впредь,
чтоб так не баловалась «кирза».
А имя велел стереть.

При слове «Пуск» ухмыльнулся рок
одним из кошмарных рыл:
он вырвал ракете её нутро –
и кратер жерло раскрыл.
Шатнуло громом лесную глушь,
хлестнула заря за край,
и много мужских небезгрешных душ
отправилось прямо в рай...

Был новый запуск. Потом другой.
И милостив был Господь,
и был послушен теперь огонь,
спаливший живую плоть.
Но *каждый борт* непреложно нёс
способное уберечь
простое имя, что так всерьёз
присвоила Рыба-меч.

* * *

...Без ангела справа, без четверти два,
в холодную ночь за туманом белёсым
услышишь урочной телеги колёса,
гремящий по улицам старый рыдван.
За столько-то лет о себе возвестив –
кого он везёт, и по чью-то он душу?
Чей сон и биение крови нарушит
его нарастающий речитатив?..
Возок, закопчённый нездешним огнём –
какие химеры его населяют?..

Твоё «санбенито», ларец с векселями
и списком грехов приближаются в нём.
Негромко бренчит ритуальный ланцет
на дне сундука с остальным реквизитом...
И едет в телеге судья-инквизитор,
палач и возница в едином лице.
Он едет тебе воздавать по делам!..

Грохочут колёса по мокрой брусчатке,
по граням поступков, по жизни початку,
благих побуждений булыжным телам.
Всё ближе и ближе, слышней и слышней
телега из первого дантова круга...
Во тьме перед ней, запряжённая цугом,
вихляет четвёрка болотных огней –
извечным путём: от бездонной Реки –
в остывшую жизнь и постылую осень...

Фальцетом поют деревянные оси,
качается шляпа, дрожат огоньки...
Дома, отшатнувшись с дороги, стоят,
и шамкает сумрак: «Подсуден... подсуден...»
Да есть ли проблема, коль в общей посуде
и добрые зёрна, и скудость твоя.

...И стрелка весов, накренясь, дрожит,
и мрачно кривится Гроссмейстер успений...
Но, может быть, твой белокрылый успеет
на правую чашу перо положить?..

Медитация на красном георгине

В осеннего воздуха медленный ток
небрежной рукой вплетена паутина,
и мощный, раскидистый куст георгина
венчает прекрасный цветок.

Как слизень, в слепом летаргическом трансе
сквозь влажные дебри пластинчатой чащи
свое существо незаметно влачащий –
так взгляд, замирая на каждом нюансе,
скользит осторожно по зелени темной,
вдоль русел прозрачного терпкого сока,
сквозь тени и блики восходит истомно
к цветку без греха и порока.

Не темпера, не акварель, не сангина
смирненно творили цветок георгина,
но плотное масло, мазок за мазком.
Он алый, как крест на плаще паладина,
и темно-багрова его середина,
и с телом планеты извечно едина,
и звездам он тоже знаком.

Он в душу вмещается полно и сразу,
и в ней позабытый восторг воскресает,
и пиршество глаза – на грани экстаза,
когда откровением вдруг потрясают
отшельника – лики на створках киота,
а кантора – громы классической фуги,
спартанца – кровавая рана илота,
любownika – лоно подруги.

Он цвета любви, полыхающей яро,
родник нестерпимого красного жара...
И поздние пчелы стремятся к летку,
вкусив от его бескорыстного дара,
и солнце – сверкающей каплей нектара!
И первая чакра моя, муладхара,
раскрыта навстречу цветку!

* * *

Прохладно, просторно, и – ведро с утра!
Сияние синей эмали.
Сажает картошку с мечом у бедра
сеньор, не нашедший Грааля.

Как девять столетий тому – паладин,
вернувшийся в лен разорённый,
он тоже старался, из многих один,
во славу Креста и Короны.

Клюёт чернозём воронёная сталь,
ложится цепочка отметин,
а меч паладина, его Дюрандаль,
для всех остальных незаметен.

И всё – не беда под горячей звездой!
Звенят для сеньора синицы,
и замок – его родовое гнездо –
в полудню над пашней клубится.

Посади дерево!...

...И пока твой срок на земле не истёк –
в бескрайних своих владеньях
посади дерево. Пусть растёт
и дарит плодом и тенью.
Посади семечко, косточку, прут –
и будешь судьбой отмечен,
и протянется сотня цветущих рук
в апреле тебе навстречу...

Пусть не плод, но горячий янтарный блеск
тебе суждено увидеть –
в этом дереве будет огромный лес

любить своего друида.
Величайшего Зодчего волшебством –
над зеленью и над снегом
устремится ввысь ионический ствол,
связующий землю с небом.

Это дерево станет приютом птиц.
Всегда – молодым ли, старым –
это дерево будет одной из спиц
в большом колесе сансары,
и земле послужив последним листом,
уставшее быть полезным,
неизбежно скошено будет потом
твоим ли, чужим железом.

Это дерево сможет людей простить,
чтобы снова взойти – в костяной горсти.
И в темпе порядка герца
шевелия синевой своих хворостин,
это дерево будет в тебе расти
из красного корня сердца.

Литография

Как голодного окуня манит блесна,
голодранца – бобровая шуба,
так и мне, обалделому, снится весна
и твои приоткрытые губы.
И приходит в полуночном сне благодать,
обнаженная напропалую,
и краюху насущного можно отдать
за глоток твоего поцелуя.

...Оседает туман, пробивается стих,
поднимается месяц поспелый...
Вот и ветер утих, и цветов – никаких,
только чёрный и матово-белый.
Кружевные черешни, полны молоком,
осеяют уснувшую землю,
на чёрнёном стволе меловым лепестком
утомлённая бабочка дремлет,
и тела приминают собою траву,
стосковавшись по тёплому маю,
и сегодня во сне, как вчера наяву,
обнимаю тебя, обнимаю...

Для того и поют по садам соловьи
в белопенном черешен засилье,
чтобы женщина белые бёдра свои
распахнула, как бабочка крылья.

Снайперы

Черная дыра зрачка вставлена в систему линз.
У химеры глаз – без сучка. Глаз химеры целится вниз.
У химеры – камуфляж. Высоко взлетела, тварь.
Превращает площади в пляж, на асфальты льёт киноварь.

Киев, Вильнюс и Москва перед ней лежат пластом.
Им ли о телах тосковать, если души смяты пестом...
Длинным пальцам мертвеца хочется живых сердец,
толку, что в конце-то конца свой же в глотку брызнет свинец.

Профессиональный ствол цокнет – и проблемы нет.
Деловитый смерти укол – с людоедом наш паритет.
Он не знает полумер. Варятся идеи-фикс
в черепах таких же химер, в кабинетах с номером «икс».

Смрад, и блуд, и ложь – их дух. Подоплёка шкуры – бакс.
Письмецо от «сорока двух» – деликатный им пипифакс.
Синдикат, консорциум, пул, подлости замес на кровях.

...Векторной проекцией пуль ненависть прошита моя.

Даниилу Андрееву

...Не смердом, не рабом. Мужчиной, а не дамой.
В России довелось, хоть в Греции теплей.
Она и Белый храм, и долговая яма,
и шахматный квадрант подземных королей.

И вот, в который раз чистилище покинув,
оставив за спиной ужасный мегалит,
играешь в поддавки на тряпках арлекинов,
шутов и поваров хозяина Земли.

Как страшно понимать доподлинно, буквально
пророков и святых. Лиловый жуткий свет
хребтом предощущать над этой наковальней,
над русскою землёй, над лучшей из планет.

Страна идей и вер. Страна трудов кромешных.
А всё-таки Бедлам и всё-таки Гулаг.
Молитвенной свечой, берёзовым полешком
сгореть бы нам для той, которая бела.

А всё же не одни. Когорта прорубает
кровавые слои страданий и тоски!
И Santa Rosa там, где искра золотая,
где Роза Мира в срок расправит лепестки...

...Вот та, где он рождён. В снегах своих и горях,
опутанная злом, окутанная мглой,
бессмертных сыновей бессонным взглядом дарит,
поэтов и бойцов за гранью голубой.

Гуси-лебеди

Распахнувшись, синеглазым,
как разбуженное дитя –
над степями и над Кавказом
караваны гусей летят.
Неоглядным, холодным, длинным –
посылают в далёкий край,
то ли линией, то ли клином,
узелковые письма стай.

Многомерным узлом завязан,
обведён чешуёй границ,
удивляет наземный разум
тяготеющих к Югу птиц.
Над Алеппо и над Синаем,
над песками и над золой
гравитация их сквозная
проницает воздушный слой.

Не пытаясь понять законы
неопрятного дележа,
опасаясь стальных драконов,
изрыгающих рёв и жар,
полагая вражду позором,
обходя очаги огня,
неуклонно ведут к озёрам
оперившийся молодняк.

Покидая на срок лиманы,
перелётный ордер храня —
за Египтом и за Суданом,
где не рвётся в клочья броня,
на короткой точной глиссаде,
не задевая тормозной,
на озёра Замбези сядут
в ослепительный блеск и зной.

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

Алена Алешина (Жеглова), Великие Луки

Конкурсное произведение

Русалка

И когда сизым духом подёрнуты ветви осин,
А макушек косматого леса размыта постель,
На сто вёрст всё как будто вокруг обнесли караси,
Утянув те круги по воде у себя на хвосте...

И ступаешь в замшелые хлопья у кромки воды...
И гадаешь: какого блаженства-то нужно ещё?!
Но болотные кочки играют с тобою в следы,
Хоть русалочки штучки все изданы наперечёт...

Вот уже и таинственный голос, уже и призыв...
И как сладко, поди, сознавать, что так много читал
В детстве мифов и сказок — пускай и названья забыв,
Но надёжно усвоив одно — по глупцу и тщета,

А венец — мудрецу!.. Вот и пыжишься, ёжишься весь
От разгаданной прелести... прелости... сырости мест:
Пусть хоть весь насаждает на плечи причудливый лес —
Хрестоматией всей, всей наядой озёрной окрест!

Точно ведаешь, что не поддашься на морок и жуть —
Не достанет и серы для всполоха огненных глаз!
Только самую малость позволишь в глаза заглянуть...
Да у самой поверхности лёгких испробуешь газ...

Но в исходе русальной недели, а завтра – Петров,
И пора возвращаться в стремнину, и тошно одной,
Мавке проще, чем спутывать ноги в пруду у коров,
Гордеца утянуть за собою на самое дно!

И коль скоро тебе повезет, и расступится лес,
И его навьи силы случайно ослабят тиски,
Посмотри на безмерную твердь предрассветных небес...
И тогда – помолись от души, что ты жив, что ты здесь...
А русалка – ушла без добытка в речные пески...

От литературного обозревателя

Текст, обращенный и к душе, и к небу.

С русалками шутки плохи! «Защекочут до икоты и на дно уволокут» (В.С. Высоцкий).

Репрезентирующая цитата:

«И гадаешь: какого блаженства-то нужно ещё?!»

В.Г.

Подборка стихотворений Алены Алешиной

Цветочница на ветру

Та цветочница, что на ветру –
На холодном, на беспричинном
Жарко топит свою конуру,
Сигарет раздувая лучины...

Та цветочница, что поутру
Мне встречается мимоходом
На мою, хоть и по нутру
Мне она, но мою работу...

Та цветочница вдруг неспроста
Не пришла и не подсобила
Мне в мой будень, в мой день врать,
Чтобы я его полюбила!..

Только то и известно о ней,
Что в цветочном ряду свободней –
В плотном графике трудней
Выходной у неё сегодня...

Может быть... Ну а если – нет?!
Если больше её не встречу?!
Кто тогда соберёт букет –
Первым встречным, последним встречным?!

Та цветочница, что на ветру...
На холодном... с багряной кожей...
Дайте встать мне к её шатру –
Буду радость дарить прохожим!..

По сказкам мира...

И добрая тётушка-фея спешит на порог.
И маленький паж непременно сыграет ва-банк...
Но рано ещё королевство сбивается с ног –
Пусть срочен заказ, но ещё заполняется бланк:

Хрустальный дуэт выдувает пока стеклодув,
Поёт Шахразада злодею не первую ночь,
Уняв душегуба и тысячной сказкой надув.
А сердце смягчиться до тысячи первой не прочь! –

Чем дыня не тыква?! – Промчатся бы в ней на ослах!
А в спелом арбузе – попасть на восточный базар! –
За «дамские пальчики», «дамские пальчики» – ах! –
За гроздь винограда я впала в Казанский вокзал!

Как впала в уютное детство... Однако – мороз.
И всё возвратится на круги, на дуги своя...
Не эта ли лошадь – «лошадка, везущая воз»?..
Не эта ли тройка – упряжка волшебника Оз?..
Не эта ли тощая кляча кантует меня?!

Однако, мороз... Я цигейку свою запахну.
В волшебном убранстве глухая моя колея
В тот сказочный лес, где я в тысячный раз намекну
Морозко, что красная девица – это же, синяя, – я!

И словно в награду – охотничий домик в лесу,
Где пышет камин и пылает в бокале глинтвейн...
За эти мгновенья я всякую сказку снесу,
А с нею и всех, кто бы ни был и кем бы навеян!..

Хрустальная туфелька – тихая, давняя блажь...
В серванте стоит, чем не стоит сервант заставлять.

Но, тётушка-фея, ваш выход! И полный метраж
Атласа! Да что там – весь атлас: гулять – так гулять!

Сосны-стихи

Я пробуду в лесу всю ночь...
Покосившаяся изба...
И не лиственные обочь...
И едва ли уже издать...

Возвышаются и гудят,
Как на линии провода, -
Ветры вечные проредят
Их – осанистых – без труда:

С высоты окаянной всё ж
Неминуемой ждать беды –
Стоеросово, ни за грош
Обрываются с высоты...

Виснут, хрупко смыкая круг,
Между ломаной и кривой,
Но, цепляясь за сотни рук,
В ноги падают головой...

Я ищу им всю эту ночь –
Струнным – авторские права...
Пусть не лиственные обочь
Близ избы моей дерева!

Серьёзный роман

Не крути с этим миром конфликт,
Как серьёзный роман...
Несомненно, ты – ценный реликт,
Но над лесом – туман:

До тебя ещё – многим пришлось
Боль на раны рассечь –
Ничего: всё срослось, всё сошлось –
Всё списали на течь:

На стечение мест... обстоятельств...
Как следствие – дел не удел! –

С привлечением звёздных сиятельств –
Весомых космических тел!..

Все сошлись в небе звёзды.
И древняя с ними – луна...
Это так несерьёзно:
Ну – ты и она!

Вам страдания не чужды,
Но – связаны гордые связки!
Значит, кисть вам на нужды –
Сгущать неуёмные краски! –
Ничего нет – задаром:
Недаром – прекрасна Елена!
И – гектар за гектаром
Заповедного вашего плена!..

На третьем виру (водовороте)

Почему для меня стихи как стремление в рай
По обрушившимся мосткам на втором виру,
И цепляюсь за них, но тот же течёт Удрай*,
Что на первом виру и пригоршни не наберу?!

Почему для меня стихи как соседский лён,
За рекой в два аршина – не то, чтобы, в общем, брод,
А в родной деревне: из первых своих пелён
Став одною из многих и многих других Алён, –
Вот таким старинным и сказочным из имён
Наречённая ласково дедом** – гнезда не вьёт?!

Почему для меня стихи как совхозный сад
Со сторожкой, как с мастерской, где от старых шин –
На Ивана Купала такой беспощадный чад,
Но и мы, детвора, как помню, к костру спешим?!

А на третьем виру купаемся до Ильи,
Но уже к сентябрю сползаем в урочный быт...
Почему у меня стихи от самой земли
Не дают ни всхода, а корень у них болит?!

Не с того ли всё чаще они как сплетение вех –
В связках вереска и можжевельного куста,
Что глядят с чердака сторожки на всех – на всех,
Кто не то, что пророком – кто отроком в них не стал?!

*Удрай** – река в Псковской области, по имени которой назван родной сердцу совхоз – «Удрайское».

*** – «... Что значит – решили назвать Зухрой?! – Пусть будет русской Алёнушкой!» – из семейных преданий, касающихся истории обретения мною своего имени.*

На террасе Памира

Почитала я вещей и вечных поэтов
Двадцать первого жгучего, смуглого века –
На обветренных лицах их – острые меты
Очень горькой выдавшего жизнь человека.

Я теряюсь в своём поэтическом поле.
Я заочно почти за него извиняюсь.
Я заложник – я баловень в нём поневоле:
Желторотый птенец, где совсем не меняюсь!

Если ваша горчайшая жизнь без ответа,
Если к вам так неистов разреженный воздух,
Можно я не пойду в мудрецы и поэты –
Можно буду лишь тихо похаживать возле?!

Я пришла к вам, я к вам прикипела настолько,
Что хочу, чтобы все угнетатели мира
Взяли ваши стихи с той заснеженной полки,
Что на всех семитысячных пиках Памира!

И тогда разразятся их сходы и льдины,
И отправятся воды в поля, как в галеты!
И, быть может, затопит их до половины...
Или просто – не будет засушливым лето!

Просто ветер рассеет всех зёрен – по паре...
А по склонам распустит ромашек охапки...
Гуру будут пить чай, в добродушном ударе
Желторотых птенцов потрясая за лапки...

На террасе Памира свежо и тревожно.
Я сижу и читаю – дышу и читаю...
Можно я буду рядом – насколько возможно –
С каждым вечным и вещим... кого почитаю!..

Ной

Я готовила миру подборку
Из своих народившихся строк,
Приоткрыв потаенную створку,
Памятуя недавний урок –

Поотстав и в неполную силу
Стихотворцем побыть подрядясь...
Это было, мой Господи, было!
С чем и ныне так явственна связь:

Первый лес из смолистого кедра,
Первых шишек его урожай,
В чьих пока зарождается недрах –
Возрасти, возвестить, возмужать!..

И насмешки беспечных соседей...
И ночной бесприют у костра...
Но смолистые «буки» и «веди»
Будут новой строкой прирастать!..

Вот и тёсанный лес через годы.
Вот и кованый гвоздь в этот тёс.
И по паре от каждой породы –
На корму корабля и на нос!..

Вот и те – пренебрёгшие Словом,
Что срывают обшивку с челна...
Только крытое судно – готово!
И ничто не отменит финал!..

Осветило ночную конторку
Тихим Светом, что в прочих иссяк...
Ной задвинул последнюю створку,
И Всемирный Потоп – начался!

На уроке древней истории

– «Вот бы дубовую рощу разбить для потомков –
В городе – всюду где «маркеты»: «супер-» и «гипер-»...
Или хотя бы аллею – на месте парковки!..» –
Так рассуждал прародитель древнейшего типа.

Так размышлял наидревний подвид – горожанин:
Так называемых первых времён «технолита»...
То ли из северных полисов, то ли южанин,
Но – восторгаясь всем тем, что наукой добыто...

Время с тех пор было смутное, милые дети:
Нанопрогресс наступал на обычное техно...
Роботы так устарели на нашей планете,
Что стало роботам этим совсем не до смеха!..

Люди общались с людьми на подкорочном коде,
Чувства свои подключая к особой программе.
Это им было удобно и свойственно вроде –
Так, как когда-то и в твиттере, и в инстаграме...

Мир же тем временем чах – без стихов и без песен,
Всё и для всех было в нём не свежо и не ново.
Биосистемы ни дня не стояли на месте,
Только собой ничего не являли живого.

Так что уже и они, при своём абсолюте,
Выдали сбой – так по-древнему будет увечье.
Тему урока запишем: «Древнейшие люди».
Чур меня, чур! – *начертаем* на наших дощечках!..

Спасибо!

Спасибо за хлеб, за воду,
За этот нетвёрдый сыр
Тончайшего небосводу,
Что в шаге от чёрных дыр...

Спасибо за ту заварку,
Что свой обретает цвет:
Пусть не сугубо яркий,
Но с завтрака на обед...

Спасибо за тихий ужин
В кругу дорогих людей –
Бывало кому и хуже
На хлебе и на воде!..

Спасибо за свет в окошке –
Вот, свитер себе плету...
А дети просили кошку –
Когда-нибудь заведу.

Котёнок?! Лады: котёнок! –
Обидит кто малых сих?!
О, суффиксы «-онок», «-ёнок»!
Спасибо тебе за них!

Спасибо за «-онок», «-ёнок» –
За вызубренный урок:
К отцу подошёл ребёнок –
Тот тут же ему помог!

Спасибо за суммы правил
И в жизни, как в языке...
Ты главное ведь поправил,
Раз я уже – налегке?!

А к поясу Андромеды,
К Туманности ли её,
Обую однажды кеды –
Спасибо за них моё!

Спасибо за путь, за посох –
Что смог для меня... – всё смог!..
А кто и посмотрит косо...
Зато ты и вправду – Бог!

Выпускникам

Мы были тогда так молоды –
Нам было семнадцать лет.
Но скоро нас звал на проводы
Один за другим момент...

Гуртом, до изнеможения
Гуляли на двадцать лет! –
Мы знали все дни рождения
Без выхода в интернет!

И знали, что в метры комнаты –
Вмещается континент! –
И тоже почти без провода
Был в зале читальном свет...

А как – далеко не нытикам –
Нам было по тридцать лет! –

Весь «цвет» мировой политики
Нам был ли не «фиолет»?!

Но, всё ещё ладно сложенным,
Нам стало по сорок лет –
Ещё не следим за «ЗОЖами»
Из ящиков для газет...

Но выпали доли лобные
На долю последних лет –
За праздничными коробками
Шампанского и конфет.

Прикидываем, кумекаем
Родительский свой наказ:
«Сложились бы человеками!..»
А сложится пара фраз! –

Теряемся, но по поводу –
Закатываем банкет...
Вздыхаем в усы и бороды...
А детям – семнадцать лет!..

Александра Герасимова, Томск

Конкурсное произведение

* * *

проденет день тугую нить
в сквозное рамное ушко
блик солнца вздрогнет зазвенит
в зеркальном глянце высоко
так глянешь ты в покой портьер
в мою немую благодать
как будто не закрыта дверь
за нами в опустелый сквер
на смене местностей и дат

и будет день и будет ночь
и будет пища нам насущна
под полумесяцевый нож
покорно ляжет темень-гуща
мрак слижет

– словно море с пят
сырой песок –
с колец ольховых
две наши вечности назад
и перешепчет шалый сад
немые зёрна – слово в слово

но не заплачь не укради
из нити времени жемчужин
как след в прихожей невредим
как на столе нетронут ужин
так неразрывна эта нить
насквозь от зеркала до рамы
и значит дня не отменить
и значит солнце осенит
раскрест оконной амальгамы *

**Здесь и далее в подборке – пунктуация авторская (ред.)*

От литературного обозревателя

Понятный текст с отдельными шероховатостями («полумесяцевый нож», например).

Репрезентирующая цитата:

«и значит дня не отменить».

В.Г.

Подборка стихотворений Александры Герасимовой «На смене местностей и дат»

* * *

застонет ветер-висельник над вислой
застудит кромки облачных лекал
сорвутся с календарных веток числа
– какой порыв их к чёрту оборвал? –
и полетят беснуясь на вокзал

туда где в стане электронных знаков
плывущих синей лентой на табло
последней уткой отозвался краков
– завьюжило ли берег? замело? –
и скрылся за вагонное стекло

пустое всё пустое
терпит сшивка

прорехи в письменах календаря
и строжится февраль и студит шибко
— оставленный нарочно? по ошибке? —
проталый след скитальца-января

* * *

и день был нелюдим и ветер глух
к движениям несдержанного сердца
за чашкою имбирной не усестся
в необогретой половине двух

не застелить внахлёст двух одеял
над стуженной пожалившись постелью
опершись о фонарный столб стоял
промозглый полдень голый оголтелый

и не было ни стула ни стола
и всей квартиры не было как будто

зачем так безнадежно стыло утро
где в неизбежность каждая минута
забрав с собой полмира утекла?

в поезде варшава-краков

если снег в рёбрах рельс
и дворы наотрез
значит встреча нестерпно близка

в нервной дроби колёс
ветра гул нетверёз
и неистовы два далека

зачернит дымоход
за пролесок зайдёт
полумесяц фонарной дуги

и в снега вплавь и вброд
потечёт небосвод
размывая состава шаги

так недолго - дождись
на сугроб опершись
"113-й" делает крен

не ранжируя лиц
не листая страниц
не считаясь с дрожаньем колен

но ты видишь опять
в белой зыби рябят
пережжённые пряники крыш

и о рельсы скрипя
на ковриги судьба
нарезает вокзальную тишь

* * *

это студит январь
это ночь ожидает крещения
скоро выюжащий перст
предрассветный просвет осенит
о помилуй господь
мой тоскующий без утешения
по утопшему в ёрдани памяти
мертвенный вид

это темь за окном
то густеет то ладаном плавится
это ветру неможется
свищет да ищет свой кров
сердце сердце моё
будь метелице усыпальницей
стань черница-ночь
горькой мне
ласковая свекровь

* * *

проденет день тугую нить
в сквозное рамное ушко
блик солнца вздрогнет зазвенит
в зеркальном глянце высоко
так глянешь ты в покой портьер
в мою немую благодать
как будто не закрыта дверь
за нами в опустелый сквер
на смене местностей и дат

и будет день и будет ночь
и будет пища нам насущна
под полумесяцевый нож
покорно ляжет темень-гуща
мрак слижет
— словно море с пят
сырой песок —
с колец ольховых
две наши вечности назад
и перешепчет шалый сад
немые зёрна — слово в слово

но не заплачь не укради
из нити времени жемчужин
как след в прихожей невредим
как на столе нетронут ужин
так неразрывна эта нить
насквозь от зеркала до рамы
и значит дня не отменить
и значит солнце осенит
раскрест оконной амальгамы

* * *

давай уедем первым в три ноль две
апрель подкинет в топку безрассудства
и по влюблённой в рокот рельс траве
росой студёной искры пронесутся

забудем на столе ключи и знобь
мобильника с призывом на дисплее
как маковая теплина алеет!
как вяжет солнце над рекою сноп!

и бог с ним с понедельником долой
перекрещенья календарных линий
пусть вне сезона — мы внесём домой
хрустящую охапку белых лилий

так верь же мне — тесней сожми билет
да так чтобы дух на миг перехватило
день спел
путь слеп
а ночь непредвестима
и ничего за дымкой угля нет
три ноль одна

гудящий мак
рассвет

* * *

войду в вагон поймаю кэб
отдаст швартовы бот
и выйдет целым из пике
тяжёлый этот год

как из тумана к десяти
выходит лунный грош
поочерёдно осветить
свиданье и грабёж

как выйдет было из пучин
одна из афродит
из берегов простолюдин
из строя и орбит

поддай же жару бригадир
бей в рынду капитан
на том конце позрел инжир
и турку жжёт плита

остановите на углу
где выпечка свежа
свети же ясно месяц-плут
сегодня любят и не лгут
не будет грабежа

* * *

счастливый путь
уже вокзал
и 'а' и 'б' свои сказал
раздав маршрутным рейсам номера и буквы

но вдруг без дела
просто так
теряет сердце полутакт
и не желает делать первый шаг как будто

пройдёт пройдёт
уже прошло
знобит неласково стекло
и неохотно запускает киноленту

знакомый фильм
столбы столбы
дымок из мазаной трубы
и режиссёрский ход – сосновых пик акценты

к обеду будет холодать
ты поменяешь города
а я сменю пиджак от измороси влажный

сойдёшь – крепит кленовый клей
мозаику киевских аллей
не заболеет – в погожий день негоден кашель

счастливый путь
ты только будь
а где – неважно

* * *

мы всем им отомстим
прихлынут волны
возмездия на всякий институт
и облака зефирные как пони
на чистом синеморье поплывут
покой и безмятежность
рай и нега
и прочие печатные слова
такая непорочность
словно снега
не тронула пожухлая листва
забудем и об этом
так не вечны
и войны и отмщения за них
найди меня
возьми меня за плечи
прильни ко мне
как свет к стеклу приник
и на песчаный галечный скалистый
на берег облюбованный пустой
найдёт волна и закипит смолисто
и о заре забрезжит остролисто
клён горизонта алой полосой

* * *

да станет ли
и выпрямится в рост
небывшее
несбывшееся прежде
перелетят ли два крыла погост
стальной чиркнёт по жилке неба хвост
и воздух разрежённый перережет

воспрянет ли
и духом и душой
заученный завьюченный большой
чуть сгорбившийся кит аэродрома

пока ещё темно и пусто дома
и тропка в синеве не торена
пока ещё лампадка и луна

но скоро свет и выпадет роса
сверкнёт зигзагом пряжка чемодана
и взлётная остынет полоса
шассийного тугого колеса
не удержав
тиха и бездыханна

и станется и сбудется
и день
прольётся на крыло
и мёрзлых стен
коснётся
прошмыгнёт по фюзеляжу

и птица пролетит котёл и сажу
и скоро станет вить к прутку пруток
на запад болью
болью на восток.

Анатолий Столетов, Уфа

Конкурсное произведение

Тень отца

Над Данией нависла тень отца
И застилает солнце слегонца.

(Кого колышет то, что здесь неладно?!)
Из сумрачной выходит полосы
И, молча, ухмыляется в усы,
Прогуливаясь в кителе парадном.

Когда вернулся издали сынок,
То замер в ожиданьи Эльсинор:
Как будет изворачиваться Клавдий?
Какой теперь to be or not to be,
Когда герой из записных дубин!?
Об этом даже пишут в «Датской правде».

Вожак лихих гвардейцев Фортинбрас,
Умеривая радость датских масс,
Не раз являл нам свой отважный норов.
Горациозных стало дохера.
Один героем Дании вчера
Заколот на мосту у Эльсинора.

Покуда Розенкранц и Гильденстерн
Толкают в месяц тысячу цистерн,
Звезде гореть на датском небосклоне.
Финальный кадр, фиксирующий «cheese».
И как ты в Виттенберге ни учись,
На каждого отыщется Полоний.

А жить все лучше, жить все веселей.
Еще чуть-чуть и будет юбилей
У Клавдия. Все выше, выше рейтинг.
Тому причиной - армия и спорт.
И то, что мы себе вернули фьорд.
И в Дании мы все гордимся этим.

На тень отца наводится плетень,
Железный, как решетка на плите.
Поджарь слегка истории страницу.
А после нас - известно - хоть потоп.
И что случится с Данией потом,
То мудрецам, конечно, и не снится.

От литературного обозревателя

Слегка небрежная ирония и непринужденная словесная раскованность, вряд ли соответствующая творческой манере Игоря Царева. Но кто его знает, что он думал про себя и на самом деле.

Репрезентирующая цитата:

«...на каждого отыщется Полоний».

(Мне понравилось, что и в этой цитате есть некая двусмысленность).

(+)

В.Г.

Подборка стихотворений Анатолия Столетова

Осколок витража

...А снег еще так искренне глубок.
Но на листах зимы весны помарки
Уже лежат. И на скамейке в парке
Уже свернулся в гордиев клубок

Сценарий нашей драмы. И пером
Не вырубить того, что топорами
Написано о нас в оконной раме
На этаже немислимо втором.

И пальцы рук, предательски дрожа,
Как будто у продрогшего слепого,
Все глядят мартом брошенное слово -
Осколок от цветного витража...

За скобки

Листва, пробиваясь из почек,
Наивна, по-детски чиста,
Пока твой изломанный почерк
Уперся в границы листа.

Движением слабым и робким
Цепляясь за жизни края,
Упрямо выносишь за скобки
Свое непутевое «я».

Ломается край под рукою,
Все ближе и ближе кусты.
Растет полынья за тобою,
И круглые скобки пусты.

Стремнина нахлынет густая,
И будешь пускать пузырьки,
Рукой безнадежно хватая
Соломинку тихой строки.

Круги времени

Время идет по кругу, рвутся штаны в паху.
А в голове застряла мысль тупым осколком.
Время, конечно, скажет точно нам, кто ис ху.
Время, оно разложит всех нас по нужным полкам.

Близится к завершенью наша игра в лото.
На половине цифр прочно стоят бочонки.
Время читает нашу клинопись ху ис кто,
Доступа код допишет стилусом смерти тонким.

Камнем мгновенья канут, кругом рождая круг.
Смотрят на нас сквозь пальцы краткие наши леты.
Линия нашей жизни времени сходит с рук.
Рвется на полуслове хвост телеграфной ленты.

Падает красный хворост в глотку его костру,
Да на запястьях кольца режут его браслеты.
Держит свой нос по ветру полный тенями струг
Времени, что нелепо требует черной лепты.

Ночь нарисует черным вкруг наших глаз к утру.
К памяти нашей в(я/е)щей нам бы привыкнуть. Нам бы
Жизнь заложить за память. Круга коснется круг.
Время их свяжет мигом и опрокинет набок.

Включен особый счетчик тем, кто слегка пытлив.
Мы же своим покоем за продолжение платим.
Время вираж закрутит мертвой своей петли,
Нежно сжимая шею прочным ее объятьем.

Время идет по кругу. Эх, карусель, кружись!
Те, кто успел к сеансу, без вести все пропали.
Время в сердцах иглой всем накололо жизнь,
В самый момент рожденья вынув чеку в запале.

В саду

Выйди тихонько в сад.
Слышишь?
Яблоки, вишни, груши
с веток в траву летят,
гулко бьют о края беседки...
Время к корням прильнет.

Наполняются наши души.
Опыт к земле нас гнет
и ломает плодами ветки...

Возвращение домой

В прихожей с плеч сдерешь устало
чужую кожу. Обувь - прочь.
Зима тебя перелистала,
и скучно ей твой день толочь.

Отдашь на кухне дань котлетам,
нальешь на донышке вина
и вдруг узришь, как тусклым светом
горит распятие окна.

Прибьешь на нем свой взгляд печально,
растешь в законной мгле.
Поставлена хоть где свеча ль нам?!

Пока лишь мухой на стекле
в календаре маячит дата,
и память - чашка без краев...

Наверно, Бог смотрел когда-то
так на творение свое...

Синий шарик

Вдохновенье маленькое мое,
полусдутый синий воздушный шарик...
Вроде точки расставлены все над "ё",
но в потемках тела душа все шарит,

все стремится высечь хотя б искру,
осветить на миг глубину и выси.
Только мрак и сырость одни вокруг,
лишь себя саму удастся высечь.

Я поглубже сырости той вдохну,
наполняя шар, от натуги синий.
Воздух рвется прочь из него. Ах! Ну,
что ж ты, брат, так сильно воняешь псиной!?

Хладен лоб, как Иуды уста в аду.
Лист пустой расстилается местом лобным.
Я пытался честно тебя надуть,
ты - меня.
Вдох еще - и лопнем.

Этих слов не вынести мне объем.
И одышка чертова так мешает...
Вдохновенье маленькое мое,
полусдутый синий воздушный шарик...

Вдоль обрыва

Он надрывно хрипит и кнута умоляет не слушать.
Он в кричащую пропасть не хочет на полном скаку,
понимая, что рысью - не в масть, да и шагом не лучше,
но не зная, что я не галопом никак не могу.

И не то, чтобы наш коренной уж совсем привередлив...
Наша тройка неслась вдоль обрыва вот так испокон.
Кто ответит, какие ячейки у Господа в бредне?!
Кто сумеет понять, колокольчик наш стонет по ком?!

Хлесткий ветер в лицо на лету застревает в куплете.
Кто же - ангел ли, демон ли - этот куплет допоет?
Сколько строчек и слов еще высекут Божии плети,
чтоб, шагнув за обрыв, мы продолжили этот полет?

Маршрутка

Два рыжих медяка дать за проезд в маршрутке
и выйти на проспект, оглохший от ворон,
шагнув в бетонный бред не вне, но в промежутке...

Других - не торопись, вези, мой брат харон.

Пока еще иду, забыт и неприкаян,
пока мою гортань не сильно давит жгут,
помедленней езжай, мой торопливый каин...

Пусть авели еще немного поживут.

С прохожим о любви заговорить стихами,
увидеть, как в глазах заплещется душа.

Читай побольше вслух, мой скромный брат мухаммед...

Пока растут стихи, земля так хороша.

Пока еще я здесь, живу и полон срама,
а уголек еще немного жжет в груди,
сансару покрути, мой темный гаутама...

Нирвана погодит...

Нирвана погодит...

* * *

Возвращаемся снова к зиме,
к этим стылым больничным палатам,
поджидающим нас в полутьме,
снежным снам, новогодним салатам,
обрамляющим русский запой –
вариант дохристового потопа,
к поглощению эго толпой,
к январю, что мечтою заштопан
о свершение всего, что не смог,
не осилил, не прожил, не вынес,
о терпенье, которое Бог
до предела испробовал в Сыне.

Возвращаемся снова к себе,
к обнаженности боли и смысла
в тесноте посторонних скорбей
и к сознанию, что вовсе прокисло
наподобье испорченных щей
от бездарности лет откровенной,
от пустой мешанины вещей
да копанья в помойке Вселенной.

Возвращаемся снова во тьму
низких истин, страдая похмельем
неизбежности мчать одному
в тройке жизни, влекомой весельем
неизвестного нам ямщика
то галопом, то шагом нескорым
к свету чуждого нам огонька
по заснеженным зимним просторам.

Андрей Козырев, Омск

Конкурсное произведение

Воробьиная ода

*Воробей, ты – великая птица...
Юнна Мориц*

Неужели тебя мы забыли?
Для меня ты всегда всех живей –
Спутник детства, брат неба и пыли,
Друг игрищ и забав, воробей!

Ты щебечешь о небе, играя,
Неказистый комочек высоты, –
Сверху – небо, внизу – пыль земная,
Между ними – лишь ветка да ты!

Как ты прыгаешь вдоль по России
На тонюсеньких веточках ног –
Серой пыли, особой стихии,
Еретик, демиург и пророк.

В оптимизме своем воробейском,
Непонятном горам и лесам,
Научился ты в щебете детском
Запрокидывать клюв к небесам.

Воробьиною кровью живет,
От мороза дрожа, словно дым,
Я, как ты, ворожу, воробею,
Не робею пред небом твоим.

И зимой, воробьясь вдохновенно,
Не заботясь, как жил и умру,
Я, как ты, воробьясь вселенной,
Замерзая, дрожу на ветру...

Но, пока ты живёшь, чудо-птица,
На глухих пустырях бытия
Воробьется, двоится, троится
Воробейная правда твоя!

От литературного обозревателя

*Помним, помним братьев своих. И меньших, и совсем мелких. И себя им уподобляем.
Не без оснований.*

Репрезентирующая цитата:

«Я, как ты, воробышка вселенной...».

В.Г.

Подборка стихотворений Андрея Козырева

о жизни

Стихи без глаголов

Вежливая медленность маршруток
Злая неуклюжесть мерседесов
Страшная начитанность блондинок
Буйная фантазия старушек
Лёгкий поцелуй велосипеда
Сладострастье боли под лопаткой
Странная прическа роконосца
Мягкость электрического стула
Честность государственной газеты

Бескорыстие свиньи-копилки
Аппетитность колбасы без мяса
Красота последних книг Донцовой
Виртуозность женщины-таксиста
Наглая застенчивость мигрантов
Вежливость мужчины с автоматом

Добрая улыбка педофила
Чуткая находчивость таможни
Скучная улыбчивость нудиста
Праздничный порядок на дорогах
Бешенство железной табуретки
Злобное предательство домкрата

Мудрое бесстрашие идиота
Сладкая наивность бюрократа
Ласковая нежность вышибалы
Громкое раскаянье садиста
Безупречность вкуса людоеда
Грация и шик Армагеддона
Блеск и нищета всего земного.

Державину. Жизнь омская

Я жил на Омке, – не на Званке, –
Когда из тьмы веков ко мне
Явилась Муза – голодранка
И замаячила в окне.
Она зашла ко мне погреться,
Залезла в душу и в карман,
И объяснила суть прогресса,
И водки налила в стакан.

Вы, Машка, Хлоя и Фелица,
Меня не смейте ревновать!
Для шуток с этою девицей
Нужна тетрадь, а не кровать.
Я с вами цацкаться не стану,
Ведь на земле известно всем:
Поэтам русским по Корану
Иметь дозволено гарем.
Мне всё дозволено и свято,
Святое место часто смято.
Жись без греха – что без стиха:
Мелка, соплива и тиха.
Так наплюём на наше горе
И запируем на просторе!

Глагол времён... Всё это басни.
Есть вещи слаще и прекрасней:
Вот на столе лежит арбуз
И выставил зелёный ус.
Вот разлеглась, ещё невинна,
Изнеженная осетрина.
Блины с икрой, как генералы,
Лежат горою после бала,
И разлитой по кружкам квас,
Являя нрав, шипит на нас...

Согласно истине столетней,
Литература – дочка сплетни.
И я с утра до самой ночи
В окно на двор уставлю очи,
Чтоб подсмотреть там стайку тем
Для од, элегий и поэм.

Какой народец населяет
Те животрепетны края,

Где в Иппокрену претекает
Моя иртышская струя!
Какие здесь мосты, дороги,
Какие старые чертоги,
И каждому здесь старику
Власть оставляет по пеньку.
Какая пыль! Какие были!
Какие дивы нас любили!
Какие стервы нас бросали!
Какие звёзды нам сияли!
В каких болотах мы тонули –
И вот теперь сидим вот здесь,
На Омке, в крепости, в июле,
И будоражим лестью спесь.
А Муза, девка крепостная,
Роман нам крутит, превирая
Сухую правду в сладку ложь,
И хренушки её поймёшь.

Российских од архиерей,
Приди ко мне и помудрей.
Тебе я расскажу о мире,
Бряцая на журнальной лире.
Журнал твой разум озадачит:
Какая в мире канитель!
А что там Вашингтон чудачит?
Пошто артачится Брюссель?
Варшава лезет вон из кожи,
Чтоб сажей нам замазать рожи,
И где-то бродит гад Игил –
Ошеломительный дебил.

А что у нас? Покой, затишье,
Песок да тополиный пух.
Ворует вор. Писатель – пишет.
Реклама – тешит взор и слух.
Гад – гадит. Машет пикой витязь.
На всяк вопрос – один ответ:
Вы молодцы. Вы здесь держитесь.
Страна в порядке. Денег нет.
Восстань, воззри, пиит свободный,
На синь народныя волны!
Пойми язык простонародный,
Доверь ему бессмертны сны!
Постигни правду нашей веры,

Пойми всю суть заподлицо,
В лицо Истории-мегеры
Влепи российское словцо!

Я всё ж чего-нибудь да стою,
Недаром пел, недаром жил.
И да залягу я рудою
Меж каменных Господних жил!
Окаменеет близь и дальность,
Разбьется звездная хрустальность
В тот страшный час, последний час,
Что уравниет с прахом нас,
Но и в кремнёвой вспышке света,
Что в судный день издаст планета,
Мелькнёт часть моего огня –
И Бог вспомнит про меня...

Прости меня, мой собеседник:
Чудачеств пушкинских наследник,
Я разбираться не привык
В том, что вещает мой язык...
Слова резвятся, как амуры,
Пред ликом девственной натуры,
Трезвы, ясны, вполне в уме,
А я уже ни бе, ни ме.
Но, и не смысла ни бельмеса,
Я всех зову на путь прогресса,
И пусть трепещет тот прогресс,
Что нас не взденет до небес!
Держава русская богата,
Трепещет в небе грозный флаг,
И всё не так у нас, ребята,
И слава Богу, что не так!

Ухо Ван Гога

Соната

1.
Наш мир стоит на Боге и тревоге.
Наш мир стоит на жертве и жратве...
У жертвы, выбранной жрецами в боги,
Перевернулся космос в голове.

Его холстов бессмертные ошибки –
Зрочка безукоризненный каприз:

Плывёт над садом облако улыбки,
И в облаке струится кипарис.

Пылает ухо в пурпурном закате,
Кровь виноградников пьянее книг,
И пузырится звёздами хвостато
Ночного неба чёрный черновик.

Сухой голландец, тощий и небритый,
Сам для себя – дурдом, дурман и страх,
Взирает на подсолнечье с палитрой,
Сжимая трубку старую в зубах.

Он слышит сердцем звуки небосмеха,
Он ловит кистью Божий смехолуч,
И ухо отзывается, как эхо,
В ушах листвы и в раковинах туч.

Он совершит святое разгильдяйство –
Мазком к холсту пришпилит высоту.
Джокондовское снится улыбайство
Подсолнухам, врисованным в мечту!

Звенит над храмом небо колокольно,
Чтоб нам зрачки от скуки протереть,
Но всё же вечно смотрим мы – невольно –
Туда, куда так больно нам смотреть!

Прозрачная идёт по склону лошадь,
И жалуется ей сквозь холст Ван Гог,
Что башмаки его устали слушать
Рассказы неоконченных дорог...

Творец в сверкальне сна полужеркален.
С холста струится солнечная кровь.
Мозг гения прозрачно гениален,
И сквозь мозги сквозит сквозняк богов!

2.
Вот он идёт – не человек, – дурман,
Дурман небес, чудачества лекало.
Он пьян, давно упал бы он в бурьян,
Когда б за крылья небо не держало.

Он пьян, но не от нашего вина,
А от другого, – горше и суровей.

Кровь виноградников всегда красна,
Как солнце, конопатое от крови.

Он пил всю ночь глухой абсент легенд.
Полынный вкус небес во рту дымится.
Абсент легенд – священный элемент,
Он миражам даёт черты и лица!

А рано утром, только он проспится,
Увидит Бог, живой в его зрачке,
Как солнце сквозь подсолнухи струится,
Бушует, пляшет в каждом лепестке!

Пусть барабанит в жилах кровь-тревога,
Пусть грают птицы, небо вороша, –
Подсолнечье – вот небеса Ван Гога!
Подсолнухи звенят в его ушах!

Художество не худо. Всё – оттуда,
Где метеор – взамен карандашей.
Да, вот такая амплитуда чуда –
От неба до отрезанных ушей!

Чудак

Во мне живёт один чудак,
Его судьба – и смех и грех,
Хоть не понять его никак –
Он понимает всё и всех.

Смуглее кожи смех его,
И волосы лохматей снов.
Он создал всё из ничего –
И жизнь, и слёзы, и любовь!

Из туч и птиц – его костюм,
А шляпа – спелая луна.
Он – богосмех, он – смехошум,
Он – стихонеба глубина!

Чудак чудес, в очках и без,
В пальто из птиц, в венке из пчёл,
Он вырос ливнем из небес,
Сквозь небо до земли дошёл!

Он благороден, как ишак.
С поклажей грешных дел моих
Он шествует, и что ни шаг –
И стих, и грех, и грех, и стих!

Он состоит из ста цитат,
Он толмачом переведён
С наречья звёзд, что днём горят,
С наречья будущих времён!

Он стоязык, как сладкий сон,
Как обморок стиха без дна.
Смеётся лишь по-русски он,
А плачет – на наречье сна.

Пророк вселенской чепухи,
Поэт прекрасного вранья,
Он пишет все мои стихи,
А после – их читаю я!

Он – человек, он – челомиг,
Он пишет строчки моих книг,
Он в голове живёт моей
И делает меня сильней!

Колумб вернулся

Монолог пьяного адмирала

На небе светит тупоглазый месяц.
Я на него готов завывать, как пёс.
На всю вселенную усы развесив,
Меня в таверне слушает матрос.
Ночь холодна, как будто королева.
Европа спит, грязна, как мой камзол.
И тошно представлять, твою налево,
Что я – источник золота и зол...

Когда стремился я в поход индейский,
Я не стыдился лести и вранья –
Руководила мной, по-компанейски,
Космическая алчность бытия.
«Нажива на живых рабах – гуманна,
Рабам спасает души – невзначай.
А золото – ведёт за океаны,

Питает разум, покупает рай». Сто раз я кланялся убийцам и прохвостам, Сто раз просил займы у дураков, Сквозь океан тащил пропойц на чёртов остров, Открыл дорогу в рай... и был таков.

Открыл? Проваливай! Тебя не жальче, Чем тех рабов, что ты привёз, дур-рак! ...Моя метафизическая алчность – Дорога в Новый Свет и Новый Мрак. Ругнуться бы озлобленно и грубо, Да смысла в злобе нет...как и во всём. Индеец-раб нахально пучит губы, Не понимая, что мы тут несём...

Себя учу я, как язык индейский. Ночь молчалива, словно ветчина. Смерть смотрит вдаль с улыбкой фарисейской, А жизнь – скучна, как верная жена. Я быть пытаюсь сумрачным и гордым, Я умножаю злобу и враньё... А королева холодна, как орден, Как званье адмиральское моё.

...Я лгал. Я грабил. Я сменил отчизну. Я знал похмелье, но знавал и хмель... Хуан! Тащи бутылку. В небо брызну Струёй бургундского... Я, кстати, вызнал Научное определение жизни – Оно одно, простое: канитель.

Какая канитель, скажите просто, – Мечтать о славе, золоте, добре, Считать, что океан тебе по росту, И оказаться смердом при дворе! Они меня забудут, право слово, Бог весть чьим именем прозвав страну, Что я открыл... Но в этом нет худого. Смешно другое, как я ни взгляну: Сие забавно – стать в веках героем, Рискуя жизнью, честью и душою, Сквозь океан прокладывать следы Для воровства, наживы и вражды; По морю рыскать, надрывая *опу, Сто раз тонуть, в долги по грудь залезть, Чтоб привезти в продажную Европу

Рабов, и золото, и модную болезнь;
В Мадриде плесть для грандов небылицы,
Просить деньжат, и жрать, и бабу мять...
Но стало тошно мне к чему-то зря стремиться
И что-то в этой жизни понимать.

Стреляй, скачи, живи... А что же дальше?
Как ни ломай башку, и не поймёшь.
Во всём, что мы творим, есть доля фальши,
И даже правда – это праведная ложь.
Мы лжём, что ищем новизны, открытий.
Для грандов всё равно, я жив или мёртв:
Достаньте золото, а там – хоть не живите,
Хоть удавитесь... Бережливый мот,
Я промотал себя – за власть и деньги,
Которые сквозь пальцы утекут...
Да, все мы дураки, но все мы – дети,
Не знающие, что они – растут.
Мы подрастём. Мы, может, поумнеем.
Мы станем благодарней и скромней...
Мадрид мудрит, вино в нём – чуть хмельнее,
Чем в Генуе, и сумрак – чуть черней.
Европа пахнет лавром и лимоном.
И на черта я мчал за океан?
Добро везде слабо, а зло – бездонно,
Как океан... как этот вот стакан.
Я пью, я пью... и не напьюсь, дружище.
Мы, моряки, такие дураки!
Плывём куда-то, всё чего-то ищем,
Хотя не движутся материки...
И море нам бормочет матерки.

Мадрид мудрит, а гранды жаждут грантов.
Ночь молчалива, словно ветчина.
Откапыватель собственных талантов,
Я сам не знаю, в чём моя вина:
Я развратил открытием полмира,
Привёз вам попугая и банан,
Приполз в харчевню, сам себе не милый,
И пью, и злюсь, что до сих пор не пьян.
Европа спит, как мирная старушка...
А океан ворчит, как Бог, суров...
Хуан! Тащи бутылку. Где же кружка?
Куда нам плыть? Понятно всё без слов.

Рерих

Мы – беловодцы, мы – гипербореи,
Из неба, снега и сиянья смесь.
Над гималайской тропкою, старея,
Мерцает голубая дурь небес.
Медлительные, словно черепахи,
У входа в храм, храня глухую честь,
Как иероглифы, стоят монахи,
Самих себя пытаются прочесть.
Мохнатые народы в белых кручах
Веками вход в подземье стерегут.
Их каменистая судьба – не лучше,
Чем огненная йога войн и смут.
Несутся звуки войн, как будто черти,
В фарфоровые, злые небеса.
Тибет, как кукла на руках у Смерти,
Наивно пучит синие глаза.
Вращенье колеса... Молчанье храма...
Багровый, вечно нежилой восход...
И жизнь разинута, как яма Ямы,
И смерть разинута, как небосвод.

В горящем мире, средь чумного пира,
Едва звучит мелодия чудес,
Но Рерих, словно Рюрик, с камня мира
Глядит в восточное лицо небес.
Молчит устало нежилое небо,
Скуластых гор улыбка тяжела,
И сами порождают чудо-нервы
Смешенье правды, лжи, добра и зла.
Я эти бреды, странные, как Веды,
Пишу в тетради, и мелеют дни,
И в будущем я вижу – беды, беды...
Ом мани падме хум,
Или лама савахфани.

Как прост простор! Простая правда праха
Нас не сведёт, несведущих, с ума.
Звучит трубой тибетского монаха
Либретто оперы «Священная Зима».
Святой и грешный, огненный и тленный,
Свой узловатый напрягая мозг,
На смертной высоте, поверх Вселенной,
Молюсь, струюсь, теку, как белый воск.
Здесь, на отрогах смерти, в Гималаях,

Нашёл себя я, сам себе не рад.
Здесь облака и ламы принимают
Веков и гор предсмертный плац-парад.
Молчат, скрывая золотую сказку,
Остроги многорогих острых гор,
И не улыбчив, и вдвойне неласков
Земной нечеловеческий простор.

Вопросы изогнулись червяками
Из яблока, что ел в раю Адам:
Что жизнь твоя? Чего ты ждал веками?
За что ты отдан бесам и годам?
В уме держу я правду, как в застенке,
А правда – рвётся совершить побег,
Путь держит в Персию заблудшим Стенькой,
Находит – плаху после ста побед.

Как жаль, что тело на меня надето!
Я вижу, как, не чтя моих трудов,
Века сияют азиатским светом
Сквозь каменные веки городов.
И, сквозь тысячемильную преграду,
Я вижу, – мне даёт Махатма знак, –
Как Азия идёт по Петрограду,
Сквозь сложенный из камня древний мрак.
Русь бредит Богом, ей и неба мало,
Она стремится за небо утечь, –
И Азия с Финляндского вокзала
В гранитном Петрограде держит речь.
Бушуют скифы в петроградском храме,
Поэма Блока явственно горчит,
Мадонна с азиатскими глазами
Молчит, молчит, молчит, молчит, молчит...

Рай общий у Христа, пророка, Будды,
Но в каждом грешнике – свой личный ад.
Обломов, будто русский Будда будней,
Залазит глубже в пёстрый свой халат.
Но слушай, но – внимай, благоговей:
Укутанные в шубы и в меха,
Над Родиной твоею и моею
Махатмы могут крыльями махать...
Мы, Рюрики, Мамаи и Иваны,
В азийском ханстве Хама все равны.
Но рано нам достались наши раны,
И наши страны слишком уж странны...

Но сквозь заброшенный на небо невод
Текут ветра, неведомым дыша,
И горы скалятся, и рвётся в небо
В их челюстях зажатая душа...
И явлен мне столетий острый остов –
В нём синий хмель запретных нам высот,
И человек, как вечный гость погостов,
И жизнь, навеки вплавленная в лёд.

* * *

А в нашей Атлантиде всё спокойно:
Шумят под толщей влаги города.
Сто лет – стабильно – длятся наши войны.
Как время, в рифму зыблется вода.
Звучат молитвы богу – Ихтиандру,
В подводных храмах зыблется трезвон,
И водолаз в сияющем скафандре
На фреске, как святой, изображен.

Пусть на земле столетия идут!
Нам шепчет наш глубоководный опыт:
Ни бог, ни бык вовек не украдут
Блаженную прабабушку Европы.
Мы с богом время пьём на брудершафт,
Ведь правда – не в вине, а только в кайфе,
И бог, блаженный, словно астронавт,
Нисходит в глубину на батискафе.

Как много намудрил чудак Платон!
Жизнь в сумерках – сложнее «Илиады».
Мы – Океана предрассветный сон,
Не плоть, а волн прозрачная прохлада.
Живём, умрём ли – нет у нас забот...
Но жизнь не выше строгого закона.
Наш мир скорлупкой хрупкою плывёт
В волнах невозмутимого Платона.

Вся наша правда – выдумка. Притом
Ей свойственна хмельная важность вида.
Пусть дева кувыркается с китом,
Пусть пенится подземная коррида!
Для нас, для выдумок, комфортно дно.
Нас греет вод глубинное течение.
И рыбы, мельком заглянув в окно,
Разводят плавниками в изумление.

Из впадин в океанском хмуром дне
Выходит газ, роятся архетипы.
Из пузырей глядят, как в полусне,
Цари – Помпеи, Цезари, Филиппы.
Извергнет их веков глухой оскал,
Они родятся, выживут – едва ли...
Ну, а пока – никто не умирал,
И никого ещё не убивали.

Круги на море сумрачных времён
Расходятся над головой Платона.
Огонь ещё людьми не приручён,
Ещё безбожен серый небосклон.
Но скоро, беспросветна и бездонна,
Разверзнется пучина, словно пасть,
На волю выпустив живую душу,
И Тот, кто завтра космос воссоздаст,
Как будто рыба, выползет на сушу.

Судьба и суд

Жизнь – прошлых лет переиздание...
И всё-таки, как ни крути,
Мне не уйти от воздаянья,
От строгих судей не уйти.
Они во мне – и надо мною,
Они – никто, они – я сам...
Да, трудной тяжестью земною
Я весь прикован к небесам.

Пожалуй, каторги не легче –
Идти сквозь время налегке,
Изгибы, взлёты русской речи
Сводя к прямой, простой строке.
Но – мимо жизни, счастья мимо
Легла, как путь, в мирской пыли
Строка – скамьёю подсудимых
От края до конца земли.

Я осуждён. Вердикт был краток:
Меня простит один лишь Бог.
Но Бог таится вне грамматик,
Как сострадательный залог.
– Ступай. Живи, не зная тягот,
Пой, радуйся, что жизнь проста, –

Ведь всё равно все мысли лягут
На белый эшафот листа!

Но, в глубине скрывая пламя,
Как бы губами шевеля,
Под окаянными стопами
Дрожит, дрожит, дрожит земля...
Палач топор свой подымает,
Клокочет зев, хрипит гортань,
Но некий голос закликает
Торжественно:
– Пророк, восстань!

И все века промчатся в танце,
Передо мной теряя вес,
И смысла нет просить: «Останься!» –
У исчезающих небес...
Я холодею, в сердце видя,
Как, не предчувствуя беды,
Уходит в воду Атлантида,
Встаёт град Китеж из воды,

Кружится в пляске Саломея,
И на потоп взирает Ной,
И Цезарь падает, бледнея,
На мрамор, кровью залитой...
И ветер, каторжный и резкий,
И снегом омским жизнь полна,
И отразится Достоевский
В зеркальной пропасти окна...

Все дни свои, разлуки, встречи
Вношу я в строгий каталог,
Но – по теченью русской речи
Плыву, как сорванный листок...
И речь, что требует отваги, –
Не про себя, не для себя,
И в каждой строчке на бумаге –
Мой суд, сужденье и судьба.

Виктор Сапиро, Израиль

Конкурсное произведение

* * *

От вех искусства до поля брани
Такое чувство, что мир - на грани,
На грани веры с оттенком блажи -
От высшей меры до полной лажи
До полной дури пустого взгляда,
На грани бури в стакане яда...
На грани шизы, пробившей панцирь,
Уходят жизни - песком сквозь пальцы,
Уходят глухо, уходят вольно,
Уходят глупо, уходят больно,
Под властью ветра в слепом буране
На грани света и тьмы на грани...
На грани силы, когда картины
Ещё красивы, а не рутинны,
На грани двери в одну из комнат,
Где можно верить, а можно помнить,
На грани мифа, что время криво,
На грани мига Большого Взрыва,
На грани боли, на грани ласки,
Привычной роли, прилипшей маски,
На грани джаза, на грани блюза,
Цветных фантазий, скупых иллюзий,
На грани рока, на грани драмы,
Смешного срока земной программы,
Где в нас играли - недоиграли,
Где все - на грани, где всё - на грани...

А где-то в дальнем углу Вселенной
Хранятся тайны о жизни брэнной,
Они летают в небесной выси,
И разум тает от сладкой мысли,
Что так и мне бы побыть немного -
На грани неба. На грани Бога...

От литературного обозревателя

Многогранная композиция. И далеко не безнадежная.

Репрезентирующая цитата:

*«...и мне бы побыть немного -
На грани неба. На грани Бога...».*
В.Г.

Подборка стихотворений Виктора Сапиро

Признак недолговечности

В странной своей увечности между эпох и вех
Призрак недолговечности бродит за веком век...
Страхи ему неведомы, медлить ему нельзя,
Бедами и победами вьётся его стезя!
Руки устали меч нести, голос устал кричать -
Призрак недолговечности ставит свою печать...
В битве стремишься лечь костями или не рвёшься в бой -
Призрак недолговечности следует за тобой!

Сумерки человечности близятся не спеша...
Призрак недолговечности - это лишь первый шаг,
Это пока прелюдия, спорим, душа моя -
Дальше пойдёт иллюзия бренности бытия!
Явь разлетится в крошево, время собой затмив,
Каждой секунды прошлого неповторимый миф...
Можно до бесконечности бегать от суеты -
Призрак недолговечности знает, где я и ты!

Душно от бессердечности, тошно от чепухи...
Призрак недолговечности входит в мои стихи!
Память резервной копией жжёт и бросает в жар...
Вива, антиутопия - ты мой любимый жанр!
Проще бы жить в беспечности, в окнах считать столбы...
Призрак недолговечности - бледная тень судьбы!
Зла и добра симметрия, тихий покой в глуши
На высоте бессмертия, на глубине души...

Родившийся в понедельник

Вот бы выиграть кучу денег
И о будущем не тужить...
Я - родившийся в понедельник,
Это значит - рождённый жить
Жить запоем, цветно и ярко,
Словно сказочник и король...
Не с повинной, а всё же явка,
Не по тексту, а всё же роль!

Вплавь и вскачь по чужим просторам
На правах своего пути -
Вот и весь тот багаж, с которым

Я пришёл к сорока пяти!
Для души или для прикола -
То жар-птица, то трын-трава...
Браво, Киса - что значит школа,
Школа жизни и мастерства!

Вот история – будьте-нате -
Позабыв о былых страстях,
Я пляшу на своём канате
В четырёх его четвертях!
Может, с виду пустой бездельник,
Что на дурь сам себя обрёк...
Я - родившийся в понедельник,
То есть - пишуший поперёк!

Мчится время, мечты ломая
Перепадами скоростей...
Нас на свете одна седьмая -
Понедельниковых детей!
Сёстры, братья - долой стандарты -
Мы начнём календарь с нуля,
Отмечая восьмое марта
Двадцать третьего февраля!

Сколько глупостей запредельных
Бродит-носятся в голове...
Нам, родившимся в понедельник,
Засчитают судьбу за две!
Мир в раздачу и рай в придачу -
Всё достанется без труда...
На удачу и неудачу
Ставки сделаны, господа!...

Между

Между этим и тем берегами непознанных истин,
Между этой и той сторонами непризнанных тем,
Мой словесный поток бесполезен, но не бескорыстен...
А спроси - почему и зачем? - потому и затем!
Между миром и мной - полоса надувных отчуждений,
Между жизнью и смертью - вполне оптимальный разбег...
У бесплотной души - экзальтация перерождений,
А у бrenного тела - стандартно отмеренный век!

Я ещё не впадаю в тоску, не теряю надежду,

Для меня неудача - случайный попутчик в купе...
Но всегда то, в чём я нахожусь, называется "между" -
Между страхом, любовью, свободой, войной и т.п.!
На часах сорок три - то ли возраст, а то ли диагноз -
Так устроена жизнь, сколько мир изменить ни дерзай -
Есть пробелы в деталях, зато впечатляет масштабность,
Есть вопросы по смыслу, зато безупречен дизайн!

Между всем и ничем где-то ждёт фантастический остров,
Обитаемый, обетованный приют бригадин...
Я застрял между собственных слов, как бродячий апостроф,
Состояние "между" - мой пропуск в любой карантин!
Между классикой жанра и техникой рваного ритма,
Между физикой белок и лирикой стрелок часов
Я не знаю бездонных секретов того алгоритма,
Что даёт мне держать равновесие между весов!

Между светом и тьмой этот мир - лишь прыжок в неизбежность,
Безоглядно-отчаянный, словно полёт кувырком...
Слово "между" - пароль, означающий непринадлежность,
Нежелание быть под любым - хоть каким - ярлыком!
Между жаждой летать и боязнью считаться изгоем,
Между кризисом веры и призраком небытия,
Между вечным огнём, вечным боем и вечным покоем
Чертит в небе круги перелётная песня моя...

Ошибка системы

Подальше от неба, от моря, от суши,
Поближе туда, где начало времён,
Где мглой, словно уши, заложены души
И мается Бог, не имея имён...
Там слепки слепые, там стянуты стены,
Поток энтропии течёт за края,
Там точка отсчёта ошибки системы,
Ошибки, которая я!

А небо опять, как тогда, голубое,
Приказ отступать: Е-четыре - Е-два...
Любая система нуждается в сбое
В тот миг, на который уснут жернова!
Граница разрыва невидимых линий,
Печать буревестника Судного дня,
Корабль, плывущий на адреналине -
Всё правда и всё про меня!

Стоят вдоль дороги шеренги стоп-кранов,
Направленных против под вывеской за...
Я сам из породы заблудших баранов,
Достаточно поздно открывших глаза
На странные вещи, на грязные игры,
На силу внутри и бессилие вне,
Где горького знания ржавые иглы
Надёжно застряли во мне!

Как трудно поверить, что песенка спета,
Пока не затоплен последний отсек...
Оправдывать мрак девальвацией света -
Отмазка для бедных, и то не для всех!
В хранилище душно, в чистилище тесно
Под властью небесной и страстью земной...
Ошибка системы подтекстом протеста
Хранит всё, что было со мной!

Отмерив, отрезав, оспорив, одоблив,
Хотелось бы в этой безумной судьбе
Оставить автограф, эпиграф, апокриф,
Да хоть иероглиф - как знак о себе!
Ошибка системы - мой козырь нетленный,
Диагноз на завтра, прогноз на вчера,
Что в эту секунду не в этой Вселенной
Начнётся другая игра...

Закрывая глаза

Закрывая глаза,
Я не верю, не знаю, не помню пути -
Ни вперёд, ни назад,
Как душой ни играй, как мозги ни крути -
Лишь теней полоса,
Неприметный пассаж миллиметров теней,
Как по съехавшей крыше, скользит по стене...
"Не хочу" - я шепчу в тишине,
Закрывая глаза!

Закрывая глаза,
Я не вижу, не слышу, не чувствую лиц -
Только визг в тормозах,
Только блеск в зеркалах, как проигранный блиц!
Искромётный азарт,
Наслаждения - в минус, видения - в плюс,

Этот зыбкий баланс неритмичен, как блюз...
Я надеюсь - и всё же боюсь,
Закрывая глаза!

Закрывая глаза,
Я везде и всегда, никогда и нигде,
За стеной - голоса,
За спиной - небеса и круги на воде...
Как об этом сказать?
Как обрывки связать в путеводную нить,
И писать не бросать, и обид не хранить?...
Я прошу никого не винить,
Закрывая глаза!

Закрывая глаза,
Я играю по краю, где шансы равны -
Шансы выбраться за -
И не принципиально, с какой стороны
Ожидания зал,
Бесконечным вокзалом пейзаж за окном,
По бездонным секундам стучит метроном...
Я живу между явью и сном,
Закрывая глаза...

Остальное – фигня

Пустословьем греша -
Если бы да кабы -
Засиделась душа
В подконвойных судьбы,
Не качая права,
Не виня, не браня,
Но пока что жива,
Остальное - фигня!

Недоиграна роль,
Но доказывать лень,
Что я голый король,
А не белый олень,
Что тепло не ушло,
Что хватает огня,
Лишь бы было светло,
Остальное - фигня!

Алый парус, играй,
Чёрный ворон, кружи,
Время - это спираль
Из разряда пружин...
Что ж ты, гонишь, ямщик,
Как три белых коня?
Мир по швам не трещит,
Остальное - фигня!

Между явью и сном,
Между светом и тьмой,
Душу в небо - вверх дном
По команде "Домой!"
Застрочит пулемёт,
Заискрится броня,
Бог, надеюсь, поймёт,
Остальное - фигня!

Можно, веря, парить,
Можно, зная, гореть,
Больше бы натворить,
Дольше бы не стареть,
Золотые мечты,
Не держите меня!
Здесь. Сейчас. Я и Ты.
Остальное - такая фигня...

Перекасти-поле

Век недостаточно вечен,
Срок неоправданно срочен...
Перекасти-поле, вечер -
Твой поводок укорочен!

Облако лунного света
Скроет прошедшие годы...
Перекасти-поле, лето -
Душный синоним свободы!

Боль незатейлива в мерах,
Смерть переборчива в косах...
Перекасти-поле, вера -
Мой окровавленный посох!

Время стрелой просвистело,
Выплеснув море на сушу...
Перекасти-поле, тело -
Не погуби мою душу!

Тесно в чертогах небесных
Над золотой серединой...
Перекасти-поле, песня -
Будешь и ты лебединой!

Призрачен мир на рассвете
С той стороны закулисья...
Перекасти-поле, ветер -
Время разбрасывать листья!

Время лететь до конечной,
Звёзды в полёте целуя...
Перекасти-поле, вечность -
Пусть будет так. Аллилуйя!

Полосатый стиль

Нехватает слов - то не ширь слаба,
Просто глубь сильней!
Полосатой зеброй летит судьба
По ухабам дней,
Где-то затрясло, где-то занесло
На вселенский бред...
То белым-черно, то черным-бело -
Вот и весь портрет!

Золотой мой век, то ли вышел срок,
То ли я проспал...
Поперёк дорог - полосатый рок -
Пан или пропал!
Чёрно-белый мир - скрытый суррогат,
Явный лабиринт...
Где оттенков серого избегать -
Основной инстинкт!

Как обычно, пламени за края,
Времени в обрез...
Это не пейзаж, это жизнь моя -
Полосатый рейс!
Он из точки А прямо в точку Б

Долетит за миг,
Как письмо, отправленное себе
В следующий мир!

Ветреной мечты глиняный колосс,
Душу не тирань...
Эта песня тоже из двух полос -
Только стёрта грань!
На штурвале вечности - день седьмой,
Вместо бури - штиль...
Это не мираж - это просто мой
Полосатый стиль!

Крутится да вертится звёздный шар,
Дёргается нить...
Полосатый стиль - мой последний шанс
Что-то изменить!
Точками по строчкам, а там - Бог весть,
Догорай, фитиль!
Привыкай, душа - это он и есть,
Полосатый стиль...

Не ангел

Звук прошёл по рядам полуграмотных нот,
Не найдя ни мотива, ни ритма...
Я не ангел, поверь - просто кот-обормот,
Сам себе безопасная бритва!
Видно, в книге судьбы недобрали строку -
Было сверху одобрено действие -
Кочегар кочегару, рыбак рыбаку
Глаз не выключает, как ни надейся!

Я таскал на себе то вину, то войну,
То весну - не смещая акцентов,
От серебряных струн к золотому руну
Через медные трубы концертов!
Я не ангел, пойми - это тень, а не нимб
Возвращается снова и снова,
И, не знаю зачем, но я Богом храним,
Что само по себе не хреново!

И уже не венец, но ещё не венок
Мне сулит приговор наднебесья -
От опущенных рук до протянутых ног

Не такая уж долгая песня!
Вероятность ошибки стремится к нулю,
А погрешность смешна и наивна...
Я не ангел, прости - просто фальшь не терплю,
И надеюсь, что это взаимно!

Догорела звезда, не оставив следа,
Прошептала мне, тая над бездной,
Что не ангелом быть - это, в сущности, дар,
К сожалению, не безвозмездный,
За него по традиции платит душа -
Брэнной плотью и прожитым веком!
Я не ангел - и это мой маленький шанс
Просто-напросто быть человеком...

Бумажный кораблик

Не выйти из круга. Создатель умён.
Награда - синица в руке.
Бумажный кораблик забытых времён
Несёт нас по мутной реке.
Разбитые нервы зажаты в кулак
В предчувствии новой беды...
Беспечной иллюзией жизненных благ
Стираются наши следы!

И холод по коже. И нож под рукой.
И тошно от звона монет.
И дни так похожи один на другой.
И выхода, кажется, нет.
Снаружи – засада. Внутри – западня.
Сквозь дыры сочится озон...
Финальные зрелища Судного Дня
Уже открывают сезон!

Ненужные песни. Фальшивые сны.
Бессмысленная круговерть.
Бумажный кораблик скрижалю весны
Стучится в небесную твердь.
Но небо закрыто на переучёт -
Пора затянуть поясок!
И камень лежит. И вода не течёт.
И годы уходят в песок...

Наивная сказка. Глухая тоска.
Видения в капле росы.
Как жизнь быстротечна. Как вечность близка.
Как страшно смотреть на часы!
История стёрта. Ни лиц, ни имён.
И всё же сквозь холод и лёд
Бумажный кораблик забытых времён
Готовится в новый полёт...

Владимир Узланер, Канада

Конкурсное произведение

Полоскание

У неё в субботу много стирки,
И бельё своё, схватив за шкирку,
Изогнув натруженные плечи,
Баба прополаскивала в речке.

Простыни, подштанники, рубашки,
Облака – как белые барашки,
Полоскалось всё в водовороте -
Так уж повелось у них в народе.

Всё потом пристёгивала к дому,
Да к верёвкам грубою ладонью.
Всё, что постирала – эка небыль:
Баба прополаскивала в небе.

И качало на ветру станицу,
Возбуждённо голосили птицы.
Пугало – и то, взмахнув руками,
Полоскало выцветшие ткани.

...

Баба прополаскивала... небо,
Очищала грязную планету
От беды, послевоенной гари,
И судьбу свою, что искромсали.

Чистыми пелёнками простыми
Отскребала этот воздух дымный.
Утверждала мирные начала,
Тихо причитала и... прощала.

Годы шли, она, уже старушка -
Продолжает те же постирушки,
Чтобы чище был над нею воздух:
Вот бы к сроку всё закончить, вот бы...

От литературного обозревателя

Такая вот зарисовка с определенными претензиями на глубокомыслие и довольно двусмысленным названием. Намерения благие, но реализованные лишь отчасти.

Репрезентирующая цитата:

*«Утверждала мирные начала,
Тихо причитала и... прощала».
В.Г.*

Подборка стихотворений Владимира Узланера

Предрождественское

Мне машет мама крыльями-руками,
А я... меня ещё в помине нет.
Всё впереди у девушки, у Гали,
Во мне же нет ещё ни грамм, ни лет.

На этой фотографии давнишней
Я, может, где-то в воздухе витал
Средь запаха такой душистой вишни,
Наливки перебора и гитар.

Уже в её мозгу летало нечто,
Раскрывшей руки как бы невзначай,
Одновременно с той весной расцветшей,
И рядом с тем, кто чувственно молчал.

И книгу судеб, на мою удачу,
Раскрыл он и с сомнением прочёл
Такую знаменательную дату,
Когда на жизнь я был им обречён.

Я всё смотрю на царственную фею,
Взлетающую, словно светляки.
Я начал жизнь свою по мановению
Кокетливо качнувшейся руки.

Промчалось лето, примелькались ливни,
Уж поздно говорить и 'да', и 'нет'.
Когда зимой в январский вечер дивный
Продрался с рёвом я на этот свет.

Любимое облако

Звёзды свои наблюдаю туманного облика
Где-то в четыре утра - так прохладно-цветастого,
Но между ними всплывает прозрачное облако,
Словно забытое там чужаками-фантастами.

Не Магелланово и не какое-то Млечное -
Из повседневного света и пара намешано.
Наше, земное такое привычное вечное,
Что постоянно парит над поэтами нежными.

Видно, от горных вершин не спеша оторвалось.
Может, спешило ко мне через волны Атлантики?
И переплыло из образа белого паруса
В розово-синие и аппетитные ломтики.

Пять Аризон пролетело, до этого - Мексику,
Лишь для того, чтоб критически я оценил его.
Вот, как могу опишу, хоть хромает и лексика,
И запятые не там от пиита немилого.

И потеплели небесные звёзды холодные,
Я опустил с небес вместе с росами ранними.
Солнце расплылось в улыбке плюмажными хлопьями,
Будто напомнило мне - вот такие земляне мы.

Вот и совсем рассвело, звёзды все выключаются.
Облако - здесь, да куда оно, милое, денется?
В космос, с тобой не возьмут нас, но чуда случаются.
Облако, словно услышав, загадочно пенится.

Зимнее ночное

Снова прогнозы пророчат осадки и ветер.
Зимы приходят откуда-то с севера что ли?
Окна совсем залепило и что за примета,
Если твой домик в заснеженном сумраке тонет?

Вёсны ползут к нам настырно откуда-то с юга,
Нам не нужны, чтоб оттаять, протяжные годы.
Ну, а пока, запоздало пусть, тешится выюга,
Нам вон и так перепали осенние льготы.

Солнце нас держит на выгодном всем расстоянии -
Выглянет, как-то лениво из-за горизонта,
Путает в нас многосложные ины и яни,
Будто пытаемся вспомнить в стихах мы о чём-то...

Крутят планетами мрачные зимние вьюги?
Сплюснуты с двух полюсов мы - и всё пресловуто?
Тайно ночами стихами питаются люди,
Времени нет им иного на свете как будто...

Тихо скрипит - так устала бедняга бумага
От бесконечных 'увы', восклицаний, вопросов.
Поиски смысла... А это кому-то ведь надо!
Кто нас одних во вселенную эту забросил?

Тайно ночами стихами питаются люди,
Их уплетая со звёздами, вместе с туманом.
Мы, гуманоиды, строчки межзвёздные любим,
И потому так всегда безобразно гуманны.

На озере Симко

У озера Симко с тобою в обнимку,
По парковым тропам, по жухлой листве,
Шагаем 'по Грину', как два пилигрима,
Пока над водою закат не истлел.

На озере Симко протяжнее зимы,
И ночи длиннее, навязчивей снег.
И озеро Симко - замёрзшая льдинка,
На ней мы кочуем, как будто во сне.

На озере Симко меня ты спроси-ка:
- А можно я буду последней из Герд?
- Ох, сколько же силы! И как ты красива!,
Ей пряди поправил в ответ на виске.

Я справа налево пишу Королеве
О Вечности Симко, стареющий Кай.
- Здесь Вечность другая? И есть ли у края
Значение родин, уставов и карт?

На озере Симко так мало России,
Хоть есть и церквушка, и купол большой.
И улицы 'Волга', 'Берёзка', а толку?
Без них или с ними - мне так хорошо!

На озере Симко сверкают росинки,
И чайки, и ветер, и стаи гусей.
На озере Симко в улыбке - морщинки.
Чем осени больше, тем мысли грустней.

В этом тусклом кафе... Почти эротическое

В этом тусклом кафе,
Где неоны - неправильной ломаной буквою,
Там, где горки конфет
В безобразных обёртках стекают с нечищенных чаш,
Ты сидела одна размалёванной рёваной куклою
Со змеей ядовитой, сползавшей наколкой с плеча.

Непогоды прогноз
Обещал нам грозу, и задиристо
Набежали в окно
Закопчённые тучи предтечами ночи греха.
В этот час посещает Заблудших огонь, и антихристы
Искушают искусно, спадает одежд шелуха.

Нас вберёт, засосёт
В домик-улей, где крики истомны так,
Где любовь - напролёт,
Средь дороги и ночи, в длиннющий дешёвый мотель.
Там размером с кровать номера в искривившихся комнатках,
Мировое пространство собой занимает постель.

Встретит заспанно нас,
Даст от рая ключи – старый пасечник.
Без эмоций-гримас
Препроводит в страну-беспредел.
Этот мир сотрясая неистовый и многокрасочный,
Мы столкнёмся, крича, в эпицентрах разнузданных тел.

...

Чем мы будем потом?
Соляными столбами застывшими.
Утром с неба потоп

Обессиленных смывает в обрыв.
Удлинившийся за ночь отель с плесневелыми крышами
Будет плавиться, таять, нас, грешных, в себе растворив.

Снеговой шар

*Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Не задернутых гардин.
Борис Пастернак*

Завывает, завывает предвечернею порой.
В самой сказочной избушке - наш несказочный герой.
Сколько помнит: снег - от века, без начала, без конца.
От молодых ногтей Вселенной, сотворения творца.

А снежинки будто смотрят в щели сомкнутых гардин,
В горечь недопитой водки, недоеденных сардин.
И щебечут, и смеются над безумным стариком,
Что живёт здесь неприкаян, ни при деле, ни при ком.

Вышел он во двор, шатаясь: Сколько баллов за 'бортом'?
И ловил снежинки, шурясь, старческим беззубым ртом.
Здесь, на маленькой планете - позабыт и он, и снег.
Антикварная игрушка, погребённый дом и век.

Убывание лета

Самый длинный день с апогея пошёл на выдох, на убыль -
Как твои улыбающиеся, но уже печальные губы.
Как луна ущербная ущемляется в тонкий месяц,
Как надежда на то, что быть суждено нам вместе.

Это так утекает, старится наше лето,
По капле, минутам недобранного нами света,
Заплатив нам жизнью, теплом, подобно шагреновой коже!
Осень - агония лета, что кромсает его и гложет.

А цветы осенние лето заполонили
На долгие - вдоль дорог и рек, квадратные мили.
Каждый день ими осень тычется будто мордой.
Лето уходит походкой уставшей, но довольной, гордой.

С надеждой на меня, как на небо глядишь - ни мёртвая, ни живая.
К сентябрю закончила то, что три месяца вышивала -
Тёплый плед... на двоих, но так, чтобы прижаться тесно:
Намёк на то, что зима не страшна, если выдержать вместе.

Почуяв счастье - как солнце стоишь румяна.
И я, усмехнувшись в усы, что-то довольно промямлил.
И всё больше жмурится лето - от радости ли, от боли?
А мы - распахнули окно и глянули в спелое поле.

Золотой Париж серебряного века

“Я рад, что ты мои читаешь мысли,
Что осквернять не нужно мой язык,
Что я давно тобой из сердца выслан
И обречён быть в касте горемык.

Я знаю о твоих парижских шашнях,
Вас видели в задрипанном фойе.
С кем любовалась Эйфелевой башней -
Той ржавой современницей твоей?

Не питерский понятен твой румянец -
Как солнце африканское разлит.
Виной тому - художник-итальянец!
Спиртным всё так же от него разит?

Порядочность теперь уже не в моде,
Художества твои гнусней его.
Тебе важнее монпарнасский Моды,
Чем ночи наши белые с Невой.”

Париж, туберкулёзный Амедео
Гуляет вместе с ‘русскою сапфо’.
Ах, быстро как проносятся недели,
А впереди не светит ничего!

Как ничего? А быстрые рисунки -
Шестнадцать ню из обнажённых Анн.
Серебряного века меркнут сутки,
Хотя Париж ещё золототкан.

Что ждёт их за печальными устами?
Посмертный и прижизненный почёт,
И судьбы с разведёнными мостами,
Над жизненной рекой, что утечёт.

‘Шагал привёз в Париж волшебный Витебск’
И доживал свой долгий век Роден.
В Гранд-Опера пойдите, вдохновитесь
‘Шехерезадой’ Иды Рубинштейн.

Как долго я болею нестихами...

Как долго я болею нестихами,
Нерадостью, немужой, неулыбкой.
Меня метель повсюду настигает -
Снаружи... и внутри рукою липкой.

Зима пространство всё заплонила,
И окна залепила мерзкой дрянью,
Как будто заморозила полмира -
В лицо нам белым тычется упрямо.

У нас уже сугробы выше крыши,
Под минус сорок застывает время.
До солнца даже в марте нам не ближе,
Чем до весны, до чёртова апреля.

Апрель завершит многоголоса,
Своё тепло до доньшка растратит.
И выйдут строчки из анабиоза...
И оживут в оттаявших тетрадах.

Геннадий Миронов, Санкт-Петербург

Конкурсное произведение

Пока царят кровавые режимы

Осипу Мандельштаму

Пока царят кровавые режимы,
я город не увижу знаменитый,
где оглашались буллы и эдикты
правителей и пап непогрешимых.
Не прикоснусь к стенам амфитеатра,
к арене, где казнили для забавы...
и не пройду под сенью той дубравы,
где с Юлием встречалась Клеопатра.

И ветер с Апеннинского предгорья
остудит не моё нагое тело, —
лежать нагим не мне на шёлке белом
под звёздным небом Средиземноморья.
Не мне, устав от ласк в безумном ритме,
от поцелуев и объятий страстных,
от залпов пенных и от буйства гласных,
дремать с женой, не думая о Риме.

Кому тепло отмерено с избытком
под жарким солнцем в центре Ойкумены,
тот в ванне, вероятно, вскрыет вены,
когда невыносимой станет пытка.
Кому достался евразийский холод,
тот к пыткам и страданиям привычен.
У нас в России крестный путь обычен...
и мы, возможно, все погибнем скоро.

От литературного обозревателя

Нельзя сказать, что замысел не заслуживает внимания. Но его реализация выглядит не совсем сбалансированной и гармоничной. Посвящение тоже не вполне понятно. Финал бесспорен, но вряд ли интересен и глубок.

Репрезентирующая цитата:

«... и мы, возможно, все погибнем скоро».

В.Г.

Подборка стихотворений Геннадия Миронова

Триптих

Ночи белые в Петербурге
Пахнут мягкотью тёплой булки.
Можно душу насытить всласть.
В этой крепости, как ни странно,
Умерла Гумилёва Анна
И Ахматова родилась.

Дождь купает деревьев кроны,
Башен шпили, дворцов колонны,
Создавая пейзаж «На дне».
А в каморке, в Фонтанном Доме,
Поседевший пиит в истоме
Всё мечтает о ясном дне.

Гумилевы и Модильяни
Запечатаны в профиль лани.
Только кто же её герой?
Кто оставил висеть в прихожей
Пальтецо и суму из кожи? –
Тот давно уж в земле сырой.

Путём истины

Надежде Мандельштам

Сумасшедшим Осип Мандельштам
был ли в ожидании расстрела,
знавший, что на нём поставлен штамп
«ВРАГ НАРОДА» властью беспредела?

Чтобы страхи искрами из глаз
и кувалдой в лоб сырая глина, –
об окне он думал много раз,
как о петле думала Марина...

Сумасшедшей русская земля,
кровью обagrённая, была ли,
славившая урок из Кремля
в сверхпатриотическом запале?

Погружаясь в мрак небытия,
вся Россия корчится в падучей.
Как и Осип, может быть, и я
в яму лягу у Сапёрной кручи.

Истина – в признании вины
перед кровью, пролитой напрасно.
Идолы должны быть снесены
заповедям Господа согласно.

На смерть поэта

Александру Галичу

Дорогой мой поэт, как мне жить без тебя,
кареглазую грусть бесконечно любя?
Я смотрю в пустоту, прядь на лбу теребя.
Сквозь глазницы летит мыслей горестных стая.
О, гитара, покинь свой футляр и играй!

Вспоминай, как басил он про сумрачный край,
про расстрельный сарай и про лагерный лай,
и до слёз проберёт откровенность простая.

В деках сердца гудит колокольный набат
не увидевших свет нерождённых ребят.
Крепко в бутовских рвах их родители спят,
прикрывая землёй пулевые прорехи...
Кто посмеет в Москве, как в Париже, снести
особняк страховой, что у власти в чести?
Лишь святая рука, скорбь сжимая в горсти,
всем виновным воздаст за кровавые реки.

О, гитара, играй! Вспоминай, как он пел!
Ток по нервам бежал в миллионы ампер.
И мороз отступал. И звенела капель.
И летела душа окрылённая к Богу...
В синем небе как пух облака, облака.
Становилась печаль далека, далека.
Проносились, как сны, пирамиды, века.
И казалось, что боль отболит понемногу.

Но на круги своя возвращается боль,
и на пол брошен хлеб и рассыпана соль, –
снова с обыском в дом лезет пьяная голь,
бьёт под дых вертухай постсоветского ВОХРа.
Ты вернёшься сюда, мой любимый поэт?
За священной рекой вижу твой силуэт.
Ты ушёл навсегда или всё-таки нет?!
Вдруг порвалась струна и гитара умолкла...

Только в сердце гудит колокольный набат
не увидевших свет нерождённых ребят.
Крепко в бутовских рвах их родители спят,
прикрывая землёй пулевые прорехи...

Magister Ludi

Фараон не успел закрепить свой успех,
Он ушёл слишком рано, –
Смерть поставила точку и в этой судьбе,
Как магистр, филигранно.

Очевидно, что ей проиграет любой.
Грозен Промысел Божий:

И титаны и люди пойдут на убой,
Прахом прах припорошит...

Создаются миры для Священной Игры,
Зажигаются звёзды
И рождаются души из умной икры,
Чтобы плыть на погосты.

Про черниговский клуб «Динамо»

Моему тренеру Гулаю В.Ф.

Что же ты учудила, мама, –
безотцовщину родила?!
Слава Богу, что клуб «Динамо»
не жалел для таких тепла!

И морозными вечерами
был мне тренер родней отца.
На татами в елецком храме
он творил из меня борца,
проводя через все мытарства,
через «больно» и «нелегко».
И дистрофик, как мог, старался,
потому что любил его –
облысевшего и хромого
запорожского крепыша.
В нём добротного было много,
так и льнула к нему душа.

Храм был отдан под нужды клуба,
всех монахинь прогнали вон.
Но в пещере под сенью дуба
не смолкал поминальный звон.
С монастырской стеною рядом,
словно крепость, стоит тюрьма.
А с горы, вниз окинешь взглядом,
как лампы дома, дома.
И домой я шагал без страха
по булыжнику в темноте,
вдохновлённый юнец-рубаша.
Жаль, что годы уже не те...

Много лет проболела мама.
Их с отцом во гробах тела†

Службы в храмах, но нет «Динамо»,
нет Союза и нет тепла.

Безответная страсть

Хотел бы я быть котом Бегемотом,
Но только не злым, а добрым котом.
На ушко тебе, как будто по нотам,
Мурлыкал бы я о сём и о том.

Схватил бы тебя в мохнатые лапы
И щёчку твою любовно лизал бы.
И бархатный гуд урчащей трубы
внушал бы тебе: «Люби же, люби...»

О как же нежны улыбок лучи!
И как горячи интимные речи!
Я страстью сражён и расчеловечен.
Но ты как скала... Урчи, не урчи.

Отцовское напутствие

Ты пойдёшь без отца по свету,
Выбрав самый нелёгкий путь.
Так внемли же его совету:
Человеком достойным будь.

Не кури и не пей, – не надо
Расслаблять свою плоть и дух.
Из свиней собирает стадо
На убой Повелитель мух.

Как змея, сбрось худую кожу:
Лицемерие, леность, лесть...
И козлу дай немедля в рожу,
Защищая невинных честь.

Никогда никого не бойся,
Не проси ничего у тьмы
И не верь никаким пропойцам.
Выход есть из любой тюрьмы.

И в страданиях умей прощать всех,
Как Спаситель прощать умел.

Благодарно принять несчастье –
Христианской души удел.

Так было и будет, мой друг

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(Александр Пушкин)*

Гробами отцов в эту землю врасту,
по землям не плача чужим.
Увитую вязью стихов бересту
сниму с просветлённой души.

Мой голос согласно извивам строки
дрожит, как тугая струна.
Глубинные ноты уже высоки,
но линия речи стройна.

Тебе передам этот искренний строй
и в землю войду, словно плуг.
А свитки в огне обратятся золой.
Так было и будет, мой друг.

Мы в русскую землю вырастает с тобой.
Ты песню мою о берёсте допой.

Мурлыкал нубийский кот

– Не надо бояться смерти,
пусть грозен её приход.
Что это конец, не верьте, –
мурлыкал нубийский кот. –

Начало иного круга,
где нет о семье забот,
проблем борозды и плуга, –
мурлыкал нубийский кот, –

где нет ни родильной боли,
которая рвёт живот,
ни спазмов и острых колик, –
мурлыкал нубийский кот. –

В сакральной гробнице время
блаженно лежит и ждёт,
когда же прольётся семя, –
мурлыкал нубийский кот. –

Как только гранитной крошкой
завалит последний ход,
я стану шеолской кошкой, –
мурлыкал нубийский кот. –

В космической круговерти
наступит и твой черёд.
Не надо бояться смерти...

Евгения Босина, Израиль

Конкурсное произведение

Юродивый

Слышишь, звёзды шуршат... Будто листья...
Облака проплывают, легки,
И открытые пишутся письма –
Их ещё называют «стихи».

Несомненна, хоть, впрочем, туманна,
Меж рукою и звёздами связь...
Может, это открытые раны,
И чернилами кровь пролилась,

Может, это открытые двери,
Вход туда, куда вход запрещён,
Где неслышный колышется вереск,
Где забытый сбывается сон,

Где, блестя золотою подковой,
Конь летит над печалью полей,
Где оплачено каждое слово
Не чернилами – кровью моей.

Всё забудется: поиски смысла,
Запах снега и шёпот ольхи –
Всё исчезнет. Останутся письма.
Их ещё называют «стихи».

От литературного обозревателя

Как не разделить надежду всех пишущих, выраженную в репрезентирующей цитате:

«Всё исчезнет. Останутся письма.

Их ещё называют «стихи»

В.Г.

Подборка стихотворений Евгении Босиной

* * *

Долгов мной наделано в жизни немало.
Должна... Всем должна... Как же я задолжала –
И новому дому, и старому дому,
И первому сыну, и сыну второму,
И тем, остальным, нерождённым когда-то,
Должна всем рассветам, а также закатам,
И каждому дню, а тем более – ночи,
И очень любимым моим и не очень,
И людям случайным, и просто прохожим –
О, им я должна, разумеется, тоже!
Кому же ещё? Да листочку бумаги:
Двух слов дописать не хватило отваги,
Должна и глазам, и губам, и коленям,
Тропинкам, дорожкам, дорогам, ступеням,
Должна поездам, самолётам, вокзалам,
Всем родинам – нынешней, прежней и малой.
Не отдано мной ни единого долга,
В долгах, как в шелках... Сколько чудного шёлка!
Вот взять бы его дашить себе платьев!
Ах, до смерти было бы что надевать мне...

* * *

Там, где нас нет,
Какие светят звёзды?
Как шелестит
Осока у пруда?
Известно ль там значение слова «поздно»?
Или другого слова – «никогда»?

Там, где нас нет,
Да, впрочем, и не будет,
Как на рассвете дышит
Спящий сад?
Своим любимым,

Богом данным людям,
Слова какие люди говорят?

О чём молчат?
Что им ночами снится –
Дом у реки,
Над ветхой кровлей дым?
Поют ли там серебряные птицы
На языках, известных им одним?

Там, где нас нет,
Но где мы быть хотели,
В июльский дождь
Распахнуто окно.
Всё решено. Все битвы отгремели.
И все грехи отпущены давно.

Там, где нас нет
И сроду не бывало,
Как терпеливо,
Много зим и лет,
Река и лес, и лодка у причала
Всё ждут и ждут. А нас всё нет и нет.

* * *

Поросший быльём день вчерашний
Окажется нынешним днём.
Мы – дети той дьявольской башни –
От рек вавилонских идём.

Всё ходим и ходим по кругу,
Неся свою вечную кладь,
И вроде бы слышим друг друга,
Да только не можем понять.

Вздуваются жилы под кожей,
Срывается голос на крик,
Но каждому дан непохожий,
Другим непонятный язык.

Нам в лица глядит день грядущий,
За спинами – тыщи дорог,
Но рядом со мною идущий
Всё так же, как я, одинок.

О, мука изысканной пытки,
Что горше всех прочих невзгод,
О, тщетность последней попытки
Того отыскать, кто поймёт,

Того, не по крови родного,
В каком ни на есть далеке,
Кто скажет хоть слово, хоть слово
Со мной на одном языке.

* * *

Какое счастье – плыть в закат
За серебристой рыбой стай,
Туда, где ангелы трубят,
Покая вод не нарушая.

Какое счастье – просто плыть
Под этим небом тёмно-алым,
Какое счастье – просто быть,
Быть без конца и без начала.

И на мгновенье ощутить
Себя воды и неба частью,
И пожелать остановить
Сей краткий миг с названием «счастье»,

Стать ветром, птицей, ручейком,
Песчинкой, незаметной глазу,
Морским прибором, тростником,
Всем тем, что есть и будет, сразу,

Что *на* земле, и *над*, и *под*...
И не гадать потом напрасно,
Какой предъявлен будет счёт
За этот самый миг прекрасный.

* * *

У майских у райских некрашенных врат
Мне выдан был пропуск в черешневый сад –
Клочок разноцветный, счастливый билет
На право увидеть черешневый свет,
Услышать, как дует румяный божок
В серебряный маленький звонкий рожок.
Ах, бог мой в короне из листьев и трав!

Твой взгляд безмятежен и весел твой нрав,
Смеёшься беспечно и дуешь в дуду,
Седое дитя в своём вечном саду.
А взрослых здесь нет, не для них этот сад,
Все взрослые там, по ту сторону врат –
Там в ворохе будней и пыльных газет
Не помнит никто про черешневый свет,
Про звонкий рожок и что есть благодать,
Качаясь на цыпочках, ягоды рвать,
Что есть в череде январей месяц май,
В аду – уцелевший нечаянно рай,
В огромной Вселенной – один уголок,
Где жив ещё добрый черешневый бог.

* * *

Умолк трубач. В пыли знамёна.
Пора смириться, видит Бог...
Что если приручить дракона,
Убить которого не смог?

Тебе ль не знать его повадку,
Его погибельную власть?
Он – тень твоя, твоя загадка,
Твоя – пусть худшая! – но часть,

Всё неотвязней год от года...
Что если, храбрый Ланцелот,
Он будет жить в углу, у входа,
И охранять к тому же вход?

Почти ручной, почти домашний,
Когда б не мёртвый страшный взгляд.
А ты засмейся, если страшно,
Засмейся громко, невпопад!

Смеяться – вот что нам поможет!
Драконы, битвы – сущий бред.
Забыть бы напрочь... Да на коже
Когтистой лапы рваный след.

* * *

В замёрзшую землю опущено семя.
Бесплодна ли почва, душа ли бесплодна...
Мы снова живём в очень странное время,
Мы снова в период живём переходный –

То шатко, то валко, то косо, то криво.
И дом не достроен, и сад не ухожен...
Сплошной, затяжной переходный период –
С рожденья до смерти – меж «нет» и «быть может».

Сбежать бы куда-нибудь, спрятаться, что ли,
В какой-нибудь Нью, в нереальное Рио.
А если и там всё знакомо до боли?
А если там свой переходный период?

Над свитком зевает уставшая Клио,
Звезда отражается в мутном болотце.
Кончается дня переходный период,
А завтра другой непременно начнётся,

И мёрзлую землю, что твёрже цемента,
Продышит, пробьёт очень слабенький кто-то.
Он знать не желает про сложность момента:
Ему просто до смерти выжить охота!

* * *

Начало сентября не отличить от лета,
Как прежде, божество казнить обречено,
Не явлены никак осенние приметы,
Что август, что сентябрь – казнимым всё одно.

Начало сентября... Да нет ли тут подвоха?
О, игры высших сил – коварство и расчёт...
И надо как-то жить от выдоха до вдоха,
Не верить, не просить – и так из года в год.

И помнить: осень там, в уютных тихих странах,
А здесь – ловушки цифр, обман календаря,
И если всё же есть – то разве только в странных,
Но сладостных словах: начало сентября.

* * *

Нет страха, одиночества и смерти,
Пустых небес, холодных рук судьбы,
А есть стихи и старенькие дети,
О старости посмевающие забыть,

Не брать в расчёт её печаль и бремя,

К чертям послать, презреть и пренебречь,
И есть свеча, и за свечою – темень,
И жгущая гортань родная речь.

Таков расклад нехитрого пасьянса:
Произноси и заноси в тетрадь,
И всё сойдётся: время и пространство...
О, чем не способ вечность коротать!

Рифмуйте же, нанизывайте звуки,
Играйте всласть и не считайте дней!
А ночь придёт – и будут вас баюкать
Летучий ямб и сладостный хорей.

* * *

Что-то стало мне к вечеру грустно.
Как дитя, где-то плачет сова...
Говорите со мною по-русски,
Я уже забываю слова –

Те слова, что, казалось, навеки
Отпечатаны в мозге спинном.
Говорите со мной, человеки,
На великом, могучем моём!

Он – в истоке пути и в итоге,
Глас небесный и голос земной.
Говорите со мной, ради Бога,
Говорите по-русски со мной,

Если вдруг одолеет усталость,
Сдавит сердце тоскою полей...
Это всё, что, пожалуй, осталось
У меня от России моей.

Елена Копытова, Рига

Конкурсное произведение

Вечный черновик

Дни пустопорожние проносятся.
Вырван лист с пометкой «было зря».

Крепко держит горло безголосица –
вечная ангина января.

– Знаешь, а мне нравится – без голоса,
молча, после всех перипетий.
Я ведь не зерно, не буду колосом...
Пусть поют способные расти.

Видишь, город прячет ошарашенно
от пурги шершавое лицо?
Он молчит, случайно приукрашенный
лёгким взмахом кисти Пикассо.

Слышишь, как свободно и безжалостно
звуками играют фонари?
Вот и не жалею меня, пожалуйста!
Просто – молча – слушай и смотри. –

Горло лунным светом перевязано.
Я молчу. Мне хочется молчать.
Всё, что невзначай когда-то сказано,
зачеркнуть... и заново начать!
Вечный черновик...

Потом – нечаянны –
робкие, как первая трава,
на снегу январского молчания
вырастают новые слова.

От литературного обозревателя

Достойный и продуманный текст.

Репрезентирующая цитата:

«Просто – молча – слушай и смотри»..

В.Г.

Подборка стихотворений Елены Копытовой

Кукушка

...а кукушка молчит и не будит Лихо,
ведь куда спокойней в сухом гнезде,
если осень пишет неразбериху
проливными вилами на воде.

Тракт распух. До города не доехать.
Кровоточит небо семь дней подряд.
– Не хандри! У нас новый доктор – Чехов.
Может, слышал? Правильный, говорят.
Небеса зашить журавлиной нитью
для него – привычные пустяки.

Нас несёт нелёгкая с ярой прытью
по раскисшим хлябям глухой тоски... –
это осень. И хорошо, что грустно.
Пусть болит похмельная голова!
Дом пропах антоновкой и капустой.
Гусь пока жирует (до Рождества).

Разговоры длинные всё насущней. –
«Новый барин – старому не чета»...
(Старый барин всегда почему-то лучше).

До зимы осталась одна верста,
да и та утоплена в тучах хмурых...
Перетерпим. Будет опять весна.
А кукушка молчит, потому что – дура,
раз не верит в лучшие времена.

Возвращение

В плацкарте – разговоры «просто так»:
– В Европе, говорят, священник – падре?
Здесь тёплая людская теснота –
впритирку, как в фойе кинотеатра.

Стучат колёса, как ...-цать лет назад.
«Москва-Чита»? Неважно! Здесь – всё то же.
Есть главное. О нём не говорят.
Его впускают иглами под кожу.

Всё было просто. Снял с гвоздя пальто...
Вдгонку: «Ищешь родину на вырост?»
Успел подумать: «Пусть! А судьи – кто?»
Ушёл ни с чем, и там ничуть не вырос.

Как рассказать о том, чем нё жил там?
Здесь за окном – дымком зелёным озимь.
В полях на краски дышит Левитан,

губами выколдовывая осень.
И нерестится омут голубой,
где облака ныряют окунями...
Так родина становится тобой,
врастая в душу небом и корнями.

Дышать горчащей лиственной пургой
и окающим гулом колокольным...
В печи – зола. Обжечься кочергой,
отдёрнуть руку... Радостно, что больно!

Так надо. Возвращаешься седым.
В судьбе не остаётся «белых пятен».
В гортани закипает едкий дым...
а Чацкий прав – он «сладок и приятен».

* * *

Там, где тянутся к свету лучи частокола,
где закат домотканый, пропахший дымком –
в городке с серебристым горнистом у школы,
с каланчой-старожилкой над стылой рекой –
обретаешься, сам себе фельдшер и знахарь.

Мало неба с овчинку, но вот же... прирос!
Ломкий лёд под ногами, как колотый сахар.
Чёрно-белая графика голых берёз.

У ларька – мужики.
– Подходи! Будешь третьим? –
Отмахнёшься, исчезнешь, как блик на воде,
отзеркалив атаку лихих «междометий»,
но вернёшься,
и будь оно... «как у людей».

– За живых!
А потом – за Серёгу и Саню...
(за других, кто успел не случиться седым).
Поднимается в небо над рубленой баней
«дым отечества» – горький берёзовый дым.

Смыть три шкуры, содрать доморощенный «глянец»!
Выбив веником душу, пустить её вскачь!
На широком столе – самовар-самозванец
с генеральской осанкой и мутный первач.

За окошком с «распятьем» – метельная песня,
храм пшеничноголовый да снег – полотном...
Здесь, однажды сгорев, непременно воскреснешь
в оживающей почве проросшим зерном.

«Это русская сторонка»...

«Это русская сторонка». Летний зной в затоне тонет.
Спит соломенное солнце, зарываясь в облака.
Голосит петух поддатый: «Распрягхайте, хлопцы, ко́ней!» –
Метит в «яблочко» – навывлет (чтоб уже наверняка)!

Хоть полшара – десантируй, здесь любому хватит места.
За бескрайним Енисеем всякий – Будда (в меру сил).
Медитируют в Сибири дети светлой Поднебесной...
«Рэнь-шэн бу-кэ хвань-дэ-хвань-ши*» – как Конфуций говорил.

Прав он был. Да кто бы спорил? – Всё бесценно. Время тленно.
Над чубатыми борами – желторотая заря.
Машут лапами берёзы. Вечер будет офигенным...
– Разбавляй речной прохладой жгучий спирт из «пузыря»!

Ветеран двадцатилетний. Он послал меня в... европу!
Он сказал, что я с акцентом говорю! Достал баян... –
понеслись гнedyе звуки по околице галопом. –
Это русское... застолье...

«Это Родина моя. Это русская сторонка».

Здесь тебя не ранят в спину.
Ночи лунные полынные. Тонкокожи тополя.
И... почти невыносимо бьётся жаром за грудиной:
«Это русские картины...
это русская земля...»

* «Нужно прожить жизнь так, чтобы ни о чем не сожалеть».
Конфуций.

По земле...

Над рекой, что течёт по вчерашней золе,
колокольные звоны сливаются в гул.
И нельзя – по воде! И бредёшь по земле.
Мнёшь траву, оставляешь следы на снегу.

На разбитый просёлок ложится верста,
и почти невозможно не сбиться с пути.
Ты другому – никто, и себе – не чета,
хоть к чему прикипи, хоть к кому прирасти.

– Ты опять: «Чья вина?». –
Да ведь столько вины!
(И вино на губах – тоже чья-то вина?)
Вот, допустим, не ты убежал из страны,
но зато от тебя убежала страна...
или взялся за гуж, но не тянешь ярмо,
или словом играешь, а сам – не поэт...
Даже, если душой налетел на клеймо,
всё равно не отмечен, а только задет.

И себя, как ребёнка упавшего, жаль? –
Да плевать, чья вина, чьё вино на столе!
В небе – искры...
Бикфордовы струны дрожат...

И идёшь по воде.
И нельзя – по земле.

Аспирант

Он, куря на лестнице, снова прожёт пиджак. «Ты женись!», – говорит соседка, – «Чудишь от скуки!». И не спит аспирант с четвёртого этажа, запивая чаем холодный гранит науки. На граните этом выбиты имена – не хватает места, впритирку, зато – «навечно». Аспирант на них таращится: «Ни хрена ж!..», простодушно срываясь с места, хоть ветер – встречный. В гараже у него – «старый друг» ветеран-мопед. И свободна дорога, гони себе – нет предела. Всё равно куда, лишь бы только оставить след. (Уходить бесследно – прерогатива зрелых). Оперились снегом мокрые небеса. Запорошенный город пуст и смертельно бледен... Как бела дороги чёрная полоса! По-эйнштейновски – есть равновесие, значит, едешь! И неважно, когда вернётся он, заскучав...

...как глухой Бетховен, расслышавший утро кожей, он рассветом дышит, макая баранку в чай, ко всему безучастный, как будто он здесь – прохожий. Как устал доцент с четвёртого этажа, ободравший душу о мёрзлый гранит науки... За окном снежинки падают, чуть кружа. Прихватило сердце. За стенкой – чужие внуки. Детский смех похож на тающий леденец... Заметелило начисто слякотный день вчерашний. – Никаких следов. Он подумать успел: «Конец?»... И страшнее всего, что было не очень страшно.

Начинается с детства...

Шебутная весна беспричинна, синична.
Во дворе на заре проросла трын-трава.
Город Н-ск, привокзально-базарно-циничный.
Время спит. Полутени свились в кружева.

Утро капает мёдом. Успеть бы согреться,
окунувшись туда, где... тебя уже нет.
Где гуляет по крышам беспечное детство...
Небо. Ветер. Каникулы. Новый мопед.

Вислоуха надежда, а счастье усато-
полосато. И можно витать в облаках.
И синяк в пол-лица повышает твой статус,
как петарда в кармане да в гипсе рука.

И с раскрытым зонтом ты стоишь на балконе.
Гомонит под окном детвора со двора.
Можно просто сбежать, и тебя не догонят...
– Ну, давай, десантура! Рискни «на ура»! –

Во дворе пацаны. И куда тебе деться? –
Ты летишь в трын-траву, на которой роса...
Так любая судьба начинается с детства,
как родной алфавит начинается с «А».

Ты пока черновик. Ты ещё не дописан,
до конца не обжит, не зачитан до дыр.
Утро тлеет, алея, как ягода тиса.
Ты крупнеешь, но мельче становится мир.

Небо больше не пахнет грозой и рябиной,
подмороженным яблоком, ливнем грибным...
И теперь ты краснеешь за «подвиги» сына.
Время спит. Полутени свиваются в дым.

Февраль

Старый сказочник из детства в зимнем городе неброском,
он выуживает сказки из февральской синевы...
а душа бежит подростком по наброскам перекрёстков
мимо судеб двухколёсных, легковых и грузовых...

Одиноко и безлюдно (так бывает спозаранку).
А захочешь быть по-свойски с этим городом на «ты» –
постарайся приобщиться – прицепи себя к изнанке
неприкаянной до боли «предвесенней» маеты.

...а потом... захочешь выше... с трубочистами – на крыше,
где звезда глядит на город, точно пёс сторожевой...
прогоришь пустой надеждой – может Бог тебя услышит? –
и «фанера» из Парижа просвистит над головой...

Он потом тебе расскажет, что «сначала было слово» –
пусть знакомо и не ново – просто слушай и кивай...
Всё равно душа – в лохмотья... и настолько февралёво –
хоть напалмом самогона дыры в сердце заливай!

И куда тебя уносят эти выюжные зигзаги
совершенно безразлично, потому что... как во сне
на ветру сгорают спичкой твой карманный Копенгаген
(так солдатик оловянный растворяется в огне).

Вечный черновик

Дни пустопорожние проносятся.
Вырван лист с пометкой «было зря».
Крепко держит горло безголосица –
вечная ангина января.

– Знаешь, а мне нравится – без голоса,
молча, после всех перипетий.
Я ведь не зерно, не буду колосом...
Пусть поют способные расти.

Видишь, город прячет ошарашенно
от пурги шершавое лицо?
Он молчит, случайно приукрашенный
лёгким взмахом кисти Пикассо.

Слышишь, как свободно и безжалостно
звуками играют фонари?
Вот и не жалею меня, пожалуйста!
Просто – молча – слушай и смотри. –

Горло лунным светом перевязано.
Я молчу. Мне хочется молчать.
Всё, что невзначай когда-то сказано,

зачеркнуть... и заново начать!
Вечный черновик...

Потом – нечаянны –
робкие, как первая трава,
на снегу январского молчания
вырастают новые слова.

Лия Яковлева, Санкт-Петербург

Конкурсное произведение

И хорошо, что мы еще на вы.- Тайные знаки.

Слоистый снег сошел на деревА,
забывшиеся в музыке метельной
и "Летний сад - Онегина глава"
заснул в объятых зимней колыбельной.

Спокойные шедевры красоты
преобладают в простоте январской,
где темные решетки и мосты,
как кружева на шапочке боярской.

Мы с вами прогуляемся к реке
вдоль липовых шпалерных ограждений,
поговорим о силе наводнений
на правильном научном языке.

Мы не спеша преодолеем путь
по площади, где Ангел одиноко
чугунный крест вонзает ветру в грудь
и я вам расскажу о жизни Блока.

Исакий позолотой головы
приветствует величественно Бога.
И хорошо, что мы ещё на вы,
и хорошо, что мы грустны немного.

От литературного обозревателя

*Сдержанно, без излишней экзальтации.
Репрезентирующая цитата:*

*«Спокойные шедевры красоты
преобладают в простоте январской».*
В.Г.

Подборка стихотворений Лии Яковлевой

«Всегда волнует первый снег»

Всегда волнует первый снег.
Его стремительный набег
сопровождается тревогой.
Мадонна смотрит с высоты,
Ее смиренные черты
сияют совершенством Бога.

Преданьям северной страны,
сказаньям светлой старины
Мадонна дарит умиление.
В Ее невинной чистоте,
В Ее нетленной красоте
Природа ищет утешенье.

О, своенравный человек,
зачем ты пролил кровь на снег,
забыв священные обеты?
Для грешника награды нет.
Седины намечают след,
где искажаются портреты.

Мерцают звездные миры,
молчат безлюдные дворы,
листва рыжеет на морозе,
несут ненастье ноябри,
и легкий холодок внутри
высокий стиль уводит к прозе.

Мой африканский попугай
во сне, наверно, видит рай,
потерянный по воле Евы.
Молитвы строгие слова
перебирает голова,
ложится осень в Покрова
Небесной Девы.

Майский снег

*«С неба падает злой снег.
Ветер валит людей с ног»
(Игорь Царев)*

Затерялась зимы игла.
Не заштопаны небеса.
Майский снег, это лишь игра.
Майский снег, это лишь роса.

Замолчала весны свирель.
Перепутаны полюса.
Майский снег, это на сирень.
Майский снег, это полчаса.

Затуманилась рябь пруда.
Побежала слеза с ресниц.
Майский снег, это лишь вода
с высоты перелетных птиц.

Закружилась из детских грез
заколдованной сказки жуть.
Майский снег, это не всерьез.
Майский снег, это слабый путь.

Белокрылый полет стрекоз,
белогривый поток с ветвей.
Бледный свет догоревших звезд,
блеклый цвет ледяных морей.

* * *

*«Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?»
(О.Мандельштам)*

Воронежские сны снегами рассыпаются,
над городом плывет двурога ладья.
Ахейские мужи когда-нибудь раскаются,
что не посмели сжечь троянского коня.

Прекрасная Элен на ложе похитителя
любовному огню со страстью предана,
но царственная кровь воинственна и мстительна.
Одумайся, Элен, покорная жена.

Одумайся, Элен, блистательная дамочка.
Погибелью грозит порушенный закон.
Воронежская ночь, как траурная рамочка.
Завьюженная даль, заснеженный затон.

Сборный силуэт, как выжженная патина,
голодный вой собак, визгливая пурга,
разграбленный алтарь, разбитое распятие
и Бога больше нет и жизнь не дорога.

Под серебристым льдом река переливается,
весенняя вода размочит полынью.
Ахейские мужи когда-нибудь раскаются,
но им не развернуть плывущую ладью.

«Я приглашаю вас к Гомеру»

Ночь накрывает полусферу,
Петрополь погружая в сон.
Я приглашаю вас к Гомеру,
мой дорогой Пигмалион.

Повисли звезды на антеннах,
потяжелела тишина,
а мы в Микенах, мы в Микенах,
а там Троянская война.

Еще шеренги не разбиты,
еще фракийцы рвутся в бой
и темно-красные хламиды
парят, как крылья за спиной.

Еще пылают страстью лица,
еще фаланги держат край,
но боевые колесницы
уже несут убитых в рай.

Всплывает солнце на подносе
гряды молочных облаков,
а мы в Пилосе, мы в Пилосе,
в пещере спрятанных быков.

Волна колотится о рифы,
отвага побеждает страх.
О, эти греческие мифы!
Соленый привкус на губах.

Душа во власти «Одиссеи»
стремится в сказочный поход.
Скрипят нагруженные рей
и в паруса ложится Нот.

«Город-всадник, примеривший стремя»

Отсыревший декабрь завернулся в туман.
Город, словно корабль. Его плаванья вечны.
Поспеши, капитан, это только обман,
и вода и судьба скоротечны.

У гранитного сфинкса глаза не пусты.
Загляни и провалишься в бездну.
Триста лет в Петербурге разводят мосты,
но они никогда не исчезнут.

Город грозных дворцов, город гордых церквей,
город-всадник, примеривший стремя.
Триста лет на просторах его площадей
замывается Вечностью время.

Черный ангел крестом рассекает рассвет,
белый ангел крадется карнизом,
раздавая божественный солнечный свет
золоченым небесным сюрпризом.

«Мы с вами по природе одиночки»

Апрель, розовощёкий сорванец,
ломает льдины, открывая воду.
Весна разбила сумрачный ларец
и выпустила солнце на свободу.

Прекрасна акварельная тетрадь
прозрачностью пастельного пейзажа.
Скульптуры на высотах Эрмитажа,
привыкшие от холода дрожать,

доверились случайному теплу
неласкового северного края
и золотые зайчики, играя,
летают на пронзительном ветру.

Я вас не потревожу суетой,
не развлеку веселым разговором,
не позабавлю философским вздором,
не удивлю словесной пестротой.

Я не скажу вам драгоценных фраз,
которых вы, действительно, достойны.
Наш хрупкий скоротечный мезольянс
останется лишь в рамочке настольной.

Апрель, голубоглазый оголец,
Развешивает на деревьях почки.
Я не скажу вам о родстве сердец.
Мы с вами по природе одиночки.

«К нам весна подступает тихо»

К нам весна подступает тихо,
неприветливо, несерьезно.
Заблудилась её скворчиха.
В Петербурге опять морозно.

Лишь поскрипывают качели
на некрашеной старой арке
и заряд снеговой шрапнели
добивает деревья в парке.

Привлекает горячим чаем
павильон на глухой аллее.
Мы за столиком поскучаем
и нам станет чуть-чуть теплее.

Пока март получает квоты
на любовные грезы Листа,
на рояле пылятся ноты
в ожидании пианиста.

Над неровной петлей ограды
на размокшем речном вокзале
растворится пустой бравадой
то, что мы второпях сказали.

На волне покачнется пристань,
проплывет пароходик мимо,
с бастиона сорвется выстрел
и всё станет необратимо.

«В забытом завершённом и прошедшем»

Я никогда не думаю о вас
в забытом завершённом и прошедшем,
но мне противоречит контробас
на сторону габоя перешедший.

Печаль давно доверилась трубе,
отрывистому, звонкому стосенто
и значит, все наладится в судьбе,
и значит, вы вернетесь из Сорренто.

Весна сады побалует теплом,
согреет воробья-эквилибриста
с его веселым сальто над щитом
роскошного портрета пианиста.

Я тихо через март переплыву,
пересеку апрель, пройду по маю.
Все капли на окне переберу,
все дни в календаре пересчитаю.

Удержит серебристый саксофон
гайтана фиолетовая лента
и мой негармоничный обертон
отправится в далекое Сорренто.

Развеет лето джазовый экстаз,
растает осень вихрем сумасшедшим
и мне зима поведаст о вас
в забытом завершённом и прошедшем.

«Нет в природе постоянства»

Скоро дождь омочит зданья,
ниши, портики, пилястры,
холодок его дыханья
выпьют розовые астры.
Скрип старинного паркета,
звон богемского бокала,
заползание рассвета
под оконные забрала,
мандарин из марципана
в узких листьях лемонграсса,
иллюстрация романа
обитателей Парнаса.

Осень плавает в зените,
заплетает паутины,
опускается по нитям
на цветные георгины,
на дворцовую террасу,
на фасады, на фронтоны,
на узорчатую массу,
украшавшую пионы,
на поблекшее убранство
уходящего парада.
Нет в природе постоянства.
И не надо...
И не надо.

«В мире нет посторонних людей»

Позови тишину, позови.
Погрустим о потерянном прошлом.
В мире мало тепла и любви.
В мире мало поступков хороших.

Наш порыв подтвердят зеркала,
соучастники тайного бегства.
В мире мало любви и тепла.
Скуповат он на оные средства.

Погуляем в осенних садах,
поглядим на похужлые кроны,
пожалеем взъерошенных птах,
отыскавших пустые балконы.

Пестрый листик к скамейке прильнул
в безнадежной попытке остаться,
но промозглого ветра разгул
не позволил ему задержаться.

Мы теперь и мудрей и добрей.
Принимая друг друга в объятия,
мы теперь, словно кровные братья.
В мире нет посторонних людей.

Ольга Андреева, Ростов-на-Дону

Конкурсное произведение

* * *

Саламандры лесов подмосковных ещё не натешились.
Под снегами торфяники тлеют, шевелятся волосы
буреломов, сгоревшие звери, русалки да лешие
колобродят в ночи, да горельника чёрное воинство...
Мир языческий – ладный, отзывчивый – мимо проносится,
наши скорости не допускают прислушаться к дереву,
отразиться в ручье, дожидаясь, пока мироносицы-
фитонциды летучие снова живым тебя сделают.

Все мы тут погорельцы. Растоптано и исковеркано,
что росло и струилось, цвело, ошибалось и верило.
Жаль побегов – в тени, где ни солнца, ни смысла, ни вечности –
тоже ведь веселы и беспечны, наивны и ветрены.
Ждать добра от добра в этой дикой чащобе заброшенной?
Да кому тут нужны наши дети с открытыми лицами.
Перегретый город простит несуразность прохожему
с неуёмной нелепой неумной гражданской позицией.

Нам к лицу Исаакий – отнюдь не теплушки вагонные.
Всякий храм – на крови, если сора из храма не вынести.
Небо держат атланты, мы их заменили колоннами –
но они усмехнулись подобной дикарской наивности.
Нашим рыжим опять биографии славные делают,
повторяется фарс белой ниткой прошитой истории.
Здесь останется лес и бельчонок в ладонях у дерева –
звонким цокотом, лёгким метанием в разные стороны...

От литературного обозревателя

По-язычески живописный текст.

Репрезентирующая цитата:

«Всякий храм – на крови, если сора из храма не вынести».

В.Г.

Подборка стихотворений Ольги Андреевой

Этот город накроет волной

Этот город накроет волной.
Мы – не сможем... Да, в сущности, кто мы –
перед вольной летящей стеной
побледневшие нервные гномы?
Наши статуи, парки, дворцы,
балюстрады и автомобили...
И коня-то уже под уздцы
не удержим. Давно позабыли,

как вставать на защиту страны,
усмирять и врага, и стихию,
наши мысли больны и странны –
графоманской строкой на стихире.
Бедный город, как в грязных бинтах,
в липком рыхлом подтаявшем снеге,
протекающем в тонких местах...
По такому ль надменный Онегин

возвращался домой из гостей?
Разве столько отчаянья в чае
ежеутреннем – было в начале?
На глазах изумлённых детей
под дурацкий закадровый смех
проворонили землю, разини.
Жаль, когда-то подумать за всех
не успел Доменико Трезини.

Охта-центры, спустившись с высот,
ищут новый оффшор торопливо,
и уже нас ничто не спасёт –
даже дамба в Финском заливе,
слишком поздно. Очнувшись от сна,
прозревает последний тупица –
раз в столетье приходит волна,
от которой нельзя откупиться.

Я молчу. Я молчу и молюсь.
Я молчу, и молюсь, и надеюсь.
Но уже обживает моллюск
день Помпеи в последнем музее,
но уже доедает слизняк

чистотел вдоль железной дороги...
Да, сейчас у меня депрессняк,
так что ты меня лучше не трогай.

Да помилует праведный суд
соль и суть его нежной психеи.
Этот город, пожалуй, спасут.
Только мы – всё равно не успеем.

* * *

*куда ты денешься, проснёшься и пойдёшь
по снегу, снегу, под деревьями в воронах
вдоль вечности в подробных воробьях...
Александр Месропян*

А куда ты денешься – нальёшь в стакан молока –
погасить отраву простым, имманентно чистым.
Все фрагменты истинны – небо, грачи, река, –
но неверно склеены, пазл не получился,
инородным, лишним ты в нём торчишь звеном
и звенишь от боли звоночком велосипедным –
на проспекте, в пробке. Заладил опять одно –
молока, свободы, воздуха... не успеешь,
что ли, шестнадцатый твой черёд.
Жди пока, бормочи стихи, до тебя ли, право,
завтра будет суббота, утро, свобода – вот
и подышишь, и выплеснешь на листки отраву.

Никуда не денусь – сверну от реки наверх,
И спиной к рассвету – в набитый битком троллейбус, –
к монитору. Винтик, колёсико, интроверт,
обучаем, активен, – годен. Твоя валентность
позволяет и то, и это, – и только дух
корпораций ты не переносишь на дух.
Боливар спокоен, но он не выносит двух
ипостасей, он – лошадь. Есть слово – надо.

Никуда не денусь, всё будет, как в прошлый раз,
Колесо сансары не зря проходили в школе.
Богу – душу, кесарю – нефть и газ,
Мне – слова и рифмы на радостном минном поле.

* * *

*Под насыпью, во рву некошеном...
Александр Блок*

А снег так и не выпал. Он кружил
над городом в сомненье и смятенье,
носился над землёй неверной тенью,
но не упал. Лишь холодом до жил
ночь пробрало. Жестокая звезда
бесстрастно щекотала гладь бетонки,
а снег, потупясь, отлетел в сторонку
и выпал в Нальчике. Чужие поезда

вдруг осветили – человек лежит
в кювете. Но такому контингенту
не вызвать «скорую», как будто чья-то жизнь
отмечена печатью секунд-хенда.
Я откуплюсь от нищих и бомжей,
всем – по монетке. Спи, больная совесть.
Сам виноват. Смеркается уже,
пора домой, пока есть дом. А повесть

его проста. Сам виноват. Не я.
Перед собой. А я – не виновата
перед собой? Тащить-тяжеловато.
Невыносима лёгкость бытия*.
А снег нас не прощает. Наши сны
не смяты ни виною, ни любовью.
Он где-то засыпает – до весны –
и ангел засыпает в изголовье.

*«Невыносимая лёгкость бытия» –
роман Милана Кундеры.

* * *

*Ты можешь подвести коня к реке,
но ты не можешь заставить его пить.
Восточная мудрость*

Воскресение. Чайно-ореховый омут
глаз напротив. Как редко играем мы с ней!
Наши шахматы можно назвать по-другому,
потому что Алёнка жалеет коней –
и своих, и моих. Отдаёт, не колеблясь,
и красавца ферзя, и тупую ладью,

но четыре лошадки, изящных, как лебеди,
неизменно должны оставаться в строю.

От волнения у пешки затылок искусан,
в каждой партии странные строим миры.
Я иду вслед за ней в этом важном искусстве,
я учусь выходить за пределы игры.
Надо выдержать паузу, выдержать спину
и подробно прожить откровения дня.
Эта партия сыграна наполовину.
В ферзи я не хочу. Отыграю коня.

Торжество справедливости – странная помесь
пустоты и досады – сквозь пальцы улов.
Выхожу на спираль – если вовремя вспомню,
что великий квадрат не имеет углов
Ни корон, ни дворцов, ни слонов, ни пехоты,
перейду чёрно-белых границ череду,
распущу свою армию за поворотом
и коня вороного к реке поведу.

* * *

День в золоте – из тех, что напоследок.
Не вынесу. Оставь мне хоть пырей...
Не уходи, моё большое лето,
нанизывай на нить календарей
свой крупный жемчуг – лозы над рекой,
созвездия иссиня-чёрной хвои.
Моя задача – сохранить покой.
Мне драгоценен каждый квант покоя
и вечности. Не донесу тепла
до марта – но унынья не приемлю.
Я не одна – за то, что умерла,
зерном пшеничным проронившись в землю.

* * *

Жить можно, если нет альтернатив,
с их жалостью к себе и пышным бредом.
Скажи, когда сбиваешься с пути –
я здесь живу. Не ждите, не уеду.
Вдруг, ни с чего, поймёшь как дважды два –
тебя приговорили к вечной жизни –
когда плывёт по Горького трамвай –
одинадцатипалубным круизным...

А в небе лето – аж до глубины,
до донышка, до самого седьмого –
акацией пропитано. Длинны
периоды его, прочны основы,
оно в себе уверено – плывёт
гондолой ладной по Канале Гранде
и плавит мёд шестиугольных сот
для шестикрылых, и поля лаванды

полощет в струях, окунает в зной
и отражает в колыханье света.
Так подними мне веки! Я давно
не видела зимы, весны и лета
и осени. Послушай, осени,
взгляни – и научи дышать, как надо!
...Свой крест – свой балансир – начнёшь ценить,
пройдя две трети этого каната.

В клоаке лета, в транспортном аду
строчить себе же смс неловко,
оформить то, что ты имел в виду,
в простую форму. Формулу. Формовка
стихий в слова и строки допоздна –
и смежить веки в неге новой сутры.
И выскользнуть из мягких лапок сна
к ребёнку народившегося утра.

* * *Истеричный порыв сочинять в электричке,
свой глоточек свободы испить до конца,
внутривенно, по капле, ни йоты сырца
не пролить-проворонить, чатланские спички
не истратить бездарно. Побег
по ошибке – а значит, для муки,
тянут почки, укрытые снегом,
как ребёнок – озябшие руки.

На замке подсознание, ключик утерян,
не дано удержать себя в рамках судьбы –
лишь бы с ритма не сбиться. А поезд отмерит
твой полёт и гордыню, смирение и быт.
Я вдохну дым чужой сигареты.
Частью флоры – без ягод и листьев –
встрепенётся ушедшее лето –
опылится само, окрылится,

и взлетит – несмышлёным огнём скоротечным.
Но шлагбаум – как огненный меч – неспроста.
Но в узоры сплетаются бренность и вечность,
жизнь и смерть, жар и лёд, и во всём – красота.
Этот калейдоскоп ирреален –
под изорванным в пух покрывалом –
вечно старые камни развалин,
вечно юные камни обвалов.

Это раньше поэтов манила бездомность,
а сегодня отвратно бездомны бомжи,
этот жалкий обмылок, гниющий обломок
богоданной бессмертной погибшей души.
Страшный след, необузданный, тёмный,
катастрофы, потери, протеста,
и в психушке с Иваном Бездомным
для него не находится места.

Не соткать ровной ткани самой Афродите –
чудо-зёрна от плевел нельзя отделить.
Кудри рыжего дыма растают в зените,
на немытом стекле проступает delete.
Но в зигзаги невидимой нитью
мягко вписана кем-то кривая.
Поезд мчится. И музыка Шнитке
разрушает мне мозг, развивая.

Колхида. Апрель.

Лес сырой и доверчивый, рослый и взрослый,
смотрит примула прямо и пристально – как ты?
По камням, по корням ухожу от вопроса,
от прямой непреложности этого факта –
ни во мне, ни вовне солнца нет – и не надо,
лишь бы ливень слегка моросил, а не лился,
лишь бы обувь покрепче – и можно исчезнуть,
затеряться чайнкой в листве под ногами

пастухов, под копытами крепких лошадок,
проходящих над бурной рекой по карнизу
этой кряжистой сказки, раскидистой песни
с валунами, корягами и Ёаб-Ягами,
со ступенями к мокрой сосновой избушке
по вихляющей тропке вдоль дерева-змея,

впрочем, ни колобка, ни царевны-лягушки,
у Кавказа хватает своих берендеев.

Я простая паломница, здесь моя Мекка,
бессловесный источник единого смысла.
Веер – нет, фейерверк золотого с зелёным,
эти скалы – слоёного сизого теста,
этих рек цвета хаки крутые замесы
и тоннеля портал у высокого мыса
органично, естественно и непреклонно
составляют основы иного контекста.

Для воды понастроили много игрушек –
перепады, лотки, ливневые колодцы,
аквапарк! – и смеётся, и к морю несётся,
и звенят водопады светло и упруго.

Море белой кисельной подёрнется рябью –
все градации серого плюс бирюзовый,
и бегут серпантины, гремят эстакады,
всё течёт, всё меняется, с роком не споря,
остаются далёкие снежные гряды,
пожилого адыга негромкое слово,
и ребристое скальное дно водопада –
цвета мокнущих дров на крестьянском подворье.

* * *

Сколько звёздочек-листьев нападало!
Спи, дворняга, успеешь набегаться.
Так хозяев никто не обкрадывал –
видишь, солнышка нету, и деревца
золотого. Не лай вслед за утками –
высоко... Не догонишь, умаяешься...
Им – за долгими лунными сутками
в антимир зазеркалья, за Манычем.

Воздух лакомый, терпкий, отчаянный,
тучи ластятся, шитые гарусом,
где-то в них наши взгляды встречаются,
преломляются и разбегаются.
Листьев нет – у деревьев каникулы.
Бисер ягод да прутья зелёные –
весь боярышник. Будь, что бы ни было –
толерантность к неопределённости.

Город смотрит в глаза кошкой палевой –
чуть надменно, но в целом доверчиво,
как подросток. Листва между шпалами –
однозначно к зиме, гуттаперчевый,
осторожный намёк, откровение.
Но душа, в эйфории беспочвенной
не вкусившая лотос забвения,
не отпустит фантомного поручня.

В странный цвет небеса загрунтованы –
ненадёжности, бренности, табора,
с подкупающей трезвостью тоники
и воды, как древнейшей метафоры.
Мысли спутаны тонкими нитями,
льётся прана из пряного воздуха,
где старательно, неукоснительно
догорают кленовые звёздочки.

Елена Сурина, Орск

Конкурсное произведение

* * *

Поиграем в войну словно в детстве – без крови -
Из коробки одной и соратник и враг,
Командиры лихие - с мизинцами вровень,
Все солдаты встанут после шквальных атак.

У солдатиков нет матерей оловянных,
Женщин в тёмных платках не положено тут,
И крестов – не наград, а простых, деревянных,
Отчего-то в наборы с игрой не кладут.

Впрочем, их для солдат раздобыть не проблема,
Если хочешь, две спички крест-накрест свяжи...
Всё как будто взаправду, но лишь - без измены,-
Без холодного зверства, без смерти и лжи...

Так давай же играть! - Выводи батальоны
Ряд за рядом - соседнему миру назло,
Где повестки несут по домам почтальоны,
И откуда безжалостно детство ушло.

От литературного обозревателя

Благородные устремления автора засчитываются. Но сам текст достаточно не умелый.

Репрезентирующая цитата:

«Женщин в тёмных платках не положено тут...».

В.Г.

Подборка стихотворений Елены Суриной

Были – небыли

Объясни мне слово «быль», объясни мне слово «небыль»...
Отобрал седой ковыль землю у травы и хлеба, -
Отливая синевой, он сияет в лунном свете,
А над ним - голодный вой, это волк луну заметил...
Что ж, до полночи – шажок, лунный свет сойдется клином,
С неба спустится божок в ипостаси лошадиной
И до утренней росы будет мчать в крови и мыле, -
Уцелевший чудом сын Диомедовой кобылы.
А за ним помчится волк, степь ковыльную тревожа...
Кто тут жертва, кто тут бог, кто тут был...
И небыль – кто же?

Междуречье

В междуречье моих желаний
Вызревают инжир и сливы,
И выходят послушать лани
Флейт пастушеских переливы,

Речи с зайцем ведет волчица,
Яд на мудрость сменили змеи;
Сердце к новой любви стремится,
Но свободу отдать не смею...

Обе речки струятся в мире
Чистотой родниковой влаги,
А понять, кто быстрее и шире,
Не могу я набрать отваги,

И в молитве слагаю длани,
Чтоб по глупости человечьей
Два потока моих желаний
Не вступили в противоречье.

Бубны за горами

Да раскатится бубен зеленый
В ноги к нам предрассветной стезёй!
Колдуны, над землёй воскрешенной
Покамлайте весенней грозой!
Вознесите Всевидающим данный
Голос, криком порадовав рот, -
Пусть, врачуя проталины- раны,
Юность свежей травой взойдет!

Эй, кудесники, чествуйте лето, -
В небе солнца расчищен исток!
Желтый бубен звучит над планетой
Словно долгий шмелиный гудок.
Колос зреет, и множатся птицы,
И прогрета речонка до дна...
Спи, сыночек, пока тебе спится,-
Сладко бродит в душе тишина.

Бейте в красные бубны, шаманы!
Рыжих лис нацепите хвосты!
Ярко льётся сквозь дождь и туманы
Ниспадающий шелест листвы!
Поддержите алеющий пламень,
В нем былому легко умереть;
Все равно слишком быстро над нами
Застывает небесная твердь.

А теперь... собирайтесь, провидцы,
В дом зимы и копите жирок;
Колотушкой по округу биться
Вместо вас подряжён ветерок.
Он потом докружит до метели,
А метель - разрастётся в буран...
Всё, что за год стучали и пели, —
Просто снег. Льдистый отблеск. Обман.

Неопасторальное

Пастушка, твой андроид плох,
В горах его бессилён звон,-
Шумит отара сотней ног,
Торопится в ночной загон.

Шерсть белых гор съедает тьма,
С тобой лишь дрон сторожевой...
Как хорошо сойти с ума,
Отринув трудодневный зной!

В ночи обыденность ветха, -
Коснётся лучик и – порвёт...
На небе – яркая блоха -
Судьбиноносный звездолет,

А в нём - инопланетный друг
Парсекам долгим вопреки
Торопится на летний луг
Кормить ягненокча с руки.

О, эта встреча невзначай!
Трава июньская мягка...
Весною будущей качай
Зеленокожего сынка.

Три радости

После дня трудового крестьянский народ
Вышел слушать-послушать как дивно поёт
Тем, кто млад, тем, кто в силе, и тем, кто уж стар
О трёх радостях песню хожалый гуслиар.

А и первая радость – да мир над землёй,
Слез с коня боевого Егорий святой,
Не тревожит его ни война и ни бунт,
Он ведет безоружно в ночное табун.

А вторая-то радость – у взрослых и чад
Ни несчастий, ни хворей, - и бродит меж стад
Николай Чудотворец, - от зла и обид
Лишь телят да коровок под солнцем хранит.

Ну а третья-то радость ... та радостней всех, -
Люди напрочь забыли про злобу да грех,
И, оставив судейское место своё,
Сам Илья Громовержец ушел на жнивье.

Ой, гуслиарская песня, - и в смех и всерьёз...
Аж в очах облака засияли от слёз, -
И на облаке гладит почти наяву
Богородица взрослому Сыну главу...

Вознесение

Долго парю я над миром
В светлых потоках стиха,-
Рифм подслащенная мирра
Горше земного греха.

Рву парашютные стропы,
Рвусь в неизвестную жизнь...
Рядом планируют в пропасть
Зёрна несобранной ржи.

Встретим на грани полёта,
Что в вышине не нашли, -
Запах горячего пота,
Твердь ненасытной земли.

Смерть или жизнь нас догонит,
Близок ли путь, иль далёк...
Лишь убережь бы в ладони
Синий цветок - василёк.

Апокалипсис

Всё будет просто и кроваво, -
Заря ударит о зарю,
Пройдут по суше тьма и лава,
И трещина - по алтарю.

А Смерть, вселенская старуха,
Взметнувшись мертвою петлёй,
Наотмашь лихо вспорет брюхо
У неба прямо над землёй...

Земля моя, как ты желанна
Для гневов божеских десниц -
За стон деревни безбоянной,
За гром вознёсшихся столиц...

Но, раз уж судишь нас и рядишь,
Погладь хоть раз и наконец
Мои расхристанные пряди
Мой вечный праведный Отец...

Ольга Хапилова, Кемеровская область

Конкурсное произведение

До черты, за которой рассвет...

Пусть на сонном маршруте особых предвестников нет,
Времена парусами уныло повисли на реях –
Я мечтаю доплыть до черты, за которой рассвет
Вспыхнет новым светилом, и тёмное сердце прозреет.
Там усталый апостол достанет из волн свой улов,
Серебристые рыбы блеснут одесную-ошую;
Но тогда надо мною исполнится истинность слов,
И отверстое небо вовек ни о чём не спрошу я.
Может, просто к покою потянется брeнная плоть –
Хоть кого изведёт череда безнадёжных скитаний –
Только вымолвлю сердцем: «Воистину прав Ты, Господь!»
И на веру приму роковой парадокс мироздания

От литературного обозревателя

Удастся ли лирическому герою «доплыть до черты, за которой рассвет вспыхнет новым светилом, и тёмное сердце прозреет...» или же «просто к покою потянется брeнная плоть»? Думается, это одно и то же.

Репрезентирующая цитата:

«...вымолвлю...: «Воистину прав Ты, Господь!»

И на веру приму роковой парадокс мироздания.

В.Г.

Подборка стихотворений Ольги Хапиловой

* * *

Пусть на сонном маршруте особых предвестников нет,
Времена парусами уныло повисли на реях –
Я мечтаю доплыть до черты, за которой рассвет
Вспыхнет новым светилом, и тёмное сердце прозреет.
Там усталый апостол достанет из волн свой улов,
Серебристые рыбы блеснут одесную-ошую;
Но тогда надо мною исполнится истинность слов,
И отверстое небо вовек ни о чём не спрошу я.
Может просто к покою потянется брeнная плоть –
Хоть кого изведёт череда безнадёжных скитаний –
Только вымолвлю сердцем: «Воистину прав Ты, Господь!»
И на веру приму роковой парадокс мироздания.

* * *

Я смотрю на простор, как взирают окрест с эшафота:
На исход октября что теперь открывается нам? –
Мир безликий, застывший в одно чёрно-белое фото,
Настоящей ценой переливам и полутонам.

Мокрой порванной ватой покрыты холодные ветви -
Акварельный эскиз, прорисованный в небе седом -
Их дыханием чуждым касается северный ветер,
И так зябко душе, будто в ночь перед Страшным Судом.

Кто из нас разглядит на размытом холсте день вчерашний,
Пусть уже не зелёный, хотя бы оранжевый сад?
У огней фонаря за полночь куражился бражник,
И каких-то коротких четыре заката назад.

А была ли та жизнь, не приснилось ли мне, подскажите,
В фазу быстрого сна, что теряет свой вес поутру?
Есть ли где-то на свете теперь этот маленький житель?
Прозреваю, что нет, прозреваю, что также умру.

И стихия напомним волною промозглой картечи,
И услышу, как будто, нездешние звуки во мгле.
Справедливую песнь воспеваю тебе, скоротечность –
Ни к чему ровным счётом нельзя прикипать на земле!

* * *

Всё на месте пока: и Синай, и Афон, и Тибет –
За века между гор ни одна не отправлена в море.
О, небесная сила, молчание имя тебе!
Есть ли вера на свете, увя мне, увя мне и горе?!

А, казалось, любую со свету давно бы смели,
Но плоды нашей веры на ощупь не трудно проверить -
Как легко на миру преклоняться лицом до земли
И как тяжко ночами молиться при запертой двери.

Пресловутую веру откуда в душе наскрести,
Если горьким укором до боли, забытое всеми,
Многим меньше слезинки, в сухой заскорузлой горсти
Затерялось в бороздках ладони горчичное семя.

Хлебозоры

Ночь. Цикады звенят в травяной кузне.
Облепили столбы фонарей совки.
Чёрной глыбой вдали, горизонт сузив,
Выпирают на юг из земли сопки.
В тёмных пихтах тревожно кричат жёлны.
Разорвав в небесах полотно в клочья,
Загорится просвет молодым жёлтым,
Будто солнце оттуда встаёт ночью.
Остаётся мудрёным словам верить:
Хлебозоры парят облаков выше,
Будто кто-то на миг распахнул двери -
И алтайскую рожь наяву вижу.
До неё, до родимой - в пыли вёрсты;
Ястреб-птица и тот долетит редко.
И, каким ни казалось сухим, чёрствым,
Откликается сердце на зов предков.
Словно в Китеже, вечном святом граде,
Продолжается жизнь там своим ходом;
И хотя их покинул ещё прадед,
Снится, будто и я с этих мест родом.

* * *

А помнишь, братишка, мы видели белку? -
Всё было как будто на прошлой неделе;
Снег сыпал за ворот, колючий и мелкий,
Сорвавшийся с лапы встревоженной ели.

Петляла лыжня в колее снегохода,
Шептали друг другу с тобой без утайки:
Вот вырастем - тоже пойдём на охоту
И купим собаку, конечно же, лайку;

А лучше упряжку задорных и прытких.
Как явственны в памяти звуки, ты слышишь? -
Отец возвращался со скрипом калитки
И скидывал мехом обитые лыжи;

Насвистывал, крикал, стучал в рукавицы.
За всех не ручаюсь, не знаю, а наша
Мечта отдавала кедровой живицей
И сернистым запахом из патронташа.

А в зеркале лица нет-нет, да помяты,
Но столько в них жизни, души, интереса,
Что кажется - в сущности те же ребята
Глядят с придыханием в сторону леса.

Люд посконный

Не нужно, всё же, люд посконный злить -
Когда личины желчны и сухи,
Не разобрать, кто ближний, а кто дальний;
А доведётся Родину делить -
Не троньте нас, мы люди от сохи,
От очага, мехов и наковальни!

Слывём помехой, надо понимать,
Но правда есть, и мы стоим на ней
До искр из глаз, до юшки из-под носу.
И нас ещё несёт земля-мать,
И верится – в круговороте дней
Не будет нам на сто веков износу!

* * *

А когда всерьёз слягу, обомлев –
Жизнь нельзя купить-выменять –
Пойте надо мной, пойте обо мне,
И от моего имени;

На любой мотив, голосом любым –
Только бы слова Божии,
Чтоб ненастным днём светом голубым
Небеса на миг ожили,

Чтоб крестом проплыл белокрылый стерх
Над моей земной пристанью,
Чтоб от песни той устремились вверх
Взоры, как один, пристально,

Чтоб блеснул просвет жёлтого желтей
Звёздочкой Пути Млечного,
Чтобы стала вдруг вера у людей
Твёрже в торжество вечного!

Александр Чжоу (Алисов), Москва

Лауреат премии в номинации «Верность памяти»

Конкурсное произведение

Юродивый

Глаз белёсый смотрит, не мигая,
Говорит, прерывисто дыша,
И пугливо прячется нагая
Васина прозрачная душа.
В суете, на площади торговой,
В кабаке, где драка и угар,
Васино бичующее слово
Не щадит ни дьяков, ни бояр.
Вася прозорливец, а намедни,
Средь немой толпы, у алтаря,
Голосом тишайшим и безвредным
Гнев смирил великого царя.
Не страшась богатых и всесильных,
Он клеймит чумные их пиры,
И его лохмотья - это крылья,
Сложенные вместе до поры.
Рядом с ним стихают забулдыги,
А душе тесна земная клеть,
Знает Вася, если б не вериги -
Не смогла б она не улететь...

От литературного обозревателя

Текст, обращенный и к душе, и к небу.

Репрезентирующая цитата:

*«И его лохмотья - это крылья,
Сложенные вместе до поры...».*

В.Г.

Подборка стихотворений Александра Чжоу

* * *

Вагонная полка, каюта,
Общага, чужая изба -
Нигде не отыщешь приюта,
Коль мачехой стала судьба.

А может, живи образцово,
Имей он и должность, и кров,
И не было б вовсе Рубцова,
Вернее рубцовских стихов.

Постыла сиротская доля,
Не дать за неё и гроша,
В раздолье речное, на волю,
Как ласточка рвётся душа.

Туда, где у мира с поэтом
Рождается кровная связь,
Где в дальние годы приветно
Звезда над полями зажглась.

Осень

Елене Садохиной

Лисий мех под ноги стелется.
Клён горит, вот-вот расплавится.
Здравствуй, Осень - красна девица,
Светлоокая красавица.

У тебя ли злата россыпи,
У тебя ль камень алые,
Оттого ли лёгкой поступью
Ты плывёшь по лесу павою?

Над туманными полянами
Нестихающий пожар творишь,
Не царевной Несмеяною
Ты у нас сегодня царствуешь.

Впереди дожди печальные,
Ночи тёмные и длинные.
Над тобой поют прощальные
Песни стаи журавлиные.

А душе легко и празднично -
Ты шепнула слово тайное:
Всё, что смерти предназначено,
Оживёт весною раннею.

Лисий мех под ноги стелется.
Клён горит, вот-вот расплавится.
Здравствуй, Осень - красна девица,
Светлоокая красавица!

Ду Фу

Печальны мысли на исходе дня.
И жалок птицы одинокий крик.
Остыл очаг, в котором нет огня.
Кому ты нужен, плачущий старик?
Тебе осталось долгий ждать рассвет
И вспоминать людей, которых нет.

Седой туман клубится над рекой.
И лунный диск над соснами застыл.
И льётся в душу сладостный покой.
И живы те, кого ты не забыл.
В ночной тиши беседует с тобой
Учитель и любимый друг Ли Бо.

И оживают юные мечты,
Которые истаяли как дым.
С придворной лестью не ужился ты,
Влекомый прямотушием своим.
Нельзя служить в стране, где нет пути
И слово "человечность" не в чести.

Ты видел смутой сломленный Китай.
И дым вдыхал пылающих столиц.
И павших воинов не сосчитать,
Что стали пищею для хищных птиц.
Пока из плена ты спешил домой,
От голода сынишка умер твой.

Земля не вспахана который год,
Простому люду не дают вздохнуть.
И разве может обирать народ
Чиновник, любящий свою страну?
Но пусть ты беден, немощен и сед,
Молчать не станешь, если ты поэт.

Коль власть рождает не любовь, а страх,
И честным не прокормишься трудом,
То лишь в твоих останется мечтах

Для всех бездомных выстроенный дом.
Ты сам страдал и ведаешь, легко ль
Всем сердцем ощущать чужую боль.

Не греет кровь осеннее вино.
"Холодной пищи" наступили дни.
У старой джонки прохудилось дно.
В твоих несчастьях некого винить.
А может быть дела не так плохи,
Пока в душе слагаются стихи?

* * *

У старой дороги смоленской
Остались, как братья, навек,
Солдаты дивизии Энской -
Вайнах, славянин и узбек.

Под натиском вражеской стали,
Под грохот чужих батарей,
За землю родную цеплялись
Татарин, чуваш и еврей.

Война - это подвиг бессмертный,
Война - это каторжный труд,
И тыл укрепляли всемерно
Казах, армянин и удмурт.

Какая великая сила
(Казалось, часы сочтены)
Тогда воедино сплотила
Детей необъятной страны.

Под Наро-Фоминском и Клином
Залитые кровью снега,
Там люди с героизмом былинным
К Москве не пустили врага.

И жизнь отдавая, поверьте,
Не сделав ни шагу назад,
Они обретали бессмертье
И звание - Русский солдат.

У старой дороги смоленской,
Остались как братья, навек,
Солдаты дивизии Энской -
Вайнах, славянин и узбек.

Читая О.Э.Мандельштама

Стареют жёны и взрослеют дети,
Отцовской обделённые любовью,
А вы сражаетесь тысячелетья,
Пролив за страсть чужую реки крови.
Убийцы многих, не желавших зла вам,
За миражом пустившиеся в путь,
Всё призрачно - богатство, знатность, слава...
Реальна лишь любовь, которой не вернуть.
Утихни гнев, не покорить мечом
Той, что царит издревле в этом мире,
Чью красоту восславит горячо
Слепой поэт на сладкозвучной лире.
Аррей, своё оружие сложи
У ног богини, вышедшей из пены.
Безмолвствуйте, "ахейские мужи,
Что Троя вам, когда бы не Елена?"

* * *

Отчего мы сегодня молчим,
Оттого ль, что легко и безбожно
Необдуманным словом своим
В душу целимся неосторожно?

Оттого ль, что на небе ночном
И великим, и маленьким звёздам
Находиться так близко, вдвоём,
По законам природы не просто...

Но природных законов сильней
Двух зовущих сердец притяженье...
Вновь стремлюсь я к орбите твоей -
Там твой свет, и любовь, и прощенье.

* * *

Меня сжигал жестокий зной,
Я брёл как тень, судьбой гонимый,
И вдруг увидел образ Твой
У древних стен Ершалаима,
И так нежна и хороша
Сияла мне Твоя улыбка,
Что пробудилась вдруг душа
Среди песков пустыни зыбкой,

И я от зноя не погиб,
Не изнемог в краю безводном -
Твой взор, Твоих бровей изгиб
Мне были знаком путеводным,
И, продолжая путь земной,
Вперёд спешу неустомимо,
И я увижу облик Твой
У древних стен Ершалаима.

Вечер

Воздух к вечеру стал
как вода ключевая прозрачен,
И душа постигает
хрустальную ясность небес,
Пламенеет закат,
и отчётливее обозначен
Вереницею елей
чернеющий лес.
Комариные стаи
укрылись в кустах и канавах,
С майским холодом,
точно, они не в ладу,
Дух вечерний настоян
на ландыше, скошенных травах,
На сирени густой,
закипающей в нашем саду.
И в ночной тишине,
под покровом берёзовой рощи,
Так поют соловьи,
что кому-то теперь не до сна.
И, заслушавшись, ветер
ветвями уже не полощет,
И копейкой серебряной
в небе повисла луна

* * *

Ты уходила навсегда,
Прекрасна и непостижима,
Ты ускользала как вода,
Из чьих-то рук, невозвратно.
И уносили поезда
От нелюбви, и от укоров,
И в небе синяя звезда

Тебя влекла в свои просторы,
В края заоблачной мечты...

И, птицей пролетая мимо,
Не замечала дом, где ты
Была, по-прежнему, любима.

* * *

Лунный свет в облаках растворился молочным туманом,
Безучастно деревья встречают февральскую стынь,
И дыхание неба, его неоглядная синь
Проникают на землю сквозь мгlistой завесы изъяны.

Полина Орынянская, Балашиха, Московская область

Конкурсное произведение

Чистый лист

...Осталась только злая чернота.
Она зимой практически всеядна.
И я ползу по памяти обратно
На белый отсвет чистого листа.

Расчерчен он под прописи в косую
Грибным дождём и травами в лугах,
Обрывами на дальних берегах
И ветками, оборванными всеу.

Там всё бело – и майские сады,
И дюны в продуваемой Паланге,
И солнце, утопившееся в Ганге,
И рыбий глаз неведомой беды.

Тянусь, но пеплом лёгкие забиты,
И при рождение умерли слова,
И крика обесмысленный овал
Неровным «о» катается по плитам...

От литературного обозревателя

Не сказал бы, что этот текст выглядит намного лучше предыдущих. Хотя и оценен выше. Целый ряд весьма приблизительных словоупотреблений.

«И я ползу по памяти обратно..»;

«И ветками, оборванными все..»;

«И солнце, утопившееся в Ганге...».

Репрезентирующая цитата:

«Тянусь, но неплом лёгкие забиты...».

В.Г.

Подборка стихотворений Полины Орынյанской

Пусть так

Когда болишь до краешков души,
до самых закоулков дистонии,
и мир до тёмной комнаты ушит
умелыми вселенскими портными,

и не дышать – так просто, так легко,
но крик летит за верхнюю октаву... –
не слушай шёпот серых сквозняков
и плотных штор, раскрытых под саван.

Ещё гудит межрёберный набат,
ещё сойти так хочется с ума, но
уже белеет утренний обрат
спустившихся на улицы туманов.

Из них всплывают бледные дома,
матёрых тополей лоснятся выи,
и старый двор, заиленный лиман,
мелеет, тянет жилы бельевые.

И ты ещё вгрызаешься в кулак,
но утро пробирается сквозь шторы
и тикают часы: пус-тяк, пусть-так...
Жива.
А ночь придёт ещё не скоро...

Картинки. Морское

Тасуй воспоминания, тасуй –
о том, какая бледная лазурь
натянута на кромку горизонта

и я гоню эвксинские понты –
скачу себе по берегу, а ты
кряхтишь, вздыхаешь, стонешь – босиком-то.

Волна сбегает, камушки шкворчат.
Из пены нарождается причал –
худой телёнок с рыжими ногами.

Июль уже даёт заметный крен.
Ты загорел, ты турок или грек,
а рядом я в такой пастельной гамме.

Тасуй воспоминания, тасуй.
Малина перезрелая в тазу.
Цикорий, голубеющий на склонах.

Рассказывай, как ночь приходит с гор.
И, может, я увижу Капсихор –
ленивый, сонный...

Это весна, мой ангел

Небо из нервного вызрело в маятно-розовый.
Это весна, мой ангел, ты можешь выдохнуть.
Плыть в тёплом воздухе, будто... ленивая рыба, ну.
Всё, что мы за зиму в нашей вселенной создали, –

всё ерунда, мой ангел, потёмки разума.
Если метель за окнами – мысли мёртвые.
Мы по ночам прорастали друг в друга аортами.
Мы становились наутро такими разными.

Это, наверное, чтобы не сглазить главное.
Господи боже, да мало ль кругом завистников!
Знаешь, от страха зимой привыкаешь к мистике,
чёрным котам, воронам и чаю с травами.

Ты улыбался во сне, это плохо лечится
феназепамом, текилой, звонком будильника.
Там, за окном, – прозрачно, звеняще, синенько.
Это весна, мой ангел, бояться нечего.

Черновики

В системе сбой.
Найди черновики.
Ошибка там, в несказанных словах.
Что было не дописано тобой?
Шуршанье трав у берега реки?
Рассказ отца?
Оттенок чабреца
в спитом настое прошлых январей?..

И пыль времён, и времени пыльца,
и цифры на листках календарей –
всё это чушь, на девственность икон
бездарно нанесённый кракелюр.
У памяти – ни дна, ни берегов.

В тебе есть всё – отрывки древних сур,
оживлённый на века библейский стих,
варгана плач, гортанный крик жреца,
скупой ночлег на Шёлковом пути
и звёзды, переставшие мерцать...

Ты просто вспомни благовеста вкус,
мятущийся по клеверу в лугах...
Не твой хуур тревожил весь улус,
пока во тьму укутан был восток?

...Найди себя в своих черновиках –
зачёркнутых словах, обрывках строк...

Тоска по февралю

Ты помнишь, как считали дни,
рвались в тепло из зимних будней...
И вдруг – тоска по февралю,
откуда чудилась весна.

...Так будет легче. Прогони
меня в одно из полнолуний,
когда подумаешь: люблю...
Тебя оставив у окна,

я, уходя, не оглянусь:
что не построено – не рухнет.

Миную лестничный пролёт,
пивную банку у стены...

Ты обведёшь в кружок луну
в окне согретой чаем кухни
и станешь пленником её
холодной рыбьей тишины...

Дом на окраине

Построишь мне дом на окраине мира,
где тучи сползают в объятия маков
и солнце, за небо цепляясь настырно,
срывается за полночь в пасть Зодиака?

Мне хочется утром с крыльца полусонно
разглядывать сосны на скальных уступах
и видеть у стен моего Каркассона
рассветной росой окроплённые скупю
несметные полчища горькой полыни,
ленивый туман, утекающий в реку,
и помнить себя в сарафанчике синем –
пока бледный месяц на память не вынет
и сердце, и душу с уменьем ацтека...

Построишь мне дом на обочине века?

Чужой пейзаж

На свете не много правды,
но радует выбор истин.
Ты веришь чужому взгляду,
чужой своенравной кисти?

Когда из-под жести кровель,
сквозь охру домов, дорогу
проступят уток, основа
(их можно рукой потрогать) –

ты выпукло, каждой нитью
холста, на который вписан,
почувствуешь, что не выйти
за рамки ни вверх, ни вниз, и

ты там, за тяжёлой дверью
придуманной кем-то башни,
из пор прорастают перья,
глаза застывают страшно.

Два мира не равно-весят.
Твоё зазеркалье вязко.
Уводят ступени лестниц
в крошечную темень красок.

И то, что казалось плоским,
не тронуть уже на сколе.
Ты любишь уродцев Босха?
Ты знаешь, что Врубель болен?..

Вплетайся в канву полотен,
никто ничего не скажет.
Ты просто один из сотен
пропавших в чужом пейзаже.

Морок

Мне бы бабочкой, одуваным пухом...
Потому что ноги не носят больше.
Мне лететь бы к рыжим огаркам кухонь,
там тепло, а боль... я не чую боль же.

Мне уже не снится ни храм на речке,
ни цветок речной на бездонном стебле,
ни полночный грохот составов встречных...
Только скрип дверей на занудных петлях.

А проснусь – и долго лежу ненужной.
И сама не знаю – мертва, жива я?
Ночь вселилась в стаю ворон и кружит,
всё плотнее солнце в кольцо сжимая.

...Оседает сумрак зелёным илом.
Фонари спросонья бледны и мутны.
Дай мне, Боже, веры, любви и силы
не кричать во сне, не бояться утра.

Весна. Городское

Тепло. И утром, выходя из дома,
я слышу запах прели.
Вот и всё.
Мои морозы снова отбелели,
и пасмурные утра отболели.
Бывает, лишь спросонья принесёт
молочный свет за окнами тревогу.
Замрёшь, равняя пульс...

Да что, ей-богу!
Теперь я долго, месяца четыре,
могу пожить сама с собою в мире,
списав на зимний холод понемногу
свою тоску – с истерикой и без,
и то, что прошлых лет ужасно жалко,
и странные сомнения в тебе,
и на окне засохшую фиалку,
и дневников отчаянную вязь...

По вечерам идти не торопясь
по мягко угасающим проулкам,
смотреть на чуть пробившиеся листья
и чувствовать себя почти туристом –
таким блаженно-пафосным придурком;
смотреть на окна разных кабачков,
с тобой держаться за руки молчком –
надолго, навсегда и даже впрок.

Зайти по пиву в рыжее нутро
пустого припозднившегося бара,
и пусть все видят – мы такая пара!
Ходить, ходить – да что там! – до рассвета,
истратить всё, остаться на мели...

А яблони ещё не зацвели,
и впереди у нас так много лета...

Межсезонье

Непогода, а хочется выйти под мелкий дождь.
Обмывал он деревья, да ожили. Умывает.
Осень селится в рёбрах – полгода её не трожь.
Я всё помнила мёртвую воду, а тут живая.

Межсезонье, угрюмое время, дурные сны.
Просыпаешься за полночь, ветер гоняет тени.
И синюшный овал похудевшей на треть луны
ухитряется влезть в суматоху моих видений.

Непогода. Под вечер меж пасмурных облаков
самолёт оставляет намёк на возможность лета.
Но не верится. Август до чёртиков далеко.
Забываешь, бросаешься даты сверять в билетах.

Солнце мёдом из трещины в старом худом горшке
по утрам вытекает и скупое, и сладко в небо.
Птицам тоже бы к югу, тут холодно, не Ташкент,
но деревья их ловят в свой чёрный корявый невод...

Сергей Скуратовский, Нижний Новгород

Конкурсное произведение

Храм

Я - старый храм, три сотни лет
Прошло в моих стенах,
И эхом отдавался свет
В древесно-древних снах.
Под куполами сединой
Осел молитвы звон.
Здесь утешались тишиной
Изломанные злом.
Прошло еще три сотни лет
К векам не привыкать,
Все также отдается свет
Тому, кто может взять...
Приход пустеет, тишина
Свернется в немоту
Тогда, когда достигнет дна
Презрение к кресту.
Светлеет сруб до серебра,
Углы берут разбег,
Холмы ложатся под ветра,
Рисуя русла рек.
Весенняя гроза прошла,
Во мне прижился лес.

Я искупаю купола
В спокойствии небес.
Мне двери, стены не нужны,
Зачем они Ему?
Я полон чуткой тишины,
Но вот отдать кому?

От литературного обозревателя

Мне непросто определить насчет полного соответствия теме и стилю конкурса, но так вполне отчетливый текст.

Репрезентирующая цитата:

«Я полон чуткой тишины...».

В.Г.

Подборка стихотворений Сергея Скуратовского

* * *

Город, где воздух кажется каменным,
Где бегает лишь во сне и в детстве.
Где смерть под машиной кажется правильной,
Чем слова на устах младенцев.
Здесь живет мальчик с душой канарейки,
Он не может летать, но может петь песни,
Он зовет всех горожан — «человеки»
Человеки одни, а люди-то — вместе.
Он читает стихи в переходах и в парках,
Там, где монетки дешевле взгляда,
Участвует изредка в уличных драках,
Синяк — доказательство жизни, правда,
В нем есть чуть-чуть от синего моря,
От чаек, которые не канарейки,
И ярко-соленое детское горе
Синее чернил на ребре линейки...
Но мальчик уже бородат и вырос,
Нашел работу и стал человеком,
Он пытается верить: «Одиночество — милость»,
Данная многоквартирным веком.

Девочка

Девочка - маленькая вечность -
Песнями воспитывает небо,

Небо отвечает гулом звездным
И улыбкой толстощекой тучи.

Тянется в дрожащем тонком танце
Птичья жилка на изгибе шеи,
И Вселенная смотрит на девчушку,
Не решаясь ни дать, ни отобрать.

По стихам бегут босые ноги,
Подушечками пальцев в каждой строчке
Разглаживая впадины и кочки.
Вечность-девочка - на своей дороге,
На досочках Калинова моста,
Что трескаются весело и звонко,
Царствует и дышит красота,
Воплотясь в пропорциях ребенка.

Последний домовый.

Да растрескался асфальт под безумными ногами
Пляшущих в последний раз сказочных существ.
Раскололся кобальт ночи ярко-рыжими кругами
Тех костров, где горели свитки древних королевств.

Чародеи со слезами на морщинистых щеках
Сломали свои посохи о старые колени,
Доспехи проржавели, а герои - те в веках
Растворились, не запомнились здешним поколениям.

Километрами развалин оказались те дворцы,
Где когда-то менестрели восхищали милых дам,
Феи, спотыкаясь, бродят в поисках пылицы
Оттого, что кто-то где-то не поверил чудесам.

На могиле волшебства возраст произносит речь,
Закрывается на ключ врезанная в сказку дверца...
В ожидании руки сгнил мой деревянный меч,
И с последним домовым умирает во мне детство.

Князь

Усталый август собирает силы,
Высветливая солнцем день,
Ломают копья с осенью постылой,
Туманом влезшей в складки деревень.

Рябиновым венцом он коронован
И хрустом яблочным до неба укрепясь,
Под желтолиственной тоски покровом
Сидит на троне постаревший князь.

Закаты замолкают, догоревши
Последним бликом на парной реке,
День замирает в лете загустевшем
И плавится у князя на руке.

А в княжьих снах - холодный ветер
Слепой вороной бьется наугад,
Срывая крыльями созвездий сети,
Нисходит он в звенящий звездопад.

Мать Мира

Твой образ вышний не поймает слово,
Не впишет кистью, не проткнет пером.
Он так же заперт, как и окрылен
Почтовый голубь в ящике почтовом

Адаму Бог ведь подарил лекало,
Его ребром твой образ он крестил
А я поймал душой то, что летало,
Вочеловечил, но не воплотил.

Ты – Мать Мира, хоть сама – ребенок,
Смеющийся изгибом облаков,
Подолом ловит в поле мотыльков,
И щурится, открыв глаза спросонок.

Но все же, тебя нет, ты слишком вечна,
Чтоб оставаться в облике одном.
Но, кажется, в одной из моих женщин
Твоя улыбка обрела свой дом.

Скоморох

Пусть покатится да покажется
Каждый вдох хороводом огней,
А за ребрами рвется-куражится
Печь и Ваня-дурак на ней.

С переломами, с перезвонами,
Со слов снимается копоть,
Скоморох смеется со стонами,
Искусаны руки по локоть.

Бубенцы на робе на нищенской,
Кумач на дерюге заплатою,
И бесовским веет, и иноческим
От бликов над шапкой рогатою.

Скоморошьего танца звонница
Раздерет, растревожит, расплещется,
И ни смех, ни плач не запомнится,
Только вечность померещится!

Разбежится морозным орнаментом
По груди холод космический,
А пятки жжет незапамятным,
Смолянистым костром языческим.

В гору руки бы, небо двигая,
Вылепить в облаке лик.
Да земля вьет корнями-веригами,
И долг перед нею велик.

Сговориться бы черту с ладаном,
Да и жить бы себе спококойненько,
Да навек глумиться загадано
Скомороху над Ваней-раскольником.

Ночь

Ночь – это время поэтов,
Время надушенных писем,
Время дуэлей, сонетов,
Читаемых в лунные выси.

Время гуляк, проституток,
Пьяниц в сточных канавах,
Едущих мимо маршруток,
Холодного ветра с канала.

Ночь не любит педантов,
Быль и сказка – в одной колыбели

Я прочитал варианты,
Вы запомнили то, что хотели.

Оттепель

Меня облапил ноябрьский вечер
И лижет теплым своим языком.
Свет фонарей по-домашнему вечен,
И небо кажется потолком.

Изгибы мокрых ветвей интимны,
Приватны, почти неприличны. Пар
Спрятать пытается их... Машины
Врезают мирок мой ланцетами фар.

* * *

Твой город одомашнен, приручен,
Мой — ошетинился торчащими столбами,
И водосточных труб железными губами
Он злобно шепелявит за плечом.
Знаком тебе твой город до дверей,
Истерлась на его изгибах карта,
Мой город бесится, и пленочка звериного азарта
Покрыла стекла диких фонарей.
Тебе твой город опостылел. Воют волки
В твоей груди, как пыль на книжной полке,
Скопилась серая домашняя тоска,
Жизнь до дверного сузилась глазка...
Мы встретились на крыше. Мир был вспорот
Рассветом, как улыбкой, а потом
У наших ног клубком свернулся город,
Прикрывший нос свой дымчатым хвостом.

Семен Эпштейн, Израиль

Конкурсное произведение

Когда бы Бродский...

Когда бы Бродский не был столь велик, то сев на велик, распустив подпругу ремня,
в седле и так довольно туго, педали отпустив шутить с песком, под горку покатыл

бы заполошно, быть памятником глупо, мелко, тошно, по ком звонит ваш колокол, по ком...

Не ворошите прошлого листы, от пошлости спасают кракелюры, не воскресить ушедшую натуру, напрасно копыя сломаны, персты, Стикс тёмен, сожжены давно мосты...

Остались тексты, что же, смерть фактуры, всего лишь голый факт, литература, поверьте ни при ком, и не причём, мы переводчики, а Лета всё течёт, сквозь кольца древесины и Сатурна.

От литературного обозревателя

Конечно, текст не слишком самостоятелен. И как стилизация не вполне удачен. Но интонация сохранена. Да и находок хватает.

«...быть памятником глупо, мелко, тошно...»;

«Стикс тёмен, сожжены давно мосты...»;

«...смерть фактуры, всего лишь голый факт...»;

«...а Лета всё течёт, сквозь кольца древесины и Сатурна...»;

Репрезентирующая цитата:

«...литература... ни при ком, и не причём, мы переводчики...».

(+)

В.Г.

Подборка стихотворений Семена Эпштейна

памятник Пушкину на площади Искусств

Застывший Пушкин: жест, осанка, статья...

Весь в белых наслоениях фекальных,

Пернатым на заслуги наплевать,

И это выражаясь фигурально.

Sic transit gloria...*, в остатке лишь молва.

Вторично всё, материя первична.

Великому – в помёте голова,

Всем прочим – погребение с поличным.

Сражаться с этим иль стреляться с тем,

Кобылу на скаку иль голым в прорубь.

Кто был ничем, останется никем,

На остальных всегда найдётся голубь.

* - Sic transit gloria mundi — лат. Так проходит мирская слава

* * *

*Михайловский сад, май, этюд
С.Ш.*

Ты помнишь: май, сирень стояла гордая?
Проходит всё и некого винить.
А девушка босая шла по городу
И просто попросила прикурить.

Вся вдалеке и мыслями, и чувствами,
Проходим улыбаясь наяву,
Шла девушка босая, безыскусная,
Не приминая первую траву.

Не вспомню ни по взгляду, ни по голосу...
Ах, память, ты давно пустая клеть.
Но девушка босая шла по городу –
Так проще оттолкнуться и взлететь.

* * *

Питер. Октябрь. Этюд

Осень жалует прохожих
лоскутами пёстрой кожи –
вспоминайте о погожих
пережаренных деньках.
Из чужой земли пригожей,
что ты ищешь, что ты можешь?
"Сторож места" осторожен,
не откроет тайника.

Ностальгии жёлтой жало –
снова сердце поприжало?
Тут и вспомнится, пожалуй:
"от себя не убежать".
Пусть, на время, время сжалось,
не рассчитывай на жалость.
Что тебя не удержало,
то тебе не удержать.

* * *

Елагин остров. Октябрь. Этюд

Небо серое над островом, над Питером
И погода эта здесь – обыкновением.

Телефон, и тот притих в тепле под свитером,
Полчаса без суеты, вне дел, вне времени.

Листья клёнов по аллеям свежей стружкой,
Дождь припустит, помолчит и снова сердится.
Глянет белка из-под ног, как нищий с кружкою.
Моросит.
По всей России небо серое.

* * *

Холмы Рухамы*. Февраль. этюд

Зима в пустыне – памяти разлад –
Февраль травой и маками неистов.
И мы на них, который год подряд,
Глядим с восторгом юных колонистов.

Пусть нет берёз, но взгляд издалика,
Что в поисках реликвий, так реликтов,
Находит их, почти наверняка,
В ободранных, как липка, эвкалиптах.

Здесь в прошлое распахнуто окно,
Дождь забирает горизонт в кавычки,
Картина, что знакома нам давно,
Что так близка, и, всё же, непривычна.

**природный заповедник на юге Израиля*

* * *

Набережная. Февраль. Этюд

Волны предшествуют ритмам, размерам, звукам.
В крыльях воздушного змея трепещут перья.
Тени сгущаются к вечеру, дай мне руку,
Яффо зажжёт огни и закроет двери.

Ветром сдуваются краски за край заката.
Бледной бархоткой луны горизонт отмечен.
Наши надежды, мы сами уже за кадром,
Дай же мне руку, держи меня крепче, крепче.

* * *

Ашкелон. Декабрь, этюд

Мраморной лестницей море стремится к пляжу,
Крепостью белой застыл пароход на рейде.
Все мы когда-нибудь станем песком, пейзажем,
Но не исчезнем, рассказам живых не верьте.

След оставляет по кромке воды прошедший.
Радость улыбки...о чём говорить влюблённым.
Ракушки нежный рисунок - гордись, Горшечник! -
Всё это тем, кто придёт посмотреть на волны.

Вышли из моря и в море вернёмся снова,
Прах и вода – вот и глина для новой цели.
Только останется слово, Твоё же Слово,
То, что слышали, то, что сказать успели.

Сергей Востриков, Воронеж

Конкурсное произведение

* * *

Осадок горек, и саднит скула.
Тебе не оправдаться перед ними.
Откружится отчаянья юла,
И снова выбирать иное имя.

Но как бы ни менял ты имена,
В каких обличьях ни являлся людям,
На их глазах сомнений пелена,
И перемены к лучшему не будет.

Пророков нет. Извечный парадокс,
Как въехать в город на убогой кляче...
Но как же можно бросить их сейчас ?
Вновь надо пробовать. А как иначе ?!

От литературного обозревателя

«...перемены к лучшему не будет. Пророков нет». Но те, кто считают себя пророками (в частном случае, поэтами) никогда не оставят свое служение высшим целям.

Репрезентирующая цитата:

*«...как же можно бросить их сейчас?
Вновь надо пробовать. А как иначе?!».
В.Г.*

Подборка стихотворений Сергея Вострикова

Мой грустный мим

Мой грустный мим с задумчивым лицом,
Исхлестанным дождями и тревогой,
Надеждами земными и дорогой,
В которой безопасней быть глупцом.

Мой грустный мим, как много мимо нас
Промчалось лиц, сомнений и забвений,
Которые, как смена поколений,
Пребольно бьют, да в сердце, а не в глаз.

Мой грустный мим. Всё реже через грим
Мы выдаем естественность реакций,
Как поиск ежечасных сатисфакций,
За мир души растоптанный, как Рим.

Мой грустный мим. Храни себя, храни.
Сквозь практицизм понятий и теорий,
Сквозь абсолютность жестких категорий.
Мой грустный мим. Храни себя, храни.

Мои драконы

Мои драконы чувственны и злы,
Их ярость переходит все границы.
Они оставят пригоршню золы
От места, что ночами будет сниться.
Мои драконы чувственны и злы.

Их когти рубят правду, как мечи,
Собою эту правду подменяя.

Сердца опалены огнём свечи,
Украденной из брошенного рая.
Их когти рубят правду, как мечи.

Их крылья закрывают свет луны
И гонят волны мрака на бумагу,
Порывом ветра разгоняют сны,
С усталых глаз высушивая влагу.
Их крылья закрывают свет луны.

Мои драконы городом пустым
Уходят прочь в туман густой и серый.
Возможно, их намеренья чисты,
Но в воздухе упрямо пахнет серой.

Дворы

Зашёл с проспекта во дворы... И всё.
Как будто мир свернул за угол.
Там, на проспекте, Мураками и Басё,
Фейсбуки, твиттеры и гугл.
А тут соцсеть и заодно поисковик —
Две бабушки на старенькой скамейке.
Хозяйка вытрясает половик,
И бродит дворник в яркой тюбетейке.

Тут мяч по-прежнему гоняет пацанва —
Такая у моих дворов основа.
Лишь кое-где бесхозная трава
Пытается сказать свои полслова.

В ответ всё так же что-то шепчут тополя,
И воронята лихо треплют булку.
Иду, послушно голову склоня.
Спасибо, жизнь, за пешую прогулку.

* * *

Древнее, дремучее пророчество
Дребезжит под ребрами в груди:
«Чтобы не пропасть от одиночества
Со своей земли не уходи.
Не меняй Отечества и отчества,
Как бы ни был горек их урок».
Вольное вино хмельного творчества
Пьёт сухая пыль родных дорог.

* * *

А я уйду отсюда на рассвете
Тропинкой неприметной луговой,
И чабреца сиреневые плети
По ветру закачают головой.
И запах луга терпкий, горьковатый
Потянется за уходящим вслед.
Как будто травы в чём-то виноваты,
Как будто просят передать привет...

* * *

Свернул кораблик из тетрадного листа,
Не собирался, вышло машинально...

Ничто не изменилось кардинально:
Не стала жизнь прозрачна и чиста,

Не засиял пейзаж в оконной раме,
Не стали ближе дальние места.

Но есть кораблик из тетрадного листа —
Видать и впрямь весна не за горами.

Чужой рай

Жгла день ото дня
Злая мысль меня -
Что вокруг стерня,
Не ступить босым,
Что слова не в срок,
Нервы как курок,
Что звенит звонок,
И дрожат весы.

Сам пришёл на край,
Попросился в рай.
Дескать, отпускай
Помаленечку
Мне мои грехи.
Только вот стихи
Все из чепухи,
Не ко времечку.

А в чужом раю,
Как в чумном краю,

Сам себя крою
По лекалу я.
Что ни слово - в масть,
Чтоб любому всласть.
Лишь одна напасть -
Осень шалая.

Если б не напасть -
Ни за грош пропасть.
Словно в омут в пасть
Одиночества,
Я из рая прочь.
Некому помочь,
Лишь глухая ночь
Как пророчество.

* * *

Городом простуженным и злым
Мечется душа, круги сужая, -
Дом чужой и женщина чужая
Ждет рассвета за окном чужим.
Огонек - лампада иль свеча -
Не понять сквозь ткань тяжелых шторок,
Чуткий сон иль полуночный морок,
Ожиданье Бога иль врача...
И не я, а кто-нибудь другой
Для неё и горе, и награда.
Вмерзшие остатки снегопада
Захрустят неловко под ногой.

Чересполосица

Кому дано, с того и спросится,
Тут даже к бабке не ходи.
Вся наша жизнь — чересполосица
С неясной целью впереди.

Нас из огня бросает в пылмя,
А мы всё тенью на плетень.
Так, дань отдавший сизым голубем,
Дотла сожжен Искоростень.

Огнём крестить, мечом докрещивать:
Не с нами кто — тот против нас.

Из золоченых светом трещинок
Слезой кровит иконостас.

Лишь миг между войной и теменью
Всё ждём-пождём благую весть.
Люты Малюты по безвременью,
Но и на них управа есть.

Из века в век, как ни раскрашивай,
Кружится смут веретено.
И если Бог с тебя так спрашивал,
То сколько ж, Русь, тебе дано?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очередность расположения произведений в каждом разделе сборника никак не связана с рейтингом конкурсных работ.

То, что стихотворение «Чересполосица» стало заключительным в сборнике, не означает, что его автор «последний в списке». Строчки «И если Бог с тебя так спрашивал, то сколько ж, Русь, тебе дано?» - достойное завершение темы, объединившей произведения авторов этого сборника.

А дано много. И лучшее подтверждение этому – сами стихи, представленные на ваш суд.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ.....	7
ОТ КОНКУРСНОЙ КОМИССИИ	8
ФИНАЛИСТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА 2016 года.....	10
Клавдия Смирягина, Санкт-Петербург	10
Никита Брагин, Москва	17
Виктория Кольцевая, г. Ровно, Украина	23
Ольга Флярковская, Москва.....	28
Сергей Макеев (Дуков), Москва	35
Владимир Кетов, Германия	42
Сергей Смирнов, Кингисепп	52
ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА 2016 года	59
Юрий Бердан, Нью-Йорк, США	59
ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ имени ИГОРЯ ЦАРЁВА 2016 года. ПРИЗЫ	
СИМПАТИИ (не вышедшим в финал)	67
Алексей Гушан, Малаховка, Московская область	67
Ирина Коротеева, Ростов-на-Дону	73
Александр Соболев, Ростов-на-Дону	81
ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»	90
Алена Алешина (Жеглова), Великие Луки	90
Александра Герасимова, Томск	99
Анатолий Столетов, Уфа	106
Андрей Козырев, Омск	113
Виктор Сапиро, Израиль	128
Владимир Узланер, Канада	138
Геннадий Миронов, Санкт-Петербург	145
Евгения Босина, Израиль.....	152
Елена Копытова, Рига	158
Лия Яковлева, Санкт-Петербург.....	166
Ольга Андреева, Ростов-на-Дону	174
Елена Сурина, Орск	182
Ольга Хапилова, Кемеровская область	187
Александр Чжоу (Алисов), Москва	191
Полина Орынянская, Балашиха, Московская область	197
Сергей Скуратовский, Нижний Новгород	204

Семен Эпштейн, Израиль	209
Сергей Востриков, Воронеж	213
ОГЛАВЛЕНИЕ	219

География Третьего конкурса Премии им. Игоря Царёва «Пятая стихия» (сезон 2016)

Российская Федерация

Башкортостан - Уфа
Бурятия - Северобайкальск
Татарстан - Альметьевск, Казань
Удмуртия - Ижевск, поселок Новый

Алтайский край - Новоалтайск
Краснодарский край - Владивосток
Приморский край - Спасск-Дальний,
с. Анучино
Ставропольский край - Ессентуки
Хабаровский край - Хабаровск

Архангельская область – Котласс; **Астраханская область** – Знаменск; **Брянская область** – Погар; **Вологодская область** - Сокол; **Воронежская область** - Воронеж; **Волгоградская область** - Калач-на-Дону; **Ивановская область** - Иваново; **Калининградская область** - Калининград; **Кемеровская область** - Прокопьевск, Темиртау; **Костромская область** – Кострома; **Москва и Московская область** - Москва, Балашиха, Королев, Красногорск, Малаховка, Раменское, Химки; ; **Нижегородская область** - Нижний Новгород; **Новгородская область** - Великий Новгород; **Новосибирская область** - Бердск, Новосибирск; **Омская область** - Омск; **Оренбургская область** – Орск; **Пензенская область** – Анучино; **Псковская область** - Великие Луки; **Ростовская область** - Ростов-на-Дону, поселок Рассвет; **Рязанская область** - Скопин; **Самарская область** - Самара, Тольятти; **Санкт-Петербург и Ленинградская область** - Санкт-Петербург, Кингисепп; **Свердловская область** - Екатеринбург, Каменск-Уральский, Камышлов, Нижняя Тура; **Томская область** – Томск; **Тульская область** – Тула; **Тюменская область** – Тюмень; **Ульяновская область** – Ульяновск; **Челябинская область** – Челябинск; **Ярославская область** – Ярославль, Рыбинск.

Ближнее Зарубежье

Беларусь - Витебск, Минск
Казахстан - Астана, Шахтинск
Латвия - Рига
Молдова - Тирасполь
Украина - Бердянск, Винница, Киев, Ровно, Харьков
Эстония - Таллин

Дальнее Зарубежье

Австралия - Сидней
Германия - Гамбург, Шверте
Израиль - Беэр-Шева, Кармиэль, Нагария, Неве Зив
Канада - Торонто
США - Нью-Йорк
Швейцария - Базель

